

Дмитрий Матвеев

Н
И
О
Ч
Ё
М
А

Олег ни бог, ни царь и не герой. Он не собирается завоевывать мир и нагибать всех подряд. Все, что ему нужно для счастья — комфорт и немного роскоши. Чужого ему не надобно, но за свое он будет грызть зубами. Вот только своего пока не лишку. Недоросль, в тело которого запулили Олега высшие силы, беден, как церковная крыса. Но как так случилось, что самый обыкновенный менеджер среднего звена получил шанс на вторую жизнь? А вот как. Человек он был не плохой, но и не хороший. На ад не нагрешил, на рай не наработал. Ни туда, ни сюда. Нио чём. И куда его теперь? А пускай еще погуляет. Может, стронется с нулевого баланса добра и зла хоть в какую-нибудь сторону?

Олег умер.

Так случается со всеми, рано или поздно. С кем-то естественным путем, от старости или болезни. С кем-то внезапно: нож бандита, грузовик навстречу, вражеская пуля в грудь или пара дружеских слов в спину. С кем-то дурачки: например, поскользнулся на мокром кафеле и долбанулся виском о край ванны

У Олега вышло совершенно идиотически: пил пиво перед телевизором, пошел к холодильнику за добавкой, споткнулся о кота и так удачно, что свернул шею. Но теперь это было неважно. Все, что заполняло его жизнь, было уже неважно: друзья, работа, долги, женщины, дурацкие споры о мелочах и прочее. Какое-то время ушло на осознание того, что он все же существует, а мертвое тело, лежащее перед холодильником, уже не принадлежит ему. А потом все как по нотам: белый тоннель и полет куда-то к свету. Сколько времени он летел тоже было неважно. Время не имело для него никакого значения. Просто в какой-то момент он понял: путешествие окончено.

Место, в котором оказался Олег, было никаким. Бесформенным. Кусок пространства, не имеющий видимых границ и очертаний. Но и это было неважно. У самого Олега тоже сейчас не было формы, одно лишь содержание. И это содержание принялись пристально изучать три неких сущности, бесплотных и бесформенных, как и все в этом странном и месте. В процессе они обменивались короткими порциями информации, которые не до конца адаптировавшимся к новому этапу бытия разумом Олега воспринимались как разговор.

— Жил грешно и помер смешно, — сказал один.

— Не так уж и грешил, — возразил другой. — Не убивал, не предавал, почти не крал, так, помалу. Иные вагонами прут, а этот изредка, на кружку пива.

— Зато прелюбодействовал, — вступил в общий разговор третий.

— Ну да. Дважды. Или нет, трижды. По нынешним временам и за грех считать нельзя.

— Грех, он всегда грех, — припечатал первый. — Клятву нарушал не единожды. И завидовал по-черному. Деньги любил.

— Кто ж их не любит?

Второй, кажется, решил взять на себя роль адвоката.

— Зато не чревоугодничал и не бражничал.

— Это потому, что денег не было, — буркнул третий.

— Ну, гордыни совсем чуть, — продолжал анализировать первый. — И печали с унынием не лишку.

— А вот посмотрите, — снова влез второй. — вот, вот и вот: невинные души спас. И совершенно бескорыстно.

— Да, есть такой момент, — согласился третий.

— Ну что решим? Куда его? — озадачил первый своих собеседников.

— В рай нельзя, — тут же откликнулся второй. — Грехов пусть и немного, но не пропустит привратник.

— В ад тоже не получится, — добавил третий. — Не лишку грешил покойник, да и грехи добрыми делами искупал.

— Да-а, задачка! — протянул первый. — Почти идеальный баланс. Вот же ниочема! Ни туда, ни сюда. Но ведь нельзя его здесь оставлять, куда-то непременно направить надо.

— А, может, дать ему еще один шанс? — снова высунулся второй. — Пусть потрепыхается, погеройствует.

— Ага, нагрешит как следует, — съехидничал третий.

— Что ж, предложение разумное, — подытожил первый. — Но обратно мы его отправить не можем. Поздно, у него уже трупное окоченение началось. Так... где у нас подходящий вариант? Ага, вот: мир похож на родной, с момента смерти реципиента еще минуты не прошло, клетки мозга отмирать не начали. Подойдет. Ну, пошел!

Олег вновь заскользил по белому тоннелю, слыша где-то позади затихающий разговор.

— А тельце-то принадлежит дворянину! Не жирно будет?

— Ничего, род совсем обнищал. Сможет — выживет.

— Вы куда смотрели? Там же магия есть! Он ведь при воскрешении столько силы получит, что всех разнесет вдребезги и пополам!

— А память? Память стереть забыли!

Где-то в трущобах тело юноши в рваной гимназической форме с вышитым на лацкане пиджака гербом дернулось и сделало судорожный вдох.

Глава 1

Где-то вне пространства

— Что вы наделали! — сурово спросил первый. — Почему магию проглядели?

— Да все нормально, шеф, — заюлил Третий. — Конечно, верхний предел уже не откорректировать, но я успел проверить: у реципиента текущий уровень был ниже плинтуса. Чтобы потенциал реализовать, нужно усилия прилагать, прокачиваться. А наш протез ленив, что твоя коала. Не вытянет, останется в лучшем случае в середняках.

— А память? — ехидно напомнил Второй. — Это вообще против любых правил. Ведь если не стерли память переселенца, то сотрется память аборигена! Как же он там выживать-то будет!

— Это, безусловно, косяк, — нахмурился Первый, — но отвечать за него придется всем троим, скопом. Поэтому предлагаю этот момент из протоколов изъять.

— Но как же... — начал было Второй.

— К нам в ад хочешь, на исправительные работы? — прервал его Третий.

— Нет-нет!

— Вот и не выпендривайся, — резюмировал Первый. — За этим ниочемой будем периодически приглядывать, чтобы делов не натворил. А сейчас хватит рефлексировать, работа ждет.

И гаркнул куда-то в пространство:

— Следующий!

Где-то в трущобах

— О-ох!

Олег со стоном сел. В ягодицу больно впивался острый камень, но по сравнению с головной болью это были сущие пустяки. Башка трещала словно после жуткой трехдневной попойки. Такая у него случилась лишь однажды, и эти кошмарные воспоминания навсегда отвратили его от неумеренных возлияний. Вот пивасика бутылочку-другую раздавить или бокал хорошего винца посмаковать — это совсем другое дело.

Помимо головы и задницы болело еще и все тело. Ощущения были такие, будто его долго и со вкусом пинала стая гопников. Такого опыта Олег не имел и не сожалел об этом совершенно. Но если бы таковой опыт случился, ощущения — по его, Олега, мнению — были бы именно такими.

К счастью, все это довольно быстро проходило. По крайней мере, боль уменьшалась до уровня, когда ее вполне можно терпеть. Оставалось лишь три болевых точки: задница, голова и, почему-то, левая сторона груди. Олег плавно, чтобы не усиливать мучения, опустил взгляд. На пиджаке, прямо напротив сердца, был узкий разрез шириной примерно сантиметра три.

— Меня убили?

Голос был писклявый, детский. Да и сам Олег, кажется, несколько усох в размерах. Но с большой головой обдумывать этот факт было невозможно.

— О-ох!

Медленно, придерживаясь руками за стенку, Олег поднялся на ноги. Осторожно оторвал руку от серого мокрого камня: организм, вроде бы, падать не собирался. Шаг, другой — получается. Осталось определиться, где он находится и куда нужно идти. Он огляделся.

Вокруг были дома, и лишь в одной стороне оставался проход. Тупичок? Тем лучше, он не ошибется с направлением. Олег, осторожно присев, подобрал примерно метровой длины палку — кажется, обломок черенка от лопаты. Опираясь на нее, как на трость, он заковылял вперед.

По мере движения боль в теле и, главное, в голове, уходила. К тому моменту, как Олег вышел к первому перекрестку, она и вовсе прошла. Зато включились чувства. Откуда-то здорово несло дерьмом. Еще присутствовали вонь помоев, запах тухлятины, но дерьмо в этой гамме ароматов явно превашировало. Очевидно, что надо было идти туда, где смердело слабее. Но десяток-другой шагов в любом направлении результата не давали: интенсивность вони не снижалась.

Тут на память пришли последние пережитые события: идиотская смерть у холодильника, полет в светящемся тоннеле, разговор неведомой троицы...

— Попал, мать твою! — прошептал попаданец. — Что там они еще бормотали?

Свободная рука машинально нащупала разрез на пиджаке, тот самый, что напротив сердца.

— Меня ж убили! — вспомнил он.

Теперь стало понятно: раз тело, в которое его запихнули, к тому моменту уже умерло, то произошли и все сопутствующие процессы, а именно — одномоментное открытие всех сфинктеров. То есть, выходит, он обоссался и вся это вонь происходит от него? Стыдобища-то какая! Надо ведь с этим что-то делать! От стояния на одном месте ничего не изменится. Надо идти дальше. Но куда?

Олег охлопал себя по карманам: пусто. На всякий случай принялся обшаривать каждую складочку: вдруг заваялась где-то монетка или еще какая подсказка? Монетки не ашлось. Но вот в нагрудном кармане лежала визитная карточка. На ней был телефон, имя, а на обороте надпись: звонить в самом крайнем случае. Отлично: есть, куда позвонить. Тем более, что случай и впрямь крайний. Осталось только выяснить, как.

Убрав карточку обратно в карман, страдалец побрел в ту сторону, где, кажется, дома становились опрятнее, а тротуары чище. Через пару кварталов на фасадах зданий начали появляться таблички.

— Улица Лизюкова, — вслух прочел Олег. — Это что, Воронеж?

Телефон-автомат был виден издали. Измученный путешественник между мирами ввалился в будку, мимоходом удивившись тому, что трубка на месте. На приклепанной к металлическому корпусу аппарата табличке значилось:

Бесплатные звонки

Пожарная служба

Вызов полиции

Медицинская помощь

Какое-то время Олег колебался: врачи или полиция? В конце концов решил, что врачи будут уместнее. В трубке пропикало с десяток долгих гудков прежде, чем сонный женский голос произнес:

— Станция экстренной медицинской помощи города Воронежа. Назовите свое имя и причину обращения.

— Я...

Только тут Олегу пришло в голову, что он не знает своего имени. То есть, имени того человека, в тело которого его забросили. Что ж, придется импровизировать.

— Я не помню. Меня, видимо, пытались убить и я потерял память.

— Видимо или пытались? — недовольно спросила женщина по ту сторону телефонного провода.

— Я не знаю. Я очнулся в каком-то незнакомом месте и ничего не помню. Но у меня на одежде дырка от ножа и много крови.

Женщина тут же посерьезнела.

— В каком месте рана?

— Дырка на груди, — доложил Олег. — А рана — не знаю, еще не смотрел. Для этого надо раздеться, а я бы не хотел этого делать посреди улицы.

— Где вы сейчас находитесь?

— Улица Лизюкова, дом... дом двенадцатый. Будка телефона-автомата.

— Ждите, никуда не уходите. Карета скорой помощи прибудет в течении пяти минут.

В трубке раздались короткие гудки. Олег вернул ее на рычаг и прислонился спиной к стенке телефонной будки. Было раннее утро, навскидку часов пять, не больше. Улицы были абсолютно пусты. Ну да, уголовники уже устали и удалились на покой, а законопослушные граждане еще не проснулись. Солнце еще не взошло, но уже было довольно светло. Черт его знает, чем занимался прежний теловладелец, но сейчас вся скопившаяся за ночь усталость внезапно навалилась и на тело, и на разум. Одномоментно заныли все синяки и ссадины, заломило мышцы и суставы, голова вновь принялась болеть, а грудь — саднить в том месте, где должна была быть рана.

— О-ох!

Где-то не слишком далеко послышалась сирена скорой помощи. Тетка на телефоне не обманула: действительно, и пяти минут не прошло.

Санитарный фургон с визгом затормозил у телефонной будки. Распахнулась задняя дверь и около нее засуетились двое крепких мужиков, вытаскивая носилки. А из передней дверки выпрыгнула строгая с виду женщина в белом халате и белом же колпаке с красным крестом.

— Вы скорую вызывали? — спросила она, открывая дверь будки.

— Я, — кивнул Олег и отключился.

Где-то в больнице

Перед глазами было совершенно белое пространство. На миг Олег даже испугался: никак все же помер и снова туда, в безвременье угодил! Но проморгавшись и приглядевшись понял: нет, это просто потолок. На удивление, у него ничего не болело: ни голова, ни тело. И тот шрам на груди под сердцем тоже саднить перестал. Самое время подумать о себе и о своем будущем.

Он тщательно припомнил болтовню астральной троицы. Получалось так, что его отправили зарабатывать себе карму в какой-то другой мир. В этом мире есть магия, и он по каким-то астральным законам переселения душ тоже должен стать магом. Что-то еще бормотали насчет памяти, но нет: вся память при нем. От первых обмоченных пеленок и до последней бутылки пива. Все это можно считать позитивом: куда лучше быть живым магом в неведомом мире, чем дохлым мужиком в своем собственном.

А какие можно найти минусы? У того бедолаги, в чье тело его так бесцеремонно запихнули, явно были проблемы. Иначе с каких щей затащили бы его в неведомые чигиря и пырнули ножиком в сердце? Шпана скорее бы печенку пластанула или вовсе кишки выпустила. А тут один удар — и все. Профессионал работал, не иначе. И еще минус: он

ничего не знает ни о себе — вернее о том, человеке, которым стал, ни о мире, в котором очутился. Кто знает, может здесь принято таких, как он, приносить в жертву местным богам! А единственное, что может спасти его в этой ситуации — амнезия. Не помню ничего — и все тут. И поди докажи обратное.

Олег пошевелил руками-ногами. Эксперимент прошел удачно. Повороты головы тоже удались. Заодно получилось осмотреться. Ничего особенного обнаружено не было. Палата как палата. Одно лишь удивляло: он был в ней один. И даже пустых коек рядом не было. Круто! Там, в прошлой жизни, такой сервис больших денег стоил. Хотя... он ведь, вроде, дворянин, если верить той мутной троице. Может, здесь для дворян такие условия в порядке вещей. Если так, хорошо. И еще один момент: там, в прошлой жизни он был не особо состоятельным мужиком в возрасте глубоко за сорок. Толстым, лысым и не слишком симпатичным. По крайней мере, девушкам он не нравился. А сейчас, судя по всему — он глянул под укрывавшую его простыню — ему не больше восемнадцати, и все еще впереди. И можно реализовать все те хотелки, что не вышли тогда. Если подумать, то он в большом плюсе!

Послышались шаги, скрипнула дверь и женский голос кому-то доложил:

— Он очнулся!

И тут же палата заполнилась людьми. Пара женщин в белых халатах были идентифицированы как врачи. Были они симпатичны и фигуристы и вызывали позитив как в душе, так и в теле. Зато двое хмурых мужчин в форме симпатий не вызывали. Возникший было позитив упал так же быстро, как и поднялся.

Первыми к постели подошли женщины. Та, что помладше, остановилась чуть в стороне, а та, что постарше, приблизилась вплотную и принялась водить руками над Олегом. «Колдует!» — подумал он с восхищением. — «И я так же смогу, а то и круче».

Колдовала врачиха недолго.

— В данный момент пациент вполне в состоянии отвечать на вопросы, — сообщила она и отошла в сторону.

— В таком случае, позвольте нам побеседовать с пациентом наедине, — сказал один из форменных.

Настроение Олега упало еще на пару пунктов. Людей в форме он опасался, поскольку от них всегда можно было ожидать неприятностей. А тут еще и такие экземпляры! Ишь, вроде бы и просьбу озвучил, а прозвучало как приказ. То-то медработницы быстрехонько свалили!

Отославший докториц мужик откуда-то из-за поля зрения Олега извлек стул казенного вида, утвердил его рядом с кроватью и уселся. Второй, помоложе, остался стоять.

— Здравствуйте, — начал разговор сидящий.

— Здравствуйте, — неуверенно ответил Олег.

— Я — инспектор полиции Тимохин Вениамин Ильич.

— Очень приятно.

Инспектор Тимохин принял еще более хмурый вид.

— А вы не хотите назвать в ответ свое имя?

— Хочу, но не могу. Не помню.

Кажется, стать еще хмурнее было уже невозможно, но инспектору это удалось.

— При звонке на станцию медпомощи вы заявили, что вас пытались убить.

— Я этого не говорил, — быстро отперся Олег.

— А говорите, что ничего не помните, — хмыкнул полицейский.

Теперь Олегу пришла очередь хмуриться. Сдаваться он не собирался, ибо хорошо помнил народную мудрость: чистосердечное признание смягчает вину, но увеличивает срок. Как офисный работник с немалым стажем, он хорошо изучил сложное искусство прыжков в сторону и намеревался применить его в полном объеме.

— Давайте конкретизируем. Я обнаружил себя на какой-то помойке избитым и с дырой в одежде напротив сердца. Все, что было до — не помню. Все, что после — помню прекрасно. Если, конечно, был участником или свидетелем действия. Так вот: я обратился за помощью уже после того, как очнулся не пойми где. И, конечно же, я дословно помню все, что говорил девушке по телефону. Так вот: я лишь высказал предположение, основываясь на личных ощущениях и внешнем виде своей одежды. Вы ведь уже успели опросить медицинский персонал, и, значит, эту информацию уже получили. Кроме того, вы наверняка знаете, что я потерял сознание в момент прибытия бригады скорой помощи, что косвенно подтверждает мои выводы.

Инспектор выслушивал этот монолог с кислым видом, а в конце пробормотал в сторону что-то навроде «гребаные аристо».

— Хорошо, — сказал он наконец. — Вы можете указать место, где пришли в себя?

— Думаю, да. Если мы будем двигаться от той телефонной будки, где меня подобрали, то с большой вероятностью я выйду к тому самому тупичку.

— В таком случае вставайте, едем.

— Э-э-э... как бы вам сказать... меня не арестуют за вызывающе аморальное поведение?

Олег откинул верхнюю половину укрывавшей его простыни, обнажив обтянутые кожей ребра без малейших признаков мышц. Под нижним ребром с левой стороны груди был хорошо заметен зарубцевавшийся шрам от ножа.

— Одежда, которая была на мне в момент встречи с докторами, была несколько испачкана. А где взять другую я совершенно не представляю. Если вы не забыли, я не помню ни имени, ни статуса, ни своего материального положения. Вполне может быть, что за моей душой отсутствует даже грош.

Полицейский оглянулся на своего коллегу. Тот, без слов уловив посыл, метнулся в соседнее помещение. Через пару минут он вернулся и пошептал результат на ухо своему начальству. Как Олег ни старался, не смог уловить из сказанного ни единого слова. Впрочем, инспектор тут же удовлетворил его любопытство.

— Действительно, одежда ваша пришла в совершенную негодность. Даже на тряпки пустить её было невозможно, а потому ее просто выбросили.

— Очень жаль. А герб разобрали?

— Какой герб? — напрягся инспектор.

— Ну как же! На пиджаке был вышит герб. Деталей я, увы, не запомнил.

Полицейский вновь бросил взгляд на своего напарника. Тот изобразил уныние, но послушно поплелся выполнять задание.

В этот раз он вернулся через четверть часа. За это время Олег успел изрядно заскучать. Инспектор наверняка тоже извелся ожиданием, но вида не подавал и с вопросами не приставал. Наконец, открылась дверь и молодой полицейский протянул своему начальнику кусок грязной тряпки с вышитым на ней рисунком. От тряпки и от помощника за версту несло помойкой.

Инспектор полиции не стал брать в руки доказательство. Вместо этого он достал из

нагрудного кармана френча вполне привычного Олегу вида смартфон и сфотографировал улику. Затем из бокового кармана извлек целлофановый пакет с застежкой и, стараясь удерживаться от брезгливой гримаски, протянул коллеге. Тот покраснел, как помидор, но пакет взял, упаковал в него добычу и, упрятав ее в карман, выскочил из палаты. Наверное, для умывания и дезодорации.

— Это уже зацепка, — вновь заговорил инспектор. — Если, конечно, это был ваш костюм.

— Тут я не могу ничего ни подтвердить, ни опровергнуть, — попытался пожать плечами Олег.

— В таком случае, говорить нам пока что не о чем.

Полицейский поднялся, кивком попрощался и ушел. Вместо него тут же появилась симпатичная молоденькая медсестра, и настроение попаданца вновь принялось подниматься, поднимая при некоторые части тела и даже отчасти простынь. Девушка ненадолго отвернулась к застекленному шкафчику, чем-то позвякала, а когда повернулась к своему пациенту, у нее в руках был устрашающе сверкающий острой иглой шприц.

— Больной, — скомандовала она, — повернитесь на живот!

Полицейский инспектор к Олегу больше не приходил, зато прислал своего молодого коллегу. К этому времени безмянный пациент уже вполне мог вставать с койки. Ему выдали больничную пижаму, чтобы он не смущал своим видом ни персонал, ни женскую половину пациентов. Он даже самостоятельно ходил в небольшую уютную столовую, дабы употребить вполне приличного качества комплексный обед. Или комплексный ужин. Или завтрак — в зависимости от времени суток. На самом деле, по состоянию здоровья его вполне уже могли выписать. Но прежде полагалось выполнить процедуру идентификации, чем и занялся молодой сотрудник органов правопорядка.

Он бережно извлек из выложенного мягким материалом кофра некий предмет, смахивающий на ручной полицейский радар для определения скорости нарушителя, установил его на специальную треногу, а перед «объективом» усадил на стул объект идентификации. Для протокола были приглашены пара дежурных медсестричек.

Приготовившись к началу процесса и убедившись, что девушки действительно наблюдают, а не тряндят о новых туфельках подружки, полицейский сделал несколько пассов руками. Вокруг аппарата возникло легкое свечение.

«И этот колдует!» — подумал Олег. — «А я-то когда начну?»

Полицейский закончил приготовления и начал действовать. Все это походило на некий мистический ритуал: странный прибор, мессир в сером френче, таинственные огни, ассистентки в белом...

— Начинаем съемку ауры потерявшего память гражданина, обнаруженного за два дня до сего бригадой скорой медицинской помощи в телефонной будке по адресу: улица Лизюкова, двенадцать. Процедура проводится сержантом полиции Василием Громких августа девятнадцатого, года восемьсот сорокового от Обретения с помощью эфирного сканера модели «Волна-3» в присутствии двух свидетелей согласно инструкции 542-бис. Исправность сканера подтверждается поверочным сертификатом.

Олегу ужасно хотелось что-нибудь сказать или сделать, чтобы разрушить серьезность обстановки, но он сдержался. Тем временем аппарат с тихим жужжанием выполнил свою работу.

— Снимок ауры зафиксирован, — резюмировал сержант. — Свидетелей прошу подтвердить этот факт отпечатком пальца.

Девушки, такие же серьезные и сосредоточенные, как и полицейский, по очереди приложили пальчики к сенсорной пластине на боку сканера.

— Поскольку на одежде, в которой был найден опознаваемый гражданин, обнаружен герб рода Песцовых, производится сличение родовых признаков ауры с эталоном. Эталон имеет удостоверение Императорского Государственного архива дворянских родов, что подтверждается соответствующей меткой на поверхности образца. Прошу свидетелей удостовериться.

Свидетели удостоверились. Действие продолжилось.

Полицейский вставил пластинку эталона в аппарат и вновь сделал несколько пассов. Свечение вокруг сканера помигало-помигало и окрасилось зеленым.

— Подтверждена принадлежность опознаваемого дворянскому роду Песцовых. Совпадение ключевых параметров ауры девяносто восемь процентов при допуске

отклонении от эталона в десять процентов. Свидетелей прошу засвидетельствовать этот факт отпечатком пальца.

Никого — ни сержанта, ни медсестричек такая вопиющая тавтология не покорила. И лишь Олег мысленно скривился. Кривиться мимически он побоялся: вдруг набежит лишний процент несоответствия.

— Согласно данным Императорского Государственного архива, в настоящее время в живых числится единственный представитель рода Песцовых: Песцов Олег Иванович года рождения восемьсот двадцать третьего от Обретения. Производится сличение ауры опознаваемого с аурой Песцова Олега Ивановича.

Олег заскучал. Вся эта безусловно важная и ответственная процедура наводила на него жуткую тоску: слишком уж все было заформализовано и ритуализировано. Умом он понимал необходимость сохранять спокойствие и присутствие духа до конца сеанса, но как же это было занудно! Но всему рано или поздно приходит конец. Спустя несколько минут наводящих смертную тоску формальностей и миганий сканера, аппарат вновь засветился зеленым, а полицейский торжественно доложил:

— На основании сличения ауры с зарегистрированным образцом подтверждена личность дворянина Песцова Олега Ивановича. Процедура идентификации личности проведена сержантом полиции Василием Громких в присутствии двух свидетелей, о чем составлен акт государственного образца. Олег Иванович, поскольку процедура идентификации аннулирует все ранее выданные документы, удостоверяющие личность, вам надлежит в трехдневный срок посетить городской филиал Императорского архива для получения нового комплекта. Засим разрешите откланяться.

Молодой полицейский оперативно свернул аппаратуру и свалил, оставив на прикроватной тумбочке закатанный в пластик лист бумаги с радужными разводами и водяными знаками. Наверняка присутствовали еще и магические метки, но Олег не знал, как их посмотреть. Повертев бумажку в руках, он бросил ее обратно.

Где-то в недрах Императорского Государственного архива

— Здравствуйте. Мне необходимо зарегистрировать договор дарения и внести изменения в документы на право собственности.

Клерк взглянул на посетителя, последовательно оценив холеные руки с родовым перстнем на безымянном пальце, дорогую ткань костюма, золотую булавку с бриллиантом в галстук, породистое лицо и стильную прическу.

— Позвольте взглянуть на документы.

— Извольте.

Клиент подвинул по столу нетолстую папку.

— Так... документы на право владения участком земли, выписка из реестра акционеров о пакете именных акций, документы на договор банковского вклада и договор дарения на все вышеперечисленное. Все оформлено правильно. А где даритель?

— К сожалению, он нездоров. Но есть доверенность, заверенная нотариально.

— Разрешите?

— Все в папке.

Клерк нашел нужную бумагу, проверил правильность составления и подлинность документа.

— Прекрасно. Осталось последнее: подтверждение сделки с помощью личных идентификаторов. Позвольте ваш.

Клиент протянул переливающуюся всемицветами радуги карточку размером с ладонь. Клерк вставил ее в специальную щель специального аппарата и дождался, когда прибор мигнет зеленым цветом.

— Теперь идентификатор дарителя.

— Пожалуйста.

Клерк вставил карточку в тот же аппарат рядом с первой. Устройство несколько раз мигнуло, а после засветилось тревожным красным цветом, и по этажу разнесся пронзительный звук сирены.

Где-то в больнице

Олега слегка приодели. Он раскатал было губу — мол, ради симпатичного аристократа сейчас медсестрички расстелятся и расстараятся по-полной, но его всего лишь отвели в кладовку.

— Вот, — ехидным скрипучим голосом поведала ему сухая желчная бабка, — выбирай, милоч.

— Это что? — ошеломленно спросил Олег, глядя на кучу разноцветного тряпья.

— Это вещички тех, кто в больнице помер. А родственники либо не стали забирать барахло, либо их, родственников, вообще не было. Да ты не думай, все стирано. Специально не выкидываем, держим для таких, как ты, кто сюда в чем мать родила попадает.

Можно было поспорить насчет того, были ли на Олеге при рождении костюм и ботинки, но даже на первый взгляд бабка была опытной и изощренной в подобных дискуссиях. Поэтому молодой человек смирил гордыню и наклонился к вороху обносков.

После получаса копания в барахле, были отобраны более-менее подходящие по размеру синие штаны и ярко-оранжевая футболка. И еще кислотно-зеленые пляжные шлепки. Этот наряд придал Олегу такой экзотический вид, что медсестры все как одна принялись деликатно отворачиваться, зажимая рот ладошками. Но отфыркавшись, они сжалились над парнем и выдали ему из своих закромов комплект одноразового белья: белые трусы-боксеры и коротенькие белые носочки. В носочках Олегов уровень эклектики возрос неимоверно, но без них выходило и вовсе позорно. Ему милостиво позволили дожждаться обеда, как следует подкрепиться и проводили до дверей под свет нежаркого августовского солнышка.

— Идти недалеко, — напутствовали Олега девчонки. — Вот сейчас прямо по улице и на третьем перекрестке направо. А там сами увидите. А как документы получите, так сразу можно будет узнать, где проживаете, какой имеется капитал и все остальное. Если все совсем плохо, есть государственные приюты. А как восемнадцать исполнится, так и в армию пойти можно. Срок по контракту отслужите, а дальше хоть учиться, хоть карьеру строить — все проще будет.

Поначалу Олегу было слегка обидно: как же, не оценили его, такого замечательного. Но пройдя квартал, он остановился у витрины какого-то магазина и поглядел на себя со стороны. В отражении кисло морщился худосочный сопляк, одетый в неопишимо убогие ремки. Да, был бы он девушкой, сбежал бы от такого красавчика куда подальше, хоть какой там он аристократ. Но ведь ему нужно только до этого Архива добраться, а что там будет еще неизвестно. Может, оттуда он выйдет одетый круче лондонского денди! Олег еще раз глянул на свое отражение. А что? Если шмот подобрать других фасончиков, а цвета чуть других оттенков, то можно претендовать на экстравагантность. И поражать девчонок буйством красок и смешением стилей. Он улыбнулся, подмигнул себе и отправился дальше.

На площади перед входом в Воронежский филиал ИГА

— Ваша задача — не пропустить вот этого мальчишку.

Солидный господин в дорогом костюме, явно пошитом на заказ, протянул паре громил фотографию. На ней был изображен худощавый подросток в гимназической форме с гербом на лацкане пиджака.

— Не дайте ему войти в здание. Делайте что хотите, хоть прибейте его прямо здесь, на площади, но внутрь он попасть не должен ни при каких обстоятельствах. Все ясно?

— Так точно, шеф, — отозвался один из бугаев.

— Тогда выполняйте.

Господин отошел в сторону и уселся в машину на заднее, «начальственное», сиденье. Он был зол и напуган одновременно. Ведь он сам видел, как прирезали пацана, сам зафиксировал смерть. Откуда же он мог взяться? А теперь Глава в ярости: его человек в столице попался в момент попытки воспользоваться аннулированным удостоверением. Причем еще утром все было в порядке, каждую бумажку проверили на три раза! Конечно, человека вытащат, он слишком много знает, чтобы оставлять его полицейским ищейкам. Но сколько денег уйдет на взятки — страшно даже подумать.

Господин в дорогом костюме открыл дверцу бара, вынул бутылку и рюмку, щедро плеснул себе водки, выпил залпом, не чувствуя вкуса. Не ощутив эффекта, повторил. Прислушался к себе: вроде, нервы начало отпускать.

Это что же выходит? Если отбросить эмоции и опираться только на факты, то получается, что пацан каким-то невероятным образом выжил и добился процедуры идентификации личности. И как у него мозгов-то хватило, у этого хлюпика! Теперь он в течении трех дней обязательно должен появиться здесь. И на этот раз сплеховать нельзя, Глава не простит повторного провала.

Вокруг здания Архива дежурили четыре пары бойцов, напряженно высматривая клиента. Им доходчиво объяснили, что произойдет в случае прокола. Испытать это на своей шкуре не хотел ни один.

Здоровенный бритый качок из той пары, что терлась неподалеку от главного входа, гыгыкнул и толкнул напарника в плечо.

— Во, гляди, какой клоун!

Через площадь, нисколько не стесняясь своего вида, шел вразвалочку натуральный бомж. Одежду он, наверное, подобрал на ближайшей помойке. Встречные прохожие при виде его морщили носы и старательно отворачивались. Бомж без малейших колебаний направился прямо в Архив.

— Спорим, его на пинках вынесут через минуту!

— Ты лучше клиента ищи, — раздраженно бросил напарник. — Сам знаешь, что будет, если упустим.

Где-то в Воронежском филиале ИГА

Молодая девушка за регистрационной стойкой в фойе Императорского архива с недоумением уставилась на ввалившегося в двери юного бомжа.

— Добрый день, — с вежливой улыбкой произнес бомж, уверенным шагом подойдя к стойке. — Мне бы хотелось получить удостоверение личности, а также навести некоторые справки относительно своих активов. Как я могу это сделать?

— Предъявите ваши документы для регистрации в качестве посетителя, — произнесла девушка заученную фразу.

Оборванец досадливо поморщился.

— Мадемуазель, ну я же вам только что сказал, что пришел сюда за получением этих самых документов. А сейчас их у меня, естественно, нет.

— Я не могу пропустить вас без документов, — отрезала работница.

— И как я, по-вашему, должен их получить, если вы меня не пропускаете?

— Это не мои проблемы.

Бомж на секунду задумался.

— Раз вы не в состоянии решить мой вопрос, пригласите сюда того, кто может. Например, вашего начальника.

Перепалка привлекла внимание скучавшего неподалеку охранника.

— В чем дело?

— Вот, — наябедничала девушка. — Пришел без документов и требует пропустить. Еще и права качает!

Охранник без разговоров ухватил парня за ворот и поволок в сторону дверей.

— Это произвол! — громко закричал тот. — Я дворянин! Вы не имеете права! Я буду жаловаться в полицию! Я добьюсь, чтобы вас всех уволили!

Люди в фойе стал оборачиваться на крики.

— Совсем бомжи охамели! — возмутилась дама в деловом костюме.

— Куда смотрит полиция! — поддержал ее стоявший рядом толстяк в джинсах и клетчатой ветровке.

— Закатать его на пятнадцать суток! — потребовала хрупкая бабулька в старомодной шляпке. — Пусть мусор убирает!

— Ага, за собой, — поддакнул прыщавый молодой человек в слаксах и худы.

Тем временем охранник доволком упирающегося оборванца до дверей и вышвырнул его на улицу, сопроводив увесистым пинком. Поглядел, как покатился кубарем наглый бомжара и, довольный, направился на свое место.

На площади перед входом в Воронежский филиал ИГА

— Гы- гы! Я ж говорил! — обрадовался бугай, увидав, как недавнего бомжа выпинаывают из Архива.

— Ну, где? — вяло поинтересовался его напарник.

— Да вон, смотри, у входа!

— Ну и придурок же ты! — рывкнул бандит. — Это ведь клиент!

И быстрым шагом направился ко входу в Архив. Недотепистый бугай поспешил следом.

Олег был раздосадован. Олег был зол. Олег был вне себя от ярости! Это же надо! Какая-то сикилявка вместо того, чтобы выполнить как полагается свою работу, тупо сдала его охраннику. А этот debil решил, что его можно безнаказанно бить. Ну он им покажет! Вот только получит свои документы, и накатает в жалобную книгу сочинение страниц на пять. А все эти ублюдки, которые смотрели, как его унижают, и радовались? А ведь формально он не сделал ничего противозаконного. Вел себя образцово, говорил вежливо. И что получил в ответ? Помнится, история про Рэмбо тоже начиналась с шерифа-идиота.

Парень поднялся на ноги, отряхнулся, оглядел свой наряд. Да, он и без того выглядел не блестяще. Но сейчас всю одежду — кроме шлепок и белых носочков — можно было просто выбрасывать. Ворот футболки разорван, штаны в местах контакта с асфальтом продраны. Теперь любой наряд полиции заберет его в каталажку, и будет прав.

Он поднял голову и тут увидел, как в его сторону целенаправленно идут двое мордovorотов. Сразу занял шрам от ножа. Ну уж нет, он им не дастся!

Олег кинулся было в одну сторону, в другую — везде дорогу перекрывали подобные ублюдочные парочки, а в Архиве ждал злобный охранник, который радостно вышвырнет его прямо в руки убийц. Обложили, демоны!

Самые светлые мысли обычно приходили Олегу в голову в самых отчаянных ситуациях. Наряд полиции? В каталажку? Да это же спасение! Он выдернул из ближайшей урны пустую бутылку и швырнул ее в стеклянные двери Архива. Бутылка разбилась, двери — нет. Что делать? А-а, все одно пропадать!

Где-то в Воронежском филиале ИГА

Олег кинулся в фойе Архива, подбежал к охраннику, который еще не успел дойти до своего места и с разбегу пинанул ему между ног. Тот с сипением принялся заваливаться на бок. Заорала сирена. Охраны в холле стало неожиданно много, и все бежали к нарушителю общественного спокойствия, чтобы немедленно винтить и карать. А Олег перепрыгнул турникет рядом со стойкой регистрации и остановился, держа в поднятой руке сверкающий радужными разводами Акт об идентификации личности. Кидаться следом и прыгать через турникет охранники не стали, и молодой человек несколько расслабился: есть шанс объясниться. И тут у него в голове словно бы разорвалась бомба и свет погас.

Глава 3

На этот раз Олегу суждено было очухаться не на белых простынях, а на грязном бетонном полу. Тело задубело от холода, голова раскалывалась от боли. Он осторожно пощупал затылок: там налилась здоровенная гуля размером едва ли не с кулак. От и без того рваной одежки остались жалкие ошметки, от которых совершенно не было толку: ни наготу прикрыть, ни любимое тельце согреть. Разве что одноразовые трусы и белые носочки еще оставались целыми.

Парень скинул то, что еще оставалось от штанов и футболки, расстелил на полу и уселся сверху. Быстрый осмотр тушки показал, что лечение в больнице прошло насмарку: все тело было в синяках и ссадинах. Документы отобрали, и даже лежанки пожалели. Одна радость, что живой. Ну а раз так, оставалось делать то, что оставалось, то есть радоваться.

Еще что-то, какая-то мысль зудела в голове, но боль в затылке мешала сосредоточиться и выловить ее. Впрочем, времени у Олега было предположительно много, стойко переносить боль, холод и голод не хотелось, так почему бы не попробовать отрешиться от жалоб слабого тельца и не помедитировать? В случае неудачи, он ничего не теряет, а в случае успеха, по крайней мере, не будет маяться. Как там рекомендовали индийские йоги? Сесть в позу лотоса, положить руки на колени, соединить пальцы в нужную мудру и направить внимание в третью чакру.

Когда-то давно, в прошлой жизни, Олег пытался выполнить что-то подобное, но затормозил на первом пункте. Для его комплекции поза лотоса оказалась абсолютно недоступной. Сейчас же все вышло гораздо легче. Тощие ноги, не потерявшие еще гибкости в суставах, послушно скрестились, руки расположились в нужных местах, словно сама собой выпрямилась спина, дыхание выровнялось и стало глубоким и размеренным. Боль осталась, как и все остальные проблемы, но перестала терзать тело и мозг, оставшись где-то за пределами восприятия. И все получилось так легко и естественно, будто Олег уже сто раз проделывал это. Надо было бы удивиться, но не получалось: зачем удивляться процессу, столь же естественному, как и дыхание?

В точке третьей чакры, где-то рядом с солнечным сплетением, обнаружилась изумрудная горошина. И от нее по телу расходились волосяной толщины ниточки. Если верить прочитанным от безделья книжкам про магов, это должно быть магическое ядро и магические каналы. Но чего же оно все такое малюсенькое? Понятно, почему пацана зашугали: кто же сможет нормально колдовать с таким мизерным запасом энергии! А то швырнул бы пару-тройку файрболов или сосулек с молниями, и пошел себе по делам, небрежно смахивая со смокинга окровавленные ошметки горелой плоти.

Вновь проснулась зудевшая где-то в подкорке мысль. Олег осторожно, чтобы не спугнуть, потянулся к ней. Мысль? Как бы не так. Послание! Вот они, полагающиеся попаданцу рояли. Наконец-то!

Послание, что удивительно, оказалось от астральной сущности, которую Олег про себя обозвал «Второй». Сообщение было коротюсеньким, словно отправленным тайком, и содержало одно слово: «тренируйся». К посланию прилагалась и краткая инструкция этих самых тренировок: как раскачивать емкость ядра и как увеличивать мощность каналов.

В этом мире было принято качать ядро сливая из него всю энергию под ноль. По неведомым законам при последующем наполнении ядро должно на какую-то долю процента

увеличиться. Методика была неплоха, но сильно ограничивала частоту тренировок: пока там естественным путем заполнится ядро энергией! И чем больше ядро, тем реже шла прокачка. Астральный же метод предполагал, напротив, в уже заполненное ядро пытаться добавить дополнительную каплю энергии, растягивая его изнутри словно резиновый мячик. Главное здесь было — не переборщить с размером капли.

Проблема же состояла в том, что, по устоявшемуся мнению, маг может оперировать только энергией собственного ядра. И откуда брать дополнительные «капельки» было совершенно непонятно. Но в астрале эту проблему решили, и теперь Олег мог качаться практически непрерывно, лишь бы его никто не беспокоил.

Добавить капельку энергии в ядро, подождать, расслабиться, выпуская излишки наружу. Сделать паузу на три вдоха-выдоха, и повторить. И так продолжать раз за разом, пока не надоест, или не придет время заняться чем-нибудь другим. В бетонной клетушке никаких других занятий не предвиделось, и Олег раз за разом повторял одно и то же действие. По крайней мере, от этого занятия была хоть какая-то польза.

В медитации течение времени не ощущалось. Парень словно бы выпал из мира, сосредоточившись на своем магическом ядре. Может, это было самовнушение, или еще что, но к тому времени, как в замке железной двери заскрежетал ключ, горошина ядра выросла в размере раза в полтора.

Директор Воронежского филиала Императорского Государственного Архива был зол. День не задался с самого утра. Жена запилила, машина сломалась, любовница намекнула на возможную беременность. А теперь еще и это! И как выйти из создавшегося положения без потерь он не знал.

— Что делать будем, Вася? — спросил он своего заместителя. — Есть у тебя в голове светлые идеи?

Идей у Василия Васильевича Прончищева не было. Вообще-то человек он был дельный работал на совесть, служебные обязанности выполнял и перевыполнял, но с таким дерьмом сталкивался впервые. Как, впрочем, и начальник его, Георгий Георгиевич Соколовский.

— Георгич, а почему этот сопляк сразу бумажку свою не предъявил?

— Так дура в регистратуре с него потребовала удостоверение личности. А этот акт — лишь основание для выдачи этого самого удостоверения. Он ей так и сказал, а она охрану позвала.

— А нефиг ходить по городу в непристойном виде.

— Вот! Это единственное, что мы можем ему предъявить, и то с оговорками. Ты же видел бумаги? Его подчистую ограбили накануне ночью, подкололи, еле выжил. Еще и память потерял. Вот и пришел в чем было. Вернее, в том, что добрые люди отжалели.

— Документики-то подлинные? — накидывал варианты Вася.

— Разумеется. Уже везде позвонил, везде пробил. И больница подтвердила, и полиция. Да и акт идентификации подделать невозможно в принципе.

— А, может, это — нет дворянина, нет проблемы? Он где сейчас?

— У нас в карцере сидит. Вон, полюбуйся.

На мониторе был хорошо виден каменный мешок и в нем почти что голый пацан, одетый лишь в одноразовые трусы, белые носочки и пляжные шлепки.

— Засранец! Другой бы на его месте рыдал, матерился или на двери кидался, а этот медитирует!

Вася хлопнул себя по колену, и на эмоциях перестарался.

— Вот, млин, гад!

Он потер ушибленное место.

— Так что, этот шибздик не только дворянин, но еще и одаренный?

— Как видишь.

— Ну так тем более. Придушить куренка, и дело с концом.

— Эх, Вася-Вася!

Директор Воронежского филиала ИГА открыл встроенный в стол сейф и вынул оттуда початую бутылку коньяка.

— Твоя проблема в том, — продолжил он, — что ты не владеешь всей полнотой информации.

— И что же такого я еще не знаю?

— А того, что сегодня в столичном Архиве некто пытался переписать на себя имущество парня, используя его старый идентификатор. Тот самый, который сегодня утром был заблокирован в момент проведения идентификации. По таким случаям, сам знаешь, безопасники землю носом роют. А этот самый акт идентификации, — он похлопал по лежащему на столе радужному бланку, — был засвечен на всех камерах наблюдения в фойе. И эти записи наверняка уже местная СБ отправила в Москву. Ты понимаешь, что это означает?

— Еще бы! — угрюмо ответил Прончищев. — Это фиксирует факт появления пацана в нашем филиале с актом в руках. И если он пропадет, или даже простудится в карцере, с нас спросят по-полной.

— Вот именно. Если этот, — директор заглянул в акт, — Песцов Олег Иванович опамятеет, да на нас в суд подаст, то запросто можем должностей лишиться. А если хорошего адвоката наймет, то нас из штанов вытряхнет и по миру голыми пустит. И хорошо, если без каторги обойдется. Песец, как говорится, подкрался незаметно.

— Тогда нужно сопляка звать сюда, извиняться, компенсировать ущерб в разумных пределах и сделать это максимально быстро, чтобы сегодня же он от нас свалил.

— Это понятно. Главный вопрос — как и за чей счет компенсировать?

— А то ты не понимаешь! В бюджете статей затрат на компенсацию ущерба клиентам нет. Не предусмотрели, млин, подобную ситуацию. Девка эта, охранники — с них взять нечего, максимум, что можно сделать — выгнать к чертовой бабушке. А ответ нести нам с тобой, — нервно ответил заместитель.

— Это я уж лучше твоего понимаю, — вздохнул директор и налил себе рюмку щустовского.

Махнул залпом, как воду, и даже не поморщился.

— Ладно, иди, доставай из карцера этого нио чему. И постарайся, чтобы он тебя воспринял как спасителя и благодетеля.

Когда железная дверь открылась, Олег уже стоял на ногах. В дверном проеме стоял солидный мужчина средних лет в сопровождении охранника. Внешний вид мужчины явственно говорил пусть не о богатстве, но о солидном достатке.

— Олег Иванович, — хорошо поставленным баритоном пророкотал он. — Произошла чудовищная, нелепая ошибка. Сотрудники, её допустившие, будут примерно наказаны. Ну а сейчас позвольте проводить вас в апартаменты, где вы сможете принять душ и переодеться.

— Вы не слишком-то торопились исправлять эту ошибку, — недовольно буркнул

Олег. — А ведь достаточно было посмотреть записи камер за последние пять минут перед тем, как меня... — он осторожно потрогал шишку на затылке, — нейтрализовали.

— Мы приложим все меры, чтобы компенсировать вам неудобства и все полученные травмы, моральные и физические.

— Кроме того, — продолжал ворчать Олег, уже шагая по коридору подвала, — было бы неплохо пригласить врача. В ваших апартаментах запросто можно почки простудить. Хоть нары бы поставили, или охапку соломы бросили. А еще я бы не отказался хоть мало-мальски перекусить.

— Разумеется, мы все сделаем.

Прончищев радушно улыбался, в душе мечтая удавить мальчика. Он понимал, что пацан прав на двести процентов, и это лишь усиливало кровожадные устремления.

На административном этаже снующие взад-вперед сотрудники останавливались и недоуменно глядели на юношу в белых одноразовых трусах, шлепках и многочисленных синяках, с недовольным лицом вышагивающего по коридору в сопровождении заместителя директора. В отделах дамы всюду шушукались, строя всяческие предположения насчет личности молодого человека и причины его столь странного одеяния. Вариантов было перебрано множество, но все они, как водится, были далеки от истины.

Наконец, Олега привели в помещение, которое можно было бы назвать гостиничным номером класса «Люкс».

— Олег Иванович, здесь вы можете принять душ. Достойную дворянина одежду вам принесут. К сожалению, обед придется отложить, иначе вы не успеете до конца рабочего дня получить документы и сделать необходимые запросы.

— Не вопрос. Можно в таком случае хоть пару бутербродов и стакан чая? А то я боюсь, что до обеда не доживу.

— Конечно.

Олег взялся за ручку двери, ведущей в ванную комнату. Но прежде, чем войти внутрь, обернулся к Прончищеву.

— Скажите, вы специально провели меня через весь офис в одних трусах?

— Георгич!

Прончищев ворвался в кабинет директора как разъяренный носорог.

— Что случилось? — спросил Соколовский своего заместителя.

Он как раз убирал в сейф коньяк, и не видел его лица. Повернулся, присмотрелся и переменял постановку вопроса:

— Кто тебя так?

— Да сопляк этот! Лучше бы я его грохнул, честное слово. Всю душу вымотал, подлюга!

— Что, слишком много хочет? Выделяется?

— В том-то и дело, что нет! Все по делу, ничего лишнего. Но, млин, хуже проверки из центра. Ничего не пропустил, гад. Да я еще и сам прокололся: мог бы взять с собой хоть плед или простыню какую, а так заставил его в трусах по административному этажу пройти.

— И во что это тебе обошлось?

— В лишнюю тыщу. А врач?

— А что врач?

— Так вызвал к этому недоноску лучшего целителя. А пацан ему и говорит: мол, прежде, чем лечить, зафиксируйте имеющиеся повреждения. Понимаешь? Побой снял, сука! И это за наш же счет. А я стою, улыбаюсь и делаю реверансы. И ничем помешать не могу,

потому что все, до последнего слова, правильно. На его месте сам бы сделал то же самое.

— Ну так что ж ты так убиваешься? — попытался утешить зама Соколовский. — Все в итоге по-честному: сами накосячили, сами заплатили.

— А то!

— Что — то?

— А то, что пацан этот до того, как попал к нем, был совершенно нищим. У него на счете знаешь сколько было? Двадцать рублей. Двадцать, Жора! А теперь пять тысяч. Да я столько зарплаты за полгода получаю, а он за день из нас с тобой выжал.

— Ну, ты добираешь свое другими способами. Да и сумма, хоть и велика, пополам поделена, — отмахнулся начальник. — Но ты что, всерьез думаешь, что его убивали за двадцать рублей? А как же те столичные махинаторы? Они меньше, чем за мильён даже палец о палец не ударят.

— Не знаю, Георгич. И даже знать не хочу. В таких вопросах меньше знаешь — крепче спишь.

— Вот! — воздел к потолку палец директор. — Золотые слова. Знаешь, времени уже много. Давай-ка бахнем по коньячку в исключительно лечебных целях, и поедем по домам. День сегодня выдался просто кошмарный.

Где-то в воронежской гимназии № 57

Олег ехал в такси на окраину горда, в общежитие гимназии № 57 и перебирал в уме итоги дня. Да, начинался он не слишком успешно, в какой-то момент и вовсе были основания переживать за свою жизнь. Но закончилось все просто замечательно. Теперь он не полуголый безымянный засранец из трущоб, а уважаемый дворянин Олег Иванович Песцов. И одет он не в тряпье, какое и бомжу-то стыдно надеть, а в хорошего качества костюм. И на счете денежки завелись, будет на что девочек в кафешки водить, мороженым кормить. Не каждый работяга в год зарабатывает столько, сколько он в день заимел. Правда, отработал каждый рублик собственным горбом. А еще у него, оказывается, есть мало-мальское имущество: пакет акций довольно доходного предприятия, приличного размера вклад в банке и какой-то кусок земли у черта на куличиках. Один минус: вклад недоступен до совершеннолетия, дивиденды с акций отправляются сразу на пополнение вклада, а на жизнь раз в месяц на счет падают проценты. Сто пятьдесят рублей как с куста. Бери, и ни в чем себе не отказывай. С другой стороны, сколько денег ему реально нужно? Живет он на полном пансионе, одежда и питание за счет заведения. Интересно, куда это Олег Песцов тратил свои денежки? Столько мороженого в одиночку за месяц не сожрать, факт.

Размышления прервал голос водителя:

— Приехали, вот ваша гимназия. С вас за проезд восемьдесят две копейки.

Что понравилось Олегу в новом мире, так это система платежей. Коснулся карточкой идентификатора пластины терминала — и все, расчет произведен. А если карточку таскать с собой не хочешь, можешь ее данные скопировать в модный браслет и платить с него. Карточка и браслет защищены от мошенников так, что банкирам в «том» мире и не снилось. Одно слово: магия! Разумеется, браслет у Олега появился сразу же, как он о нем узнал. А теперь и в деле попробовал. Удобно!

Сытый и довольный, Олег вышел из такси, прихватив с собой чемоданчик с покупками. Ничего особенного: средней руки ноутбук (на крутой отвалить полторы тыщи рука не поднялась) да мелкие предметы обихода. Не пафоса для, а комфорта ради. Кивнул вытаращившемуся на него охраннику у ворот училища и неспешным шагом направился к

дверям.

В вестибюле было пусто, если не считать охранника, от скуки гонявшего на телефоне какую-то игрушку. Олег сделал несколько шагов и притормозил: где живут гимназисты он элементарно не знал, а спрашивать у охранника как-то не хотелось. Пока он стоял в раздумьях, куда податься, откуда-то выскочила безвкусно накрашенная худая, словно вяленая вобла, тетка и заверещала донельзя противным голосом:

— Песцов! Где ты шляется, придурок? Немедленно к директору!

Где-то под Москвой

Что можно сделать с человеком, у которого почти ничего нет? Да почти ничего нельзя. Разве что убить. Но, опять же, перебьешь всех шестерок, где новых возьмешь? Поэтому господин Резников отложил экзекуцию своим придуркам до возвращения от Главы. Во всяком случае, он надеялся на то, что вернется.

Здесь, в богатой усадьбе, его пошитый на заказ костюмчик и люксовая машина смотрелись откровенно бедновато. Даже охрана была одета как минимум, не хуже. Все в этом месте, начиная от ворот и до беломраморного крыльца, буквально кричало об Очень Больших Деньгах. Что для здешнего хозяина скромный воронежский авторитет? Разве что ноги вытереть. Слов нет, платит он щедро — если, конечно, задание выполнено. И порою сверх оговоренного подкидывает. Но сейчас повод для визита совершенно иной. Так что когда Резников входил в кабинет Главы, поджилки у него натуральным образом тряслись.

Надо отметить, что причина для страхов была очень даже весомая. Два прокола на одном деле! Он, Резников, своим подчиненным подобное и сам бы не спустил. Ну а теперь его черед ответ держать. А Глава ох и крутенок с теми, кто его подставляет! Бежать, затаиться, на дно уйти, пересидеть — нечего даже и думать. Свои же сдадут. И тогда точно не жить. А так — пусть с потерями, пусть с долгом неподъемным, но есть шансы целому выбраться.

Глава был не старым еще мужчиной средней комплекции. Черные волосы слегка серебрились на висках, на лбу обозначились ранние морщины, а взгляд был пронзительным и жестким, как у змеи. Резникову не раз мерещилось, что зрачок у Главы вытянут в узкую вертикальную щель, а кончик языка чуть раздвоен.

— Ты облажался дважды.

Глава не спрашивал, он констатировал факт. Речь его была лишена эмоций, словно бы звуки воспроизводила бездушная машина.

— Мне нужны объяснения.

— По первому разу объяснить не могу.

Резников постарался, чтобы голос не дрожал, но выходило хреново.

— Я лично зафиксировал наступление смерти и выждал не менее минуты прежде, чем дал команду своим людям уходить. Каким образом он воскрес, предположить не могу. Разве что, имело место божественное вмешательство. По второму — эта вина целиком на мне. Увидев моих людей, идущих на задержание, мальчишка нанес побои охраннику Архива и был взят охраной под стражу в бессознательном состоянии. Я не смог предположить подобный вариант развития событий и не принял необходимых мер на этот случай.

— Ты виноват в обоих случаях. — вынес вердикт Глава.

— Но как... — начал было Резников, но был жестко прерван.

— Ты мог нанести своей цели более серьезные раны, чтобы исключить любые неожиданности. Например, отрезать голову.

При этих словах Глава взглянул на своего слугу, и взгляд этот показался Резникову смертным приговором. Авторитет судорожно вздохнул и вытер невесть как оказавшимся в руке платком внезапно вспотевший лоб.

— По твоей вине я понес убытки. Ты их возместишь. В двойном размере. Срок —

неделя. Пацана пока оставишь в покое. Минимум полгода с ним ничего не должно случиться. Если за эти полгода он снова попадет в поле зрения полиции в качестве потерпевшего, это будет означать, что ты не справляешься. Все, свободен.

Еще не веря тому, что остался жив, Резников попятился на выход. И не потому, что так велел этикет, нет. Правила приличия ничего на этот счет не говорили. Он просто до смерти боялся повернуться спиной к человеку, который смотрит ТАК.

Бледный, как смерть, он упал в машину. Водила, лишь один раз глянув на шефа, не стал задавать вопросы. Молча развернулся и погнал обратно в Воронеж.

Где-то в воронежской гимназии № 57

— Так-так, явился, не запылелся!

Директор воронежской гимназии № 57 раздраженно побарабанил пальцами по столу.

— Его, понимаешь, весь город чуть ли не с собаками ищет, а он где-то шляется! Откуда костюм? Где вещи взял? Своровал? Отвечай немедленно!

Фамилия директора была Пряничкин, а звали его Михаил Егорович. Это было написано на многочисленных почетных грамотах, которыми были увешаны стены кабинета. Магическое ядро у него было довольно большим, размером примерно с крупный апельсин. Олег рассмотрел это в то время, когда директор Пряничкин изливал свои эмоции.

— Михаил Егорович, вы сейчас обвинили дворянина в краже, не имея на это ни малейших оснований.

Голос молодого человека был сух и безэмоционален.

— Если вы не в курсе, то извещаю, что ваши слова являются прямым оскорблением моих чести и достоинства. Будь вы дворянин, я был бы обязан смыть обиды кровью. В вашем же случае мне придется обратиться в органы юстиции. Если, конечно, вы не принесете соответствующие извинения.

Челюсть директора брякнулась на стол. Так на него даже из начальства еще никто не наезжал. Что уж говорить об учениках, которым по определению полагается подавать голос только по команде. Тем временем Олег продолжал добивать Пряничкина, который, используя боксерскую терминологию, находился в состоянии «гrogги».

— Вот официальный документ из полиции, вот из больницы. Прошу ознакомиться. Надеюсь, эти бумаги в полной мере объяснят причину моего отсутствия.

Бумаги Пряничкин взял нехотя, но по мере чтения глаза у него открывались все сильнее, а под конец едва подобранная челюсть грянулась о стол повторно. По его глубочайшему убеждению человек, потерявший память, не может разговаривать так, как этот злополучный Песцов. А, с другой стороны, как раз это и может все объяснять. У пацана исчезли напрочь все социальные навыки. Он всех воспринимает как ровню. Ну да ничего, гимназисты в дортуаре объяснят весьма доходчиво. Научат, как говорится, свободу любить.

Директор смахнул было документы в ящик стола, но вновь нарвался на холодную реплику Песцова:

— Михаил Егорович, верните, пожалуйста, мои бумаги. Если вам нужно, сделайте себе копии, а оригиналы я привык держать у себя.

Пряничкин, подумав, признал в словах подопечного некий резон. Он нажал кнопку селектора:

— Катенька, зайди на секунду.

Дверь кабинета открылась, и вошла, цокая каблуками... нет, не модель. Но вполне приятная глазу молодая особа, при неплохой фигуре и симпатичном лице.

— Катенька, сделай копии документов и принеси мне.

Особа вернулась минут через пять. Наверняка читала бумаги: сделать две копии заняло бы раз в десять меньше времени.

Катенька положила оригиналы на стол директору и вопросительно на него глянула: мол, кому остальное?

— Это мне, — поправил её Пряничкин. — А вот это, — он пододвинул документы по столу, — молодому человеку.

Секретарша состроила безразличную гримасу и, покачивая бедрами, удалилась. Директор и ученик смотрели ей вслед, пока соблазнительный вид не закрыла дверь.

— Ну все, иди в спальню, — распорядился Пряничков, — завтра на уроки.

И, видя, что Песцов остался стоять, недовольно спросил:

— Ну чего тебе еще?

— Две вещи. Во-первых, отдайте, пожалуйста, учителям распоряжение не спрашивать у меня домашнее задание хотя бы пару недель. Я постараюсь за это время войти в курс учебной программы. Пропущенные задания также нагоню.

— Разумно.

Директор сделал пометку в ежедневнике.

— А что во-вторых? — полюбопытствовал он.

— Извинения.

Пряничков скрежетнул зубами.

— Ты что, вконец охренел, Песцов? Вали к себе! И помни: через две недели тебя будут спрашивать по всем предметам с особым пристрастием!

— Как обычно, двойные стандарты, — пожал плечами Олег. — Я предлагал вам наилучший выход из ситуации. Но вы решили иначе.

И, не слушая больше словоизлияний директора, вышел в коридор, по пути мазнув плотоядным взглядом по видневшейся в обширном декольте спелой груди секретарши.

Песцов ушел, а директору воронежской гимназии № 57 Пряничкину Михаилу Егоровичу вдруг стало не по себе. «Неужели впрямь рискнет заявление в суд написать? Может, нужно было все-таки извиниться? Хотя и стремно как-то извиняться перед сопляком, пусть он трижды прав. Да ну нафиг! Кто там поверит школяру, пусть он даже и дворянин.» Успокоив себя таким образом, Михаил Егорович повеселел, позвал к себе секретаршу, а когда та вошла, велел запереть за собой дверь.

В спальном корпусе гимназии было шумно. Младшеклассники бегали по коридорам, играя в салочки, в чехарду, или просто скакали, выплескивая в пространство нерастраченную энергию. Старшеклассникам бегать было уже несолидно, и они по большей части тусовались в спальнях, тихом играя в карты или вполголоса обсуждая сомнительные статьи желчной завучихи Ставридиной — той самой, что погнала Олега к директору. Директорскую секретаршу лицезрели немногие воспитанники, а потому о ней речь не заходила. В самом деле: как можно обсуждать женщину, которую никто не видел даже на картинках?

Весть о появлении Олега стараниями младших разнеслась по корпусу интерната со скоростью лесного пожара: «Песец пришел! Песец пришел!» Ну да, какое же еще прозвище можно было выдумать для пацана по фамилии Песцов?

К тому времени, как Олег отыскал свою спальню, все уже были в курсе, причем во всех визуальных подробностях. У входа его уже ожидало несколько предположительно

ровесников. Судя по их глумливым ромам, встречать собирались отнюдь не пирогами. В прошлой жизни необходимость драться у Олега пропала после пятнадцати лет, и потом до той самой роковой встречи с котом не появлялась, так что он почти что забыл, как это делается.

— Чё, Песец, прибахлился? Где модный шнифт надыбал?

Один из комитета по встрече, худосочный парнишка с острым лицом, делающим его похожим на хоря, с деланным интересом начал было щупать ткань рукава, но Олег дернул плечом, сбрасывая руку нахала:

— Не твое — не лапай. Замараешь еще!

Пацанчик возбухнул было:

— Че, Песец, берега попутал?

И неумело замахнулся. Ударить он не успел, поскольку тяжелые ботинки на толстой подошве прочнее матерчатых домашних туфель. И даже бить не надо, достаточно как бы случайно наступить на ногу.

— А-а-а, сука! Да я тебя ща...

Пацанчик не сказал, что он сделает с Олегом. Не успел, потому что был прерван жестким окриком:

— Ша, Хорёк!

— Ты че, Косуля, он меня...

— Ша, сказал!

От дверного косяка отлепился крепкого сложения недоросль. Судя по всему, в этой компашке местных гопарей верховодил именно он. И одет он был не в казенную одежду, а в мягкие замшевые штаны и футболку с принтом какой-то рок-группы. У него даже было довольно приличное по размерам магическое ядро — примерно, с грецкий орех. Конечно, это было круче, чем у Олега, но подавляющее большинство других были в магическом плане развиты намного скромнее. Либо на том же уровне, что и Олег, либо меньше. У того же Хорька, к примеру, ядро было едва заметно и размером вряд ли превосходило маковое зерно.

— Ты, Песец, как я вижу, приподнялся, — начал главарь с травоядным погонялом Косуля. — Костюмчик заимел, чемоданчик понтовый. Бабки принес?

— Какие бабки?

— Обычные. Ты должен был вчера сотню припереть. Сегодня набежали проценты, так что с тебя пятьсот. Можешь чемоданом отдать. Кстати, что внутри?

— Не твое дело, Косуля.

— Не хами старшим!

Главарь чуть повел рукой, и Олега отшвырнуло к противоположной стене коридора. Приложило знатно: спиной и затылком. Чемодан выпал из рук, и к нему сразу же бросились жадные до чужого добра гопники. Подхватили, поднесли главарю. Тот попытался было открыть, но не вышло: кодовые замки не дали. Всего три циферки, а быстро подобрать шифр не выйдет. К тому же, на каждом замке шифр может быть разным. Вот и перебирай комбинации.

Конечно, если есть сила, замки можно просто вырвать, но зачем портить хорошую вещь? Ведь есть хозяин чемоданчика, который сам все откроет. Надо только ему доходчиво это объяснить.

Олег предполагал, что придется отбиваться от шакаля, но такого беспредела предвидеть не мог. Правда, по своему обыкновению, заложился в расчетах на всякий

непредвиденный случай. Слабые запястья он еще по дороге от директора до спального корпуса обмотал эластичным бинтом. Но столкнувшись с магией, понял: бинты не помогут. А кулачки у его нового организма были совсем неубедительными. Максимум — нос расквасить. Ножи, кастеты — это все наверняка попадает под статью. Цепи, монтировки — тоже. Тем более, что принесенные с собой запросто потянут на преступный умысел. Вот только отдавать свое Олег не собирался. Нет, жадным он не был. Но вот так, по беспредельному наезду расставаться с имуществом, которое еще сам толком не пощупал...

Объяснять недоумку его ошибки были посланы шестерки. Ну так, собственно, для того они и нужны. А вот если они не справятся, тогда уже придется впрягаться хозяину.

— Ну чё, терпила? — завел шарманку Хорёк. — Ща я тебя научу хорошим манерам. Да лежи, лежи, сподручней пинать будет.

Остальные шакалята подходили молча. Конечно, Песец опасности никогда не представлял, но сегодня вдруг попытался огрызнуться. Так что лучше проявить осторожность. Раз Хорёк сам рвется вперед, пусть первым и огребает в случае чего.

Драться Олег не умел. Приемов не знал, удар ему никто никогда не ставил. Гипотетическая память тела тоже молчала. Оставалась только бешеная, обжигающая злость на тех, кто решил поживиться за его счет. Пока банда под вопли хорька неторопливо надвигалась, он успел подняться. Сперва на колени, потом и на ноги, только распрямляться не торопился, хотя и мог. Но Сунь Цзы завещал всеми силами вводить противника в заблуждение. А потому Олег начал движение только тогда, когда Хорёк приблизился на расстояние удара.

— Полу...

Никто из шакалят не понял, что случилось. Парень, только что бывший сломленной и беспомощной жертвой, вдруг распрямился, словно пружина. А Хорёк с визгом отскочил в сторону, закрывая ладонями лицо. Из-под пальцев обильно сочилась кровь. Стая начинающих гопников на секунду отвлеклась на эту картинку, но внезапно потерявший страх Песец кинулся на ближайшего врага. Секунда, два взмаха рукой — и еще два загонщика, скуля и зажимая окровавленные лица, вываливаются из боя, который пошел совсем не по сценарию.

Косуля понял, что пришло время ему вмешаться. Если он проиграет этот бой, то сразу же потеряет часть своего влияния. Глядишь, еще кто-нибудь из тех, кто сейчас послушно платит дань, решит проверить его силу. И ведь у кого-нибудь может и получиться. А потом и воспринимать его всерьез перестанут. Он поднял руку, намереваясь размазать строптивного Песца по стенке, но тот выкинул очередной фортель. Уловил начало движения кисти и нырнул рыбкой под уже сформированный магический конструкт. Воздушный молот впелся в противоположную стенку, обрушив изрядный кусок штукатурки и зацепив попутно кого-то из шестерок, а сорвавшийся с нарезки Песец уже стоял рядом, занеся руку для удара. И в кулаке меж пальцев хищно блестело стальное острие.

Косуле стало страшно. Слишком близко находился противник, слишком ярко блестела зажатая в кулаке сталь. Он запаниковал и сделал то, что первое пришло ему на ум: даванул Песца сверху воздушным прессом, вторым заклиниванием из тех двух, что он знал. Даванул со всей силой, не думая о последствиях и стараясь скорей избавиться от источника страха.

Олег рухнул на пол, придавленный невероятной тяжестью. Ударом об пол из легких вышибло, казалось, весь воздух. В голове шумело и мутилось, где-то что-то хрустело: не то пол, не то кости, но боли пока не было. «Шок» — откуда-то взялось в голове. «Это по-

нашему!» — отозвалось там же, но словно бы с другой стороны. Перед глазами обнаружили ноги в мягких замшевых штанах. Совсем близко, только руку протянуть.

«Косуля, сволочь», — мелькнуло в голове. Руки были свободны, и Олег вцепился в стоящую перед ним ногу, страстно желая любой ценой уничтожить, растерзать, испепелить врага. Где-то в области солнечного сплетения вспух огненный комок, прокатился по жилам и ударил из ладоней струями пламени. Давящий сверху пресс исчез, зато откуда-то стали слышны бешеные визги. Конечность врага пыталась вырваться из захвата, но Олег удерживал ее, неведомо какими силами и жег, жег магическим пламенем. Сверху обрушился водопад, рванулся во все стороны облаком пара. А потом милосердная тьма поглотила истерзанное сознание.

Воспитатели воронежской гимназии № 57 по случаю воскресного дня собрались в специально отведенном для них небольшом кабинетике. Выпить чаю, поболтать о разном всяком, о чем любят болтать мужчины в отсутствие дам. А в чай можно добавить хорошего бальзамчика, настоящего на сорока семи травах — для вкуса, разумеется. Конечно, воспитателям в рабочее время полагается дежурить в рекреациях, чтобы хоть присутствием своим удерживать воспитанников от чересчур опасных шалостей. Но что там может случиться за час-полтора, оставшиеся до отбоя!

Для посиделок был и формальный повод: нашелся пропавший позавчера Песцов. Пришел сам, предъявил бумаги, из которых следовало, что его подчистую ограбили, едва не убили и напрочь отшибли память. Вообще-то пацана было жаль: тихий, забитый, молчаливый. Учился, правда, хорошо. Вот только магия ему никак не давалась. Если он до совершеннолетия не сможет показать хоть какого-нибудь прогресса, дадут самый низший четырнадцатый магический класс, отберут дворянство и выпнут во взрослую самостоятельную жизнь.

Тем поразительней был крик ворвавшейся в кондейку малышни:

— Там Песец Косулю убивает!

Конечно же, воспитатели рванули на ЧП всем скопом. На втором этаже, где квартировали старшие классы, картина была сколь жуткая, столь же и поразительная. У дверей спальни, в которой жил Песцов, лежал сам виновник переполоха. На полу вокруг него расплывалась неслабая лужа крови. В руках у него была зажата лодыжка второгодника Косулина, и эта лодыжка стремительно обугливалась под истекающими из ладоней Песцова струями пламени. Сам Косулин уже мог только визжать и подергивать полустгоревшей ногой.

Воспитатель малышни, владеющий водной стихией, сходу плеснул изрядную порцию воды в Косулина и Песцова, разом погасив и руки, и ногу, и занявшийся было деревянный пол. А воспитатель старшеклассников приложил по темечку и самого Песцова, руками, безо всякой магии, отправив бузотера и почти что убийцу в бессознательное состояние.

В рекреации стало тихо, лишь подвывал обожженный Косулин, да хныкали несколько пацанов помладше, зажимая окровавленные лица.

— Где доктор? Бегом за ним! — рявкнул старший воспитатель. Несколько малолеток сорвались было с места, но врач уже и сам вбежал в коридор второго этажа спального корпуса.

Окинув взглядом территорию побоища, он проигнорировал порезанные морды, обгорелую ногу и кинулся к лежащему плашмя на полу Песцову. Плюхнулся коленями в кровавую лужу, не заботясь о сохранности брюк, провел ладонями над бессознательным телом.

— Кто его так, мать-перемать? Чудо, что парень еще жив! Срочно неотложку вызывайте, а я попробую удержать его на этом свете, пока не приехала бригада.

Руки доктора начали выписывать сложные фигуры над телом гимназиста. Все остальные тупо стояли и смотрели. Доктор на секунду отвлекся от своего пациента:

— Что уставились? Скорую вызвали?

И только после этого, один из воспитателей выудил, наконец из кармана телефон и принялся набирать «03».

Когда всё успокоилось, когда всех пострадавших забрали в больницу, когда в коридоре смыли кровавые пятна и вымели цементную пыль, когда разогнали учеников по спальням и обрадовали директора поздним звонком, воспитатели вновь собрались в своей комнатке. Чай с бальзамом давно остыл, разговоры разговаривать как-то не тянуло.

Тут воспитатель старшаков добыл откуда-то из-за дивана дорогой с виду чемоданчик.

— Вот из-за этой штуки все и случилось, — заявил он коллегам.

— А что там внутри? — поинтересовался кто-то.

— Сейчас посмотрим, — ответил воспитатель старшаков. — Черт, заперто. Ничего, откроем.

И он достал из кармана складной нож.

— Может, не стоит? Все-таки это личная вещь, принадлежащая ученику, — попытался урезонить его воспитатель младших классов.

— Ученик в интернате не имеет права на личные вещи, — отмахнулся воспитатель старшаков и продолжил колупать замки ножом.

— Ну, как знаете. А я в этом беспределе участвовать не намерен.

Воспитатель младших классов поднялся и вышел в коридор. И едва он закрыл за собой дверь, как в кондейке что-то довольно громко бумкнуло. Воспитатель тут же вернулся. Небольшое помещение было заполнено красным туманом. Воспитатель старшаков сидел с открытым чемоданом в руках и выпученными глазами на лице. И все, кто оставался в кондейке были с ног до головы покрыты пурпурной краской, с помощью которой полиция порою метит грабителей.

Где-то в больнице

Белый потолок, мягкая кровать, тело укрыто чистой простыней. Больница. Не тюрьма — уже хорошо. Но каждый день по башке получать — плохо. Однозначно. С этим надо что-то делать

Олег, не торопясь обнаруживать себя, осмотрелся, затем послушал свой организм. Ничего не болит, синяков и ссадин на руках нет, да и на теле — он мельком глянул под простыню — тоже. Чем все закончилось в дортуаре? За кем осталась победа? Пока не вернется в гимназию, не узнает. Вот только возвращаться совсем не хочется. Жить в комнате на восемь человек, не иметь возможности уединиться, никакой личной жизни, никакой нормальной учебы. А если во время медитации какой-нибудь Хорек придёт пакостить? Нет уж, хватит с него.

За окном темно, ночь, в палате горит ночник. Олег высмотрел на тумбочке свой телефон и быстро метнулся туда-обратно. Прыгнул в кровать, прислушался — тишина. Не застучали. А зачем нужно было прятаться? Подумал-подумал и решил: незачем. Наверное, это рефлексы бывшего Песцова так сработали. А солидным господам не пристало таиться, особенно, если они в своем праве. Приняв это решение, Олег устроился поудобнее, включил телефон, открыл браузер и погрузился в океан информации. Нашел всё требуемое, провел необходимые оплаты и внезапно для самого себя ощутил, что устал. Поднялся, неспешно, ломая подростковые рефлексы, дошел до тумбочки, вернул на место телефон, вернулся в кровать и отрубился.

Где-то вне пространства

Олегу снился сон. Будто он в одних лишь одноразовых белых трусах сидит в позе лотоса на снегу посреди тундры. Рядом валяются две палки, перемотанные бумажной лентой с надписью: «Туалет чукотский, один комплект». И что поразительно: несмотря на минималистический костюм ему совершенно не холодно. И магической энергии вокруг просто море. Было бы магическое ядро объемом с ведро — черпнул бы доверху одним движением. Да что там ведро — тут и цистерну наполнить не проблема.

И вот сидит он, медитирует, ядро качает, а сам по сторонам смотрит, будто и не надо ему за процессом следить, будто все само собой делается. Вокруг до горизонта снега, сугробы, и ни следочка, ни даже веточки сломленной. Девственная природа, как она есть.

Вдруг с ближнего сугроба снег посыпался, наст пошел трещинами. «Никак лезет кто!» — подумал Олег, — «Медведь? Берлога?» но ни страха не возникло, ни убежать не захотелось. Сидит себе, дышит размеренно, ощущает движение энергии по каналам. На вдох втягивает капельку силы в ядро, заставляя его чуточку разбухнуть, на выдох сбрасывает излишки через энергетические каналы, и тогда над ладонями можно заметить легкий туман концентрированной энергии. Да и каналы уже не похожи на тоненькие паутинки, в поперечнике доросли аж до толщины волоса.

Так вот, прокачивает Олег энергосистему своей тушки, а снег с сугроба все сильнее осыпается, трещины все больше становятся. И, наконец, высунулась из того самого сугроба голова. Не человечья, и даже не медвежья, а, скорее, лисья. И белая-белая, такая, что и разглядеть-то на фоне снега затруднительно. Только черный нос отчетливо виден, да ярко-желтые глаза с круглым, почти человеческим зрачком.

Высунулась, значит, эта голова, огляделась, на Олега посмотрела, да и молвит человеческим голосом:

— Явился, значит, не запылится!

Олег от такого наезда охренел.

— Что значит, явился? Ты вообще мой сон. Захочу — выключу.

— Ну, попробуй, — ухмыльнулась голова.

Олег попробовал. Раз, другой, третий...

— Что, не выходит?

Голова ехидно оскалилась.

— Это еще вопрос, кто у кого во сне.

— Ну ладно, — сдался парень. — Тогда объясни, кто ты, и почему у тебя только голова.

— Ну почему же только голова? — обиделась голова. — У меня и все остальное имеется. Хвост, например.

— А покажи!

— Не буду. Выгляжу сейчас плохо.

— Пил, курил, болел? — догадался Олег.

— Не хами, мальчик, а то без подарков оставлю.

— Ой, боюсь, боюсь, — притворно захныкал сновидец.

— Ну все, достал ты меня.

Голова скакнула из сугроба и оказалось, что она приделана к телу. Вместе с лапами и обещанным хвостом. Только тело было сейчас облезлым, шерсть свалаялась и висела сосульками. Да и длинный хвост, которому полагалось быть пушистым, походил, скорее, на палку. Зверь махнул хвостом-палкой, и Олег внезапно потерял способность говорить и вообще двигаться.

— Слушай сюда, придурок. Два раза повторять не буду. Ты последний из рода Песцовых. Моего рода. И твоя задача — привести мой род к величию. Так что вот твоя программа на ближайшие десять лет: дожить до совершеннолетия, набрать жен по максимуму и наплодить детей столько, сколько сможешь. Ну а там будем смотреть дальше.

С этими словами зверь прыгнул в сугроб и исчез, а Олег вылетел как пробка и из виртуальной тундры, и вообще из сна.

Где-то в больнице

Какое-то время Олег не мог понять, где он очутился. Но постепенно рассмотрел и белый потолок, и спинку больничной кровати, и две горсти снега в руках. Снег стремительно таял, угрожая затопить постель. Оправдывайся потом: мол, это не то, что вы подумали. Пришлось вскакивать и искать место, куда его можно деть без вреда для обстановки. Выбор пал на стоявший в углу палаты фикус. Растение имело вид весьма плачевный. Видать, медработники обходили его теплом и заботой, сосредотачивая всё внимание на пациентах.

Стряхнув талую воду и остатки снега в цветочный горшок, Олег ощутил себя вполне здоровым. Теперь надо было найти врачей, чтобы они это подтвердили. В тумбочке отыскалась пижама. Она, как это водится, была размера на три больше и Олег, облачившись в казённое и подвернув рукава и штанины, вышел в коридор.

Заметили его сразу же. От сестринского поста отлепилась симпатичная медсестра и побежала навстречу.

— Олег Иванович! Вам еще рано подниматься с постели! Зоя Никифоровна вчера еле-

еле сумела вас вылечить. У вас было столько внутренних повреждений, что если бы не она, то...

— Но сейчас-то у меня все в порядке, — возразил Олег. — Ну проведите диагностику, просканируйте меня или что вы там делаете.

— Хорошо, сейчас я позову дежурного врача. А вы, пожалуйста, вернитесь в палату.

Делать нечего, пришлось возвращаться. Вскоре появился молодой доктор, для разнообразия, мужчина. Он велел пациенту лечь на кровать, поводил над ним руками, констатировал:

— Полностью здоров. Я скажу дежурным сестрам, пусть готовят выписку.

— Прямо сейчас?

— Прямо сейчас.

— Ура!

Был бы доктор женщиной, Олег бы на радостях его (её?) расцеловал. А так пришлось ограничиться традиционными в подобных случаях словами благодарности.

Уходя, доктор зацепился взглядом за горшок с фикусом.

— Ого! — отметил он, — надо будет спросить, как им это удалось.

И вышел по своим докторским делам.

Олег посмотрел на фикус. Иттить-колотить! Растение радикально преобразилось. Где эти чахлые желтоватые листочки? Где этот тощенький стебелек? В горшке находилось заметно подросшее мощное растение с мясистыми плотными темно-зелеными листьями. Но главное — фикус радовал взгляд крупными бело-голубыми цветами. Что ж это был за снег такой?

Докторское «прямо сейчас» растянулось на пару часов. Но всё равно Олег оказался на свободе ещё до обеда и сразу же направился в гимназию.

Где-то в воронежской гимназии № 57

До спального корпуса добраться Олег не успел. Его снова перехватила Ставрида и отправила к директору. Дежавю? Однозначно. Одно радовало: есть шансы, что директор все эмоции израсходовал еще вчера.

Директор гимназии появлению ученика не слишком обрадовался. Он поднялся из удобного кресла, подошел к подопечному и нарезал вокруг него пару кругов, осматривая со всех сторон, словно чудо невиданное.

— Ну и что мне с тобой делать, Песцов? — задал Пряничков риторический вопрос.

— Это уж вам решать, Михаил Егорович.

— Нет, уже не мне, а полиции. Ты за один день наработал себе на каторгу.

— И что же я такого сделал, кроме как не сдох?

— Ну давай загибать пальцы. Первое — разнес коридор на этаже, теперь его нужно будет ремонтировать. Гимназия понесла убытки. Второе — напал на своих товарищей и успел искалечить четверых прежде, чем тебя остановили подоспевшие воспитатели. Опять же, убытки: испорченная форма, частичная утрата здоровья, оплата работы целителей. Третье — из хулиганских побуждений выкрасил воспитателей краской, испортил их одежду и дежурное помещение. И снова убытки. Всего, по моим подсчетам, ты наказал гимназию на две тысячи рублей, если учесть, что мне придется выплатить воспитателям компенсацию. Кстати, куда ты спрятал нож, которым изуродовал одноклассников?

Директор вернулся на место, взял со стола штопор для бутылок с затейливой металлической ручкой и принялся вертеть его в руках.

Олег даже удивился: насколько далеко может зайти обыкновенная человеческая жадность.

— Скажите, Михаил Егорович, вы уверены в ваших обвинениях? Например, если полиция займется этим делом и оно дойдет до суда, вы не пожалеете?

— А что, у тебя другая точка зрения на вчерашние события? Ну что ж, излагай, послушаю.

Олег достал из кармана телефон, нашел нужную запись и включил воспроизведение. Голос Косули был слышен вполне отчетливо: «Ты, Песец, как я вижу, приподнялся...». Директор напрягся. Такой предусмотрительности от ученика он не ожидал.

«Сегодня набежали проценты, так что с тебя пятьсот. Можешь чемоданом отдать. Кстати, что внутри?»

На этом месте Олег нажал кнопку останова.

— Вот видите, у меня есть доказательства, что я не нападавший, а жертва. Жертва преступного сообщества, которое существует на территории гимназии. Кстати, я специально поинтересовался: до отбоя на каждом этаже должен дежурить воспитатель. Его не было, иначе и всего прочего не случилось бы. Как вы думаете, стоит что-то компенсировать человеку, который не выполняет служебные обязанности?

Директор нервно сглотнул.

— Идем дальше: в стенах гимназии ученикам строжайше, под угрозой исключения, запрещено применять магию вне учебных полигонов. Давайте возьмем любого мага и проверим, след чьей ауры остался на том месте, где поврежден коридор. Я специально проконсультировался: аурный след заклинания держится до трех суток, если его специально не развеивают. Кроме того, в больнице мне выдали вот этот документ, в котором зафиксировано, что я подвергся действию магического конструкта «Воздушный пресс». Магическое воздействие причинило мне настолько сильные повреждения, что без вмешательства нашего уважаемого доктора я бы скончался до приезда скорой. Кто из учеников старших классов владеет воздухом до такой степени? Думаю, ответ однозначен. И это уже квалифицируется как покушение на убийство.

Директор побледнел.

— И последнее: в момент, когда воспитатели прекращали драку, они были, как вы говорите, хулигански покрашены? Уверен, что нет. У меня перед началом драки был в руках небольшой чемодан с кодовыми замками. Замки были заперты. Конструкция чемодана предусматривает некий сюрприз при попытке взлома замков. Поскольку я находился в бессознательном состоянии и вообще отсутствовал на территории гимназии, можно сделать вывод, что воспитатели пытались взломать принадлежащее мне имущество. Вам подсказать, как это квалифицирует полиция? А как это всё будет оценивать комиссия из управления образованием?

Директор нащупал в кармане флакон с таблетками, откупорил дрожащими руками и закинул одну под язык.

— Может, мы обойдемся без полиции и комиссии?

— Разумные слова. Вот, что я предлагаю...

Две тысячи — неплохие деньги. Особенно, когда это компенсация за кучу неприятностей. Маловато, конечно, но Олег видел: из директора больше не выжать. А он, директор, эти две тысячи выжмет что из воспитателей, что из родителей гоп-компании. Судя по фамилиям — Хорьков, Косулин, рода дворянские, и несколько сотен у них найдется.

— Ну что, Песцов, надеюсь, мы закончили с этим неприятным происшествием?

— Почти, Михаил Ефимович.

— А что еще?

— Да, собственно, пустячок. Верните мне штопор. Да, вот этот, что у вас в руках.

— А это разве твой?

— Могу предъявить чек из магазина.

— Вот же...

Договаривать Пряничкин не стал. С этим Песцовым нужно быть осторожным. Осторожнее, чем с комиссией управления образованием. Кто знает: не примет ли он пару крепких слов на свой счет, и не потребует ли за это компенсации? Вместо этого директор поинтересовался:

— И зачем он тебе?

— Во-первых, нравится. А во-вторых, я же не дурак — ходить с ножом.

— Так ты вчера...

— Защищался всеми доступными средствами, но строго в рамках закона.

Директор вспомнил три распластанные морды гопников. Чудом ведь глаз не лишились, бандиты малолетние!

— Что ж, держи.

Пряничков с сожалением двинул по столу забавную вещицу.

— А зачем ты съехать из пансиона-то хочешь, да еще на съемную квартиру? Деньги у тебя сейчас, конечно, есть. Но ты ведь еще несовершеннолетний.

— Формально — да. Но вы опять забываете, что я дворянин, причем единственный оставшийся в живых член рода. И потому получаю, во-первых, всю полноту власти в роду, а во-вторых, частичную дееспособность, в том числе и право выбирать место проживания. Квартиру я уже снял, и пришел только лишь забрать вещи. И заметьте, я не требую вернуть деньги за проживание, хотя право такое имею.

Директор вздохнул. Так жестко его не прессовала даже пресловутая комиссия городского управления образования. А если этот Песцов потребует возврата денег, комиссия неизбежна. Начнут выяснять, начнут проверять, вынут все скелеты из всех шкафов... Его обложили со всех сторон, и оставили единственный разумный выход. Да, гордость страдает. Зато все остальное, включая личный кошелек, остается нетронутым.

Олег направился на выход, но у самой двери был остановлен:

— Песцов, а вчерашний разговор у тебя тоже записан?

— Разумеется. Вы же не думали, что я собирался подать заявление в суд без достаточных доказательств?

— Нет-нет. Знаешь, я как следует подумал, и решил принести необходимые извинения за свои вчерашние чересчур эмоциональные слова.

— Я рад, что вы осознали свою ошибку. Но документы были отправлены еще вчера, сразу после нашей беседы.

Директор обмяк в своем кресле.

Гимназист вышел из кабинета, бережно прикрыв за собой дверь. Когда он покинул приемную, к директору зашла секретарша.

— Михаил Егорович, может...

Она наклонилась над столом, демонстрируя шефу декольте с прекрасным обзором роскошного тела вплоть до самых трусиков.

— Не... — отмахнулся тот, проигнорировав клубничку, — не сегодня. Потом, потом. И... мне нехорошо, я беру бюллетень на два... нет, на три дня. А, к черту все! До конца недели.

Как это здорово, когда есть отдельная квартира. Пусть съемная, пусть небольшая. Но зато никто не будет шариться в твоих вещах, не будет орать над ухом во время занятий, включать рок или техно при медитации. И нормальная постель, а не скрипучая койка с продавленным матрасом. И собственный холодильник, из которого никто не стырит ни пиво, ни пирожные. И телевизор, на котором никто не включит мексиканские сериалы или слезливые ток-шоу. И душ с туалетом в единоличном распоряжении. И даже если ходить по квартире в одних трусах, а то и без них, никто не сделает замечание. Это ли не счастье?

Олег бросил сумки в угол и растянулся на кровати. Кайф! А жизнь-то налаживается! Вот только долго кайфовать времени нет. За две недели надо хотя бы прочитать учебники за весь курс гимназии, определить узкие места и начинать целенаправленно учить материал. Год последний, год выпускной. Как ни крутись, а через девять месяцев экзамены. Если он к совершеннолетию не получит достойный аттестат, то что будет делать дальше? Пусть он сто раз дворянин, и у него в банке имеется счет, но деньги имеют свойство заканчиваться. И нужно хорошенько подумать, чем заниматься, чтобы соотношение усилия/результат было оптимальным.

Где-то вне пространства

— Ну что, коллеги, как там наш ниочёма? — поинтересовался Первый. — Кто-нибудь смотрел?

— Дел других нет! — фыркнул Третий.

— Разумеется! — радостно заявил Второй.

— Ну, докладывай.

Второй принялся перечислять:

— Первоначальная адаптация прошла не без трудностей, но завершилась успешно. Из странного: произошла встреча с некоей астральной сущностью, которая называет себя первопредком объекта и пытается оказывать на него влияние с целью ускорить развитие всех аспектов личности.

— Чем нам это грозит?

— Собственно, ничем. Но этот фактор был совершенно не учтен при выборе варианта отправки. Возможно, имеются и другие просчеты.

— Все возможно, — буркнул Первый. — Наблюдайте дальше.

Хочешь — не хочешь, а если ты гимназист, то поутру нужно вставать и топать учиться. Олег, конечно, постарался снять квартиру поближе к гимназии, но все равно это лишние десять минут пешком. Как тут не вспомнить жизнь в гимназическом пансионе! Но вместе с этими ленивыми грезами вспоминается и недавняя схватка, и пурпурные морды воспитателей, и восемь человек в одной спальне, и общий сортир. И сразу приходит понимание: десять минут ходьбы в один конец совсем невеликая плата за спокойствие и бытовой комфорт.

Охранник у ворот, охранник на входе в учебный корпус, гардероб, доска с расписанием, лестница — и вот он, наконец, учебный класс. Почти все парты заняты, свободно лишь одно место на первой парте в третьем ряду. Народ уже был наслышан о позавчерашних событиях, так что когда Олег вошел в класс, все разом замолчали и принялись разглядывать его, будто бы он был новеньким. В каком-то смысле они были правы, но знать это им не полагалось.

Первым уроком была алгебра. Олег уселся на место, достал из сумки учебники, тетради, пенал с ручками. Всё забытое настолько, что даже ностальгию не вызывает, только глухое раздражение. А тут еще сосед по парте отвернулся от окна, где с интересом что-то высматривал, и повернулся, соответственно, к Олегу.

— Здорово, Песец!

— Здорово, — буркнул Олег, оглядывая этого самого соседа.

Рядом с ним за партой сидел плюгавенький худосочный блондинчик, вертлявый и болтливый.

— Слышь, Песец, а ты правда Косуле ногу отгрыз?

— Брешут, — сказал Олег с такой интонацией, что самый тупой барашек понял бы, что лучше не приставать. Но блондин не унимался.

— А чё, ты правда Хорьку глаз выдавил? Моща! И вообще всю банду Косули порвал.

Олег захотел немедленно прибить бледную немочь. А пацан, напрочь игнорируя все невербальные сигналы, продолжал нести хрень:

— А за что ты их так? Пацаны говорили, за то, что Хорек тебе курточку замарал. Правда? А еще говорили, что ты...

Олег замычал и потянулся было руками к цыплячьей шее белобрысого самоубийцы, но тут хлопнула входная дверь, и в классе появился учитель.

Все дружно встали.

— Здравствуйте, — произнес учитель. — Садитесь.

Дружно грохнули крышки парт. Крышки! Парт! Это вынесло Олегу остатки мозга, сохранившиеся после трескотни белобрысого. Он вообще не понимал, как так: везде, куда не приди, современные технологии, стекло, металл и пластик. А в гимназии словно прошлый век: полы деревянные, двери деревянные, рамы оконные тоже деревянные, только стены под штукатуркой и масляной краской. И парты, млин с крышками. Ему там, в прошлой жизни, про такие бабушка рассказывала. Может, комиссия управления образованием здесь совсем бы не помешала?

— Та-ак, сегодня все на месте, — отметил учитель. — Кто дежурный? Ламин? Раздай тетради.

Толстеный Ламин взял пачку тетрадей и принялся ходить меж рядов, раскладывая

тетрадки ученикам. Олег раскрыл было свою — хоть поглядеть, что за тема была на прошлом уроке, как мелкий сосед дернул тетрадку к себе и сунул нос в записанные аккуратным почерком уравнения. Зашептал:

— Ерунда, трой...

Он не договорил, потому что локоть Олега врезался в его ребра. Бил от души: уж больно достал его гадёныш.

Гадёныш дернулся, подпрыгнул на скамье и тоненько заверещал:

— Ой-ой-ой!

— Что случилось, Мышкин?

Тот вскочил, потирая бок:

— А чего Песец, то есть, Песцов, дерется!

Он еще и ябеда! Ну, это по любому залет. Писец тебе, Мышь белая.

— Песцов!

Это уже учитель. Ну вот за что ему это всё? Олег нехотя, с кислым видом, поднялся.

— За что ты ударил своего товарища?

— Не товарищ он мне, гнида мелкопакостная.

— Ты хочешь сказать, Песцов, что все эти ребята, которые сидят здесь в классе, тебе не товарищи?

— Не обобщайте. Мы говорили про конкретного персонажа, а не про весь класс. Хотя и там есть отдельные несознательные граждане, которых я могу сразу записывать в недруги, а то и во враги.

Несколько пацанов из шайки Косули дружно прикинулись ветошью.

— То есть, вместо того, чтобы помочь однокласснику осознать свои недостатки, исправить их, ты переходишь к рукоприкладству, — не сдавался учитель.

— Известное дело. Не доходит через голову, дойдет через... э-э-э... другие части тела, более мягкие и восприимчивые для конструктивной критики.

На галерке сдержанно хихикнули. Учитель понял, что он проигрывает в словесной битве и оперативно свернул дискуссию.

— Ладно. Мышкин, садись. Песцов к доске.

— Скажите, а Михаил Егорович вам насчет меня ничего не говорил?

— Михаил Егорович внезапно заболел. Он появится в гимназии только на следующей неделе.

Вот засада! Этот жадный толстый хрыч не выполнил обещанного и слинял! Заложить бы его сразу всем: и полиции, и образованию. Но если откатывать сделку, придется отдавать отжатые деньги, а делать этого не хочется. Придется как-то выкручиваться.

Олег поплелся к доске.

— Веселее, молодой человек, — подбодрил его математик. — Чай, не на эшафот идешь. Бери мел, пиши уравнение. Корень третьей степени из x минус два равно нулю. Записал? Отлично. А теперь найди нам...

Учитель еще не успел договорить, а на доске уже было расписано решение.

— Похвально, похвально. Помнится, прежде ты такой прыти не обнаруживал. А теперь расскажи классу, как ты решил это уравнение.

Через четверть часа Олег, взмокший что твоя мышь, вернулся на свое место. Критическим взглядом окинул свои вещи: вроде, всё лежит точно так, как было оставлено. Он многообещающе посмотрел на соседа и опустил было на скамью, но вовремя поймал

ухмылку Мышкина, полную глумливого предвкушения. Так и есть: кнопка. В количестве четырех штук. Интересно, этот Мышкин, он совсем debil? Приколы на уровне пятиклашек в выпускном классе — это, знаете ли, повод проконсультироваться у специалиста. Кнопки загремели по доскам пола, Олег сел на место, а по классу пролетел тихий шепоток. Непорядок был тут же отмечен:

— Кому здесь еще не сидится? Метелкин, к доске!

Длинный худой парень с растрепанной шевелюрой поднялся и с трагическим выражением лица побрел на свою персональную Голгофу.

Два урока в плюс, два в минус — это к большой перемене. Плюсом Олег посчитал математику и физику. Школьные знания, казалось бы, давно забытые, выскакивали из глубины памяти, словно все эти годы только и ждали, что вот-вот потребуются. Наверняка та мутная троица что-то намутила, но сейчас это было весьма полезно. Что физика, что математика в этом мире нисколько не отличались от того, что изучалось в прошлой жизни.

Минус — это история и литература. Особенно история. Литература была пусть не идентична, но хотя бы наполовину сходилась, хотя бы фамилии русских классиков совпадали. А вот история... Этот предмет надо было изучать с самого начала. И смириться с тем, что за первое полугодие в таблице выйдет твердая двойка.

На обед все помчались в столовую. Олег заглянул одним глазом, вдохнул кухонные запахи и его тут же замутило. Гадость. Бесплатная, конечно, но — гадость. Мысль натравить инспекцию по образованию окрепла и дополнилась еще одной: пригласить санэпидемстанцию, или как она тут называется. Уж больно много тараканов шастали по столовой и прилавку раздачи. Да и закладку продуктов в котлы стоило бы проверить: не может быть так, что все хорошо, а только в одном месте прокол. Впрочем, это можно было отложить для последующих переговоров с директором, а пока поискать альтернативную едальню.

Таковая нашлась в двух минутах неспешной ходьбы от гимназии. Вполне приличная кафешка со вполне приличными бизнес-ланчами, без тараканов и посторонних запахов. Вот только время уже поджимало, и пришлось ограничиться кофе с бургером. Дороговато, конечно, зато вкусно и не вызывает отвращения, как, к примеру, скользкая столовская котлета со слипшимися макаронами. Олег быстро прикинул: ежедневные обеды в этой кафешке его нисколько не разорят.

Два последних урока — магия. И так, если верить расписанию, каждый день. Будь у Олега возможность, он только на магию бы и ходил, отбросив прочее за ненужностью, особенно историю и литературу.

Для занятий пришлось переодеться в свободные штаны и столь же свободную короткую куртку, наподобие каратеги. Учитель Олегу понравился, как говорится, с первого взгляда. Серьезный спокойный человек, с явно заметным армейским прошлым. Короткий ёжик седоватых волос, гладко выбритое лицо, крепкая, подтянутая фигура без лишнего жира и весьма приличное по размеру магическое ядро, примерно с два мужских кулака.

Класс выстроился в шеренгу в тренировочной комнате. Учитель прошел мимо строя, внимательно осматривая каждого. Некоторых одобрительно хлопал по плечу:

— Молодец, есть прогресс.

Но мимо большинства проходил с равнодушным видом, а порой даже хмурился.

Дойдя до Олега он приостановился, потом взглянул повнимательней. Искренне улыбнулся, хлопнул по плечу.

— Ну вот, наконец, пошел процесс. Теперь главное не останавливаться, и к концу полугодия подняться хотя бы на ранг. А там будет легче.

Вот прямо чувствовалось, что человек искренне переживает за своих учеников, радуется их победам и огорчается, если что-то не выходит. Ну а тех, кто забросил упражнения, не пытаюсь развить свой дар, не понимает и не уважает.

Первая половина занятия была отведена на медитацию. Смысл её состоял в ускоренном наполнении ядра магической энергией. Все расселись на циновках, приняли рекомендованную позу и давай наполнять, у кого что есть. У Мышкина, к примеру, и наполнять-то нечего, у него и найти-то это ядро проблема. Ну а Песцов принялся раскачивать ядро по уже наработанной методике: каплю туда, каплю оттуда, и по новой. Понятно, откуда у тела соответствующие рефлексy взялись: парень, поди, каждую свободную минуту медитировал, стараясь скорее ядро наполнить, да снова опустошить. Но то ли от природы или, там, от первопредка не дано было, то ли в дортуарах пансиона условий для тренировок не было, то ли еще чего не хватало, но вот не смог парень продвинуться, застрял. А теперь, с Олегом внутри, рванул, чуть не вдвое прибавив размер ядра за неполную неделю. Энергетические каналы тоже расширил. В абсолютных значениях вроде как и немного, доли клоун-часа, а в процентах если смотреть — до фи́га выходит.

Олег, просматривая учебники, долго ржал, когда дошел до единиц измерения магии. Для него было вполне естественным, что единицы измерения называют именами ученых, которые изучали соответствующий раздел науки. Например, единица силы — Ньютон, единица электрической мощности — Ватт, а единица электрического заряда — Кулон. В этом мире — наверное в насмешку над одной из самых важных дисциплин — первоначально исследовал магию некий человек по фамилии Клоун. Надо сказать, что цирковые артисты здесь клоунами не назывались, их звали шутами. Или паяцами. Так что выражение типа «напряженность магического поля равна десять клоунов на квадратный метр» никого не напрягала. Зато у Олега вызывала неизменную усмешку.

Звонок на перемену выдернул из астрала тех, кто реально медитировал и разбудил всех остальных.

— Ну что, — объявил учитель, — теперь давайте практиковаться творить заклинания. Сегодня отрабатываем воздушный молот. Все помнят схему конструкта?

Олег поднял руку:

— Я не помню.

— Да, да, — закивал учитель, — Михаил Егорович предупреждал. Сейчас принесу таблицу.

Ага! Значит директор всё-таки выполнил обещание. Выходит, математик решил по своей инициативе докопаться до нелюбимого ученика. А остальные учителя? Это что, бунт против директора? Или наезд на него, Олега?

— Вот, смотри.

Учитель вернулся с учебным плакатом, прервав ход размышлений.

— Ты должен представить перед собой вот такую пространственную схему, причем порядок узлов строго обязателен. А когда представишь, вливаешь в нее нужное количество энергии и задаёшь направление, куда отправляешь удар. Давай, попробуй пока просто создавать конструкт. Если будут вопросы — задавай.

Вот это нормальный подход!

С пространственным воображением у Олега никогда проблем не было. Он вообще

любил рисовать, и будь у него побольше денег, забил бы на работу и целиком посвятил себя изобразительному искусству во всех его проявлениях. Конструкт он запомнил и освоил за считанные минуты, и принялся наблюдать за тем, что делают остальные.

Большая часть — те, у кого размер ядра не позволял создать даже самый простой конструкт, сидели в дальнем углу и не отсвечивали. Видимо, авторитет учителя магии был достаточно велик, чтобы проняло даже самых отъявленных бузотёров и хулиганов. Остальные по очереди выходили на помост и под руководством учителя пытались создать этот самый воздушный молот, и швырнуть его в установленный на подставке в пяти метрах от ученика медный гонг. И когда заклинание удавалось, по залу разносился громкий тягучий удар: «Бо-о-о-ом!» Добившийся удачи освобождал место следующему. Если у кого-то не выходило жажнуть минут пять, его отправляли работать над ошибками, чтобы не задерживал очередь.

Наконец, дошел черед и до Олега.

— Ну что, конструкт запомнил? — подошел к нему учитель.

— Угу.

— Ну тогда пойдем, попробуешь. В порядке доброго совета: размер конструкта делай не слишком большим. И энергии в него направляй самый мизер, только, чтобы сработало. Примерно одну десятую клоуна.

Подавив смешок, Олег вышел на помост. Все замолчали. Ну как же: Песец, который за все время обучения не смог сотворить ни одного заклинания, будет пробовать свой первый конструкт! На лице Мышкина явно проявилось желание сотворить пакость. Заметил это и учитель.

— Кто посмеет помешать — сгною на хозработах!

Мышкин с досадой отвернулся.

— Давай, Песцов, — пробуй. Не торопись, сосредоточься. Не огорчайся, если не выйдет с первого раза.

Учитель, еще раз грозно оглядев подопечных сделал шаг в сторону.

Олег, честно говоря, труханул. Не сильно — так, чуть-чуть. Все-таки, не каждый раз в возрасте под полтос начинаешь учиться колдовать. Медленно он начал выводить конструкт, постепенно, от точки к точке, формируя причудливую пространственную фигуру.

— Апчи! — пронеслось по залу. Чих был явно нарочитым, специально под руку.

Конструкт не удался.

— Мышкин! Выйди из класса. После урока подойдешь к Анне Алексеевне, скажешь, что я послал отрабатывать.

— А чё всегда я? — привычно заныл пакостливый Мышкин, но спорить не решился и, оглядываясь, поплелся в раздевалку.

Анна Алексеевна Ставридина была штатным школьным пугалом. Её не любили, но боялись. И не было участи страшнее, чем попасть к Ставриде на отработку. Так что наказание Мышу было серьезным, но сочувствия он ни у кого не вызывал. Да и то, что он сейчас выкинул, было явно из разряда «западло», а западлянцев традиционно никто не любит.

— Давай ещё раз. Я видел, у тебя почти получилось. — подбодрил учитель и, оглянувшись на Мыша, грозно добавил:

— Иди-иди, пока ещё час не добавил!

Тот, остановившийся было на полдороге, шмыгнул в раздевалку. А Олег снова принялся

строить конструкт. В этот раз дело пошло веселее, и закончил он построение за какие-то полминуты.

— Молодец! А теперь подавай силу вот к той голубой точке. Потихоньку, чтобы не переборщить. Как увидишь, что все узлы засветились, мысленно толкай конструкт в сторону гонга.

Бо-о-о-ом! — разнеслось по залу.

— Молодец! — обрадовался учитель. У нас осталась пара минут, попробуй еще.

— Скажите, — решился задать вопрос Олег, — а если конструкт сделать меньше, то и энергии понадобится меньше?

— Конечно. Или скорость движения конструкта и, соответственно, удар будет сильнее. Все согласно законам физики.

Олег за пару секунд сотворил крошечный конструкт, капнул энергии...

Пи-и-и-у!

Нечто молниеносно промелькнуло к дальней стене тренировочного зала, проделав в гонге дырочку миллиметров пять в диаметре. Медный диск даже не качнулся.

Быдыщ!

Ахнуло из стены, поднимая облако пыли. Все замерли, включая Олега и учителя.

Наставник пришел в себя первым.

— Да-а-а, — протянул он. — Всем переодеваться, урок закончен. А ты, Песцов давай со мной. Посмотрим, что натворил.

В бетонной стене была отчетливо видна ровная дырочка. Диаметр пять миллиметров, как и в гонге. Учитель вынул из кармана карандаш, вставил в отверстие. Тот прежде, чем упереться, ушел почти на всю длину.

— Сто восемьдесят миллиметров примерно. Пулей так не сделать. Ты сколько энергии влил в конструкт? — устало спросил учитель.

— Да самую малость, одну капельку.

— А капелька у нас, то есть, минимальный квант энергии, одна сотая клоуна. Надо же! Конструкт размером в пять миллиметров и квант маны — и такие результаты!

Учитель покачал головой.

— Но чтобы управлять такими микроскопическими количествами энергии, нужно долго тренироваться. Это зачастую труднее, чем хлестать мегаклоунами налево-направо.

— Так это...

Олег замялся. Источник навыков был ему ясен: подарок Второго. Но сдаваться было нельзя, иначе увезут в какой-нибудь закрытый институт и будут исследовать отдельно взятый феномен до последнего кванта крови этого самого феномена. Придется апеллировать к прежней немощи этого тела.

— Я ведь пробовал что-то сделать. Вы же видели, какое у меня было ядро. И чтобы хватило хоть на какую-то магию, приходилось пытаться действовать вот так, микродозами.

— И что, получилось хоть раз?

— Нет, — честно помотал головой Олег. — Нынче впервые смог хоть что-то создать.

— Ну, для первого раза вышло у тебя очень даже неплохо, — хмыкнул учитель. — Но старайся в драке, если такая снова случится, этот вариант не использовать. Если в незащищенного человека таким шарахнуть, то запросто можно убить. А это — полиция, следствие и, возможно, каторга. И выжигание магического ядра с лишением дворянства. Ты же знаешь, что дворянами могут быть только маги начиная с тринадцатого класса?

— Угу, — неуверенно кивнул Олег.

— Тебе до тринадцатого осталось совсем немного. Если темпы развития сохранятся, до нового года точно успеешь. А ко дню рождения, возможно, и двенадцатый ранг одолеешь. А как тебе удалось такой прорыв совершить? Ты ведь последний год ни на один квант маны ядро не смог увеличить.

— Не знаю, — пожал плечами гимназист. — Вы ведь в курсе моих последних приключений?

Учитель кивнул.

— Возможно, что-то из этого дало толчок. Но что именно — не скажу. Без памяти был.

— Да, парень, досталось тебе. Но и награда в итоге немалая. Теперь-то наверняка сможешь дальше развиваться. Кто знает, какой у тебя предел, и есть ли он вообще. Ну, беги, переодевайся. На сегодня ты отучился.

— Скажите, а за это, — Олег показал пальцем на дыру в стене, — мне что полагается? Компенсации там, отработки?

— Ничего. Скажу тебе по секрету, тем, у кого дар достигает тринадцатого класса и выше, директор обязан даже стипендию платить, в зависимости от уровня дара. Так что не бойся, за эту дырочку тебя наказывать не станут.

За неделю Олег понял: кроме литературы и истории, все остальные предметы он знает вполне на уровне. Настолько на уровне, что хоть сейчас сдавай экзамены за весь курс гимназии. Тем более, что сверхвысокий уровень знаний и не требовался. Знаний, оставшихся со школы, было вполне достаточно, особенно, если освежить их простым перечитыванием учебника. Поэтому он все силы отдал именно туда. И на всяческих физиках и математиках спокойно перечитывал историю, успевая при этом вместе с классом решать несложные примеры. Пару раз математик пытался его подловить, но он смело выходил к доске, решал требуемые задачи и с заслуженной пятеркой возвращался на место.

История была самой обычной: человечество зародилось, развивалось, прошло сквозь обязательный набор общественных формаций и зафиксировалось в нынешнем виде. Люди воевали, меняли границы государств, иные страны и вовсе исчезали, другие возникали. Создавались и разрушались империи, в свой срок влияли на процессы общественные деятели — все, как обычно. Одно только отличие — магия была всегда. И развивалась вместе с развитием прочих наук. Альтернативные варианты Олега не интересовали: сказано, что было так, значит, так и надо отвечать на экзамене. А то причислят к какой-нибудь оппозиции, да и ликвидируют как класс. А всяческие нюансы — это исключительно для личного употребления.

Одно удивляло: нигде не было даже упоминания о родовых зверях, словно бы их никогда не существовало. И это было как минимум странно. Ведь Олег лично общался с неким песцом, объявившем себя первопредком и надававшим дебильных заданий. Конечно, это можно было бы посчитать бредом, порождением спящего разума, если бы не две горсти снега. И не фикус, выросший и расцветший за какие-то полчаса. В этом следовало разобраться. Но поскольку в официальной школьной программе родовых зверей не упоминалось, то и разбираться следовало втихаря, не привлекая к себе ненужного внимания.

Но пока заниматься этим было некогда. Предстояло за немногие оставшиеся до выпускных экзаменов месяцы изучить программу гимназии, на которую отводилось семь лет. А пока что за две недели сделать так, чтобы не сидеть, хлопая глазами, на истории и литературе.

Вскоре выяснилось, что для раскочки магического ядра медитация совсем не обязательна. Главное — ядро должно быть полным. Так что на уроках, если только выдавалась свободная минутка, Олег занимался. Очень быстро это действие стало привычным и выполнялось практически на автомате. И результаты не замедлили сказаться: через неделю на занятиях по магии учитель, Павел Семенович, вполне оценил эти труды.

— Ты меня удивил, Песцов. В принципе, тринадцатый ранг можешь получить хоть сейчас. Но контроль будет делаться лишь в конце четверти, так что ты, если постарайся, и двенадцатый успеешь взять.

Похвала была приятна. А еще приятней было то, что все конструкты, положенные для изучения в гимназии, Олег уже запомнил и мог их создавать в любой момент и любого размера. Косулин вместе со всей своей шайкой не был теперь для него серьезным противником, хотя ядро у Олега достигло пока что размера вишни. Да, маны у него в восемь раз меньше. Зато по скорости создания конструктов и точности манипуляции маной ему сейчас нет равных в гимназии. И, самое главное, ему для создания конструктов не требовалось двигать руками, как всем остальным. Хватало развитого пространственного воображения.

Рисование в гимназии не преподавалось. Но чего не сделаешь ради себя любимого! Олег

нашел недалеко от своего жилья изостудию и принялся ходить туда два раза в неделю. Учёбе это не мешало. Приготовление уроков в гимназии давно уже не составляло труда, овладение историей и литературой шло по намеченному графику, а тренировки ядра и вовсе проходили в фоновом режиме.

Учиться рисовать было по-настоящему интересно. Интереснее даже, чем строить магические конструкты. Наверное, у Олега был талант еще в прошлой жизни. Но лень, работа, пиво и прочие преграды отвратили его от карандаша и кисти. Сейчас же учитель не мог нарадоваться, глядя на успехи нового ученика. Хотя и был он много старше прочих, но ссор не искал, не задибался и не чванился, а работал на занятиях наравне со всеми. И неважно: рисовали гипсовый куб со всеми положенными тенями, или натюрморт из парафиновых груш и треснутого кувшина, почти любое задание получалось у него с первого раза на «отлично». Ну, край — со второго.

Олег посчитал, подумал, и купил себе мольберт, карандаши, бумагу и вечерами, когда заняться было нечем, рисовал. Не черкал нервно по листам, выбрасывая один черновик за другим. Нет. Песцов работал неторопливо, вдумчиво, осторожно, предпочитая не нарисовать линию, чем стирать неверную.

В какой-то момент он спохватился: а как же всё остальное? Пиво, телевизор, компьютерные игры и прочие холостяцкие развлечения — всё то, чем он активно занимался в прошлой жизни. Он попробовал: купил пару бутылок хорошего портера и снеки, включил телевизор и честно листал каналы, выпивая и закусывая. И неожиданно для себя понял: удовольствия нет. Не вставляет, не штырит. А зачем тратить время на то, что не приносит удовольствия, да еще и платить за это деньги? С играми вышла та же история. И между рисунком и компьютером Олег однозначно выбрал рисунок.

Время шло, четверть подходила к концу. Утряслись отношения с учителями, успокоился директор, отмылась пурпурная краска с воспитателей. Гимназисты посматривали на Песцова с опаской, памятуя о судьбе Косули. Да и сам Косулин, пережив чудовищное падение репутации, домашнюю порку и еще десяток неприятностей, обходил бывшего данника десятой дорогой, избегая любых встреч. Даже Мышкин не рисковал приставать: видимо, остатки инстинкта самосохранения у него еще присутствовали. Сам Олег смотрел на это наплевательски: жить ему никто не мешает — и ладно. Врагов не стало, с друзьями не сложилось, ну и начхать. К холостяцкой жизни за последние пятнадцать лет он вполне привык. Так что, отбыв обязательную программу, получал от жизни удовольствие. Всё как и раньше, только вместо работы учёба, а вместо пива и телевизора — рисование.

Но за пару дней до выдачи четвертных табелей все учителя и воспитатели внезапно забегали, засуетились. В одном из классов убрали все парты, из учительской притащили удобные кресла, большой стол накрыли бархатной зеленой скатертью. На скатерть выставили графины и стаканы из закровов самого директора, а завхоз сбегал в ближайший магазин и принес оттуда большой загадочно позвякивающий пакет.

Было ясно, что творится что-то необычное, выходящее из ряда вон. Но что? Подумав, Олег отловил Мыша.

— Слышь, грызун, ты у нас всё знаешь. Что за кипеш творится?

— Ты чё, Песец? Совсем кукуха поехала? Комиссия приезжает.

— А что за комиссия? — терпеливо спросил Олег, хотя за борзоту мелкому полагалось выдать увесистого леща.

— Ну ты ваще! Магию будут измерять.

Песцов отпустил Мыша и задумался. Сам он давно перестал следить за размером ядра. Это стало неинтересно. Ядро стабильно росло почти что само по себе, с минимальным приложением сил, и учитель магии все чаще одобрительно хлопал своего ученика по плечу. А поскольку ни новых конструкторов, ни новых знаний в этой области ему не давали, Олег заскучал. Рисовать было куда как интереснее! Теперь же предоставлялась возможность оценить свой прогресс количественно и качественно. Оставалось понять, как это может повлиять на его жизнь и дальнейшую судьбу.

В день приезда комиссии уроков не было. Но учеников распихали по классам, чтобы они не толпились в коридоре рядом с кабинетом, не шумели и не мешали. Олег пожал плечами, достал из кармана телефон и погрузился в Сеть, не забывая при этом качать ядро. Сейчас оно размером было примерно с крупную сливу. Куда там Косулину с его грецким орехом! Если ничего не переменится, имелись все шансы к окончанию гимназии дорастить ядро до размеров апельсина, как у директора. А, может, и больше — кто его знает!

Олег лениво серфил по Сети. Как-то раньше он никогда не пытался искать эти данные: что дают магические ранги, на что влияют, какие бонусы или льготы имеют сильные маги. Ну, про стипендию начиная с тринадцатого ранга он слышал. А дальше?

Дальше было интересно. Чем выше ранг, тем больше плюшек. Но не то, что прямо государство выдаёт ништяки. Просто владеющий магией имеет право. А насколько он это право реализует, уже дело его. Например, землёй можно было владеть только магам. И чем выше ранг, тем больше земли можно было приобрести в собственность. То есть, если у него к совершеннолетию не будет нужного ранга, то наследную землю просто отберут? Не, на это мы пойти не можем. Отдавать своё — ни за что. Значит, надо интенсивнее качаться!

Начиная с десятого ранга можно было получить личное дворянство. А можно было и не получать. Но Олегу это было параллельно: он и так уже дворянин. Вот с пятого уровня дворянство давали автоматом. И можно было основать свой собственный род. И опять — мимо: род уже существует. Так что единственным весомым доводом для магического роста для Олега оставалась пока что земля.

Проверку магических рангов традиционно начинали с младших классов. Среди них гениев магии не встречалось, и они пролетали за пять минут: пятнадцатый, пятнадцатый, пятнадцатый... Пятнадцатый ранг — это низший из всех возможных. Он означает, что у человека есть теоретические возможности что-то сделать, а на практике он не может ничего. И ёмкость его ядра не достигает даже минимальной порции магии — одной сотой клоуна.

В классах постарше встречались и более развитые ученики, имеющие заметное ядро, в которое тот самый минимальный квант маны влезал. Это был четырнадцатый ранг. От пятнадцатого он отличался мало: один чёрт колдовать не получится. Вроде, что-то есть, и это что-то даже можно увидеть, но толку от этого нет.

Самые интересные варианты ожидалось в выпускных классах. Тут можно было встретить мальчишек с тринадцатым рангом, а иногда попадались и уникамы с двенадцатым. Таких начинали обхаживать, предлагали перевод в более статусные учебные заведения. Например, в кадетские корпуса. Заманивали повышенной стипендией, красивой формой и еще всяким Маги в армии всегда нужны. А сильные маги нужны особенно. Нынче комиссии намекнули, что в одном классе такой уникам имеется. И гости ожидали появления одного с известным нетерпением.

Олег зашел в кабинет с некоторым опасением. За длинным столом, накрытым зеленой

бархатной скатертью, сидели пять человек. На вид, от тридцати до пятидесяти, разной степени упитанности. А вот ядра у них если и превосходили размером таковое учителя магии, то ненамного. Олег решил, что нужно поискать в Сети данные по соответствию размера ядра и магического ранга и принялся осматриваться дальше.

На столе, помимо бутылок с разнообразными напитками, стоял на хитрой подставке большой шарообразный предмет. Размером с футбольный мяч, многогранный, полупрозрачный, сделанный не то из стекла, не то из кварца, не то из качественной пластмассы. Солнечные лучи красиво переливались на гранях, раскидывая радужные блики по стенам и потолку.

— Молодой человек, — произнесла сидевшая посередине, прямо напротив шара, строгая дама. — Подойдите и поместите обе ладони на тестирующий артефакт.

Олег подошел, положил, и артефакт погас. Шарик, еще секунду назад игравший радужными огнями стал темно-серым непрозрачным булыжником.

— Что ты сделал? — завопила строгая дама.

— Ничего. Положил руки, как сказали. Больше — ничего.

Олег и вправду ничего больше не делал.

— Ты знаешь, сколько стоит этот тестер? — продолжала вопить дама.

— Откуда?

— Прекрати дерзить!

— Я еще и не начинал.

Дама открыла рот, чтобы уничтожить наглого мальчишку, но тут подал голос её сосед, пожилой лысоватый и полноватый мужчина в мятом пиджаке:

— Элеонора Леопольдовна, тут просто заряд кончился. Это, конечно, странно. Изначально было двадцать клоунов, должно было хватить, но вот не хватило. Думаю, совсем немного не хватило.

— Ладно, — сделала одолжение Элеонора Леопольдовна. — У нас есть запасной аккумулятор?

— Конечно.

Сосед Элеоноры перевернул артефакт, извлек из него желтый цилиндр с черной полосой и заменил на точно такой же, но с полосой красного цвета. Едва шар вернулся в исходное положение, как вновь стал прозрачным, и радужные блики вновь заплясали по стенам.

— Давай еще раз, — недовольно буркнула дама.

Олег дал. Шар погас.

— Ты издеваешься? — завизжала Элеонора Леопольдовна.

— Я делаю только то, что вы просите, — пожал плечами Олег и прочистил пальцем заложенное ухо.

Дама начала наливать красным.

— Элеонора Львовна, — поморщился толстяк в мятом пиджаке. — Успокойтесь. У меня есть еще один аккумулятор. А вы, молодой человек, выйдите. Пусть пройдут тестирование все ваши товарищи, а вы зайдёте последним.

В коридоре у дверей толпились пацаны.

— Ну как? Сколько? — посыпались вопросы.

— Не измерилось, — честно ответил Олег. — Сказали после всех еще попробовать.

— А-а-а, — разочарованно протянули пацаны и втолкнули в кабинет очередного

испытуемого.

Через полчаса Олег остался в коридоре один. Он сунулся было внутрь, но ему велели обождать. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться: сейчас будут обсуждать его. И что делать в таком случае гимназисту? Конечно же, подслушивать. Тем более, что размер замочной скважины этому очень даже способствует.

В кабинете для тестирования воронежской гимназии № 57

— Вы что-нибудь понимаете, коллеги? — спросил мужчина в мятом пиджаке. — Тестовый артефакт должен вытягивать ману из ядра испытуемого и замерять её объем. Здесь же налицо противоположный процесс: ученик вытянул ману из артефакта. Заметьте, пятьдесят клоунов за один раз! Это уровень как минимум десятого ранга.

— Лично я никаких изменений в работе артефакта не ощутил, — произнес щегольски одетый молодой человек, сидевший рядом с толстяком. — А вы что скажете, Екатерина Васильевна?

Екатерина Васильевна, дородная матрона изрядных годов, откашлялась, поёрзала в кресле, поправила жакет, натянула чересчур короткую юбку на чересчур толстые колени и выдала:

— Я ничего не почувствовала. Никаких движений маны.

— Но ведь артефакт разрядился! Подумать только, пятьдесят клоунов! — циркулярной пилой взвизгнула строгая дама, словно бы эти пятьдесят клоунов вынули из неё самой. — У него ёмкость ядра не больше трех-пяти клоунов, он бы лопнул, если бы столько поглотил.

— А что скажете вы, Наталья Степановна? — обратился толстяк в мятом пиджаке к сидевшей с женской стороны миловидной барышне, не более двадцати пяти лет от роду. — Вы ведь у нас лучший сенсор.

— Мне кажется, — начала барышня, — вы только не смейтесь.

— И не подумаем, — заверил её молодой человек.

— Так вот, мне кажется, что я почувствовала движение эфира. Словно бы через юношу как через энергетический канал, действовала некая эфирная сущность. Но я не уверена. Слишком слабым было ощущение.

Дальше Олег слушать не стал, ему хватило. Он знал одну астральную сущность, которая была способна сотворить подобную пакость. Он сделал шаг в сторону, чтобы в случае чего не приложило дверь, и прямо тут, в коридоре опустился на пол. Оперся спиной о стену, скрестил ноги, сложил пальцы в мудру концентрации и провалился в транс.

Глава 8

Где-то вне пространства

Попасть в снежную тундру оказалось несложно: достаточно было как следует пожелать этого. Миг — и уже там. Только вокруг не бескрайнее белое пространство, а симпатичный деревянный павильон в японском стиле. И сидит Олег все в той же позе лотоса, только не в белых одноразовых трусах, и даже не в гимназической форме, а в белом кимоно с белым ученическим поясом. А перед ним в подвешенной к потолку корзинке-гамаке на мягких подушках сидит белый песец. И видно, что морда у него донельзя довольная и донельзя глумливая.

— Что, явился — не запылится? — ехидно спросил первопредок. — Ну, проси, чего

хочешь, я сегодня добрый. Может, что и подкину тебе на бедность.

Олег и без того был зол, а такое показное нахальство его и вовсе взбесило.

— Ты какого хрена в мою жизнь лезешь?

— А как же не лезть? Ты мой потомок, я должен тебя контролировать.

— Ты уже наконтролировал. На кой ты потырил ману из артефакта? Тебе что, энергии не хватает? Тут её вон — хоть вагонами грузи.

— Не, здесь не такая, здесь первичная, астральная. А там — чистая, структурированная. Вот, видишь — жильё себе отгрохал.

Песец повёл лапой вокруг.

— Нравится?

— Так ты, значит, тут себе комфортную жизнь устраиваешь, а я там из-за тебя проверку пройти не могу? Ну ты и сволочь! Песец криволапый, мля.

— Чего криволапый-то? — деланно обиделся песец.

— А то! Засветился ты, учуяли тебя маги. А теперь из-за одного маразматического животного и мне достанется. Спрашивается, нахрена мне такой предок, от которого одни проблемы? То-то про вас все забыли, даже строчки в энциклопедии не оставили.

— Что, правда? Никого не осталось? Так мы с тобой сейчас как следует разоведемся, да и власть над миром захватим!

Это было последней каплей.

— Слушай сюда, лисица облезлая! Если еще хоть раз в мою жизнь свой поганый нос сунешь, я проведу ритуал и откажусь от тебя напрочь. От тебя же никакой пользы нет кроме вреда. Так я лучше один проживу, толку больше будет.

Эта угроза подействовала.

— Эй, парень, ты не горячись. Ну бывает, ну позволил себе лишку. А кто бы не позволил после стольких тысяч лет забвения? Иди, сдавай свои тесты. Не буду я к тебе больше лезть без предупреждения. Эй, ты куда?

В коридоре воронежской гимназии № 57

Олег очнулся от того, что его трясли за плечо. Он поднял голову: рядом стоял щегольски одетый молодой человек.

— Песцов, хорош сидеть. Иди давай тест проходить.

Увидев, что гимназист вернулся в реальность, молодой человек вернулся в кабинет.

— Представляете, мы тут совещаемся, а он сидит себе и спокойно медитирует! — доложил он коллегам.

— Крепкие нервы у парня, — одобрил толстый дядька в мятом пиджаке.

А сидевшая в центре дама недовольно поджала и без того тонкие губы.

В кабинете для тестирования воронежской гимназии № 57

Олег вошел в кабинет, прикрыл за собой дверь и вежливо поздоровался.

— Молодой человек, — обратился к нему толстый. — попробуйте все-таки пройти тест. Вот артефакт, приложите к нему обе руки. А мы за вами посмотрим. Да, Наталья Степановна?

Симпатичная барышня с краю кивнула головой.

— Как скажете, пожал плечами Олег.

Подошел к шару, прижал к поверхности ладони. Сразу же в солнечном сплетении словно бы образовался вакуум. Понятно: откачали ману в артефакт. Шар сразу после этого зажегся теплым желтым светом.

— Спасибо, молодой человек, — сказал толстый. — Наталья Степановна?

— Ничего, — отрицательно покачала головой барышня.

— Да, странно, странно.

Толстый поскрёб переносицу.

— Молодой человек, я вас поздравляю: десятый ранг. Да, давненько я не встречал в обычной гимназии такой солидный уровень. Знаете, я бы хотел с вами побеседовать приватно. Например, завтра во второй половине дня. Вот моя визитка, на ней адрес и телефон. Позвоните, мы согласуем с вами время визита. Ну а сейчас не смею задерживать.

В кабинете для тестирования воронежской гимназии № 57

— Что скажет уважаемая комиссия? — поинтересовался полноватый лысоватый мужчина в мятом пиджаке.

— Что он чересчур хорош для кадетского корпуса, — заявил молодой щеголь. — К этому возрасту подобный прогресс в развитии бывает нечасто. Слишком жирно будет воякам заполучить такой перспективный материал.

— Да, десятый ранг до восемнадцати лет — это заявка на большое будущее. А он, к тому же, дворянин, хоть и худородный. — поддакнула пожилая матрона внушительных размеров Екатерина Васильевна.

— Тест прошел штатно. Никакого присутствия астрала, ничего постороннего. Даже на следовом уровне, даже тончайших касаний не было. Пусто, — доложила молодая симпатичная барышня Наталья Степановна.

— Думаете, он проводник? — живо заинтересовался толстый.

— Возможно. Но совсем необязательно. Хотя какое-то время понаблюдать за ним, наверное, стоит. И, конечно же, надо поставить сигнальную метку на проникновение в наш мир астральных существ. Если через него что-то попытается пробраться, мы об этом узнаем.

— Да, — задумался толстый, — это может помочь. Давайте завтра, как только мы с молодым человеком сговоримся о времени, подходите ко мне. Поучаствуете в беседе, и заодно внедрите ему в ауру свою метку.

— Договорились, — тряхнула чёлкой барышня.

— Ну а вы что скажете? — обратился толстый к председательнице комиссии.

Та молча отвернулась, раздражённо поджав и без того тонкие губы.

— Тогда извольте к завтрашнему полудню собрать и предоставить мне всю доступную информацию о гимназисте Олеге Ивановиче Песцове, года рождения... — толстый глянул в бумаги, — восемьсот двадцать третьего от Обретения.

Где-то в воронежской гимназии № 57

Известие застало Олега врасплох. Десятый ранг! Он рассчитывал максимум на двенадцатый, а тут вон как вышло! И что с этим дальше делать? В Сети информации об этом не находилось. Реклама крутых гимназий, университетов и академий, зазывание в армию, а конкретики не было. Да и вообще Сеть была скорее развлекательным ресурсом, чем информационным. Ну а раз так, надо спросить у знающего человека. И человек такой, которому Олег мог хоть сколько-то доверять, имелся лишь один.

В тренировочном зале было пусто. Учитель магии убирал инвентарь в кондейку. Услышав, как хлопнула входная дверь, он обернулся.

— А, Олег! Заходи. Сейчас я управлюсь и поговорим.

Собственно говоря, управляться было почти что не с чем. Гонг с отверстием по центру

да несколько циновок — вот и всё оборудование. Учитель запер кондейку и присел на край помоста.

— Ну, рассказывай, что у тебя.

— Десятый ранг, — вздохнул Олег.

Учитель пристально посмотрел на парня. Даже, наверное, сквозь него.

— Вроде, не должно быть десятого. Ядро у тебя тянет максимум на двенадцатый. Ну, с очень большой натяжкой, на одиннадцатый.

— Так артефакт показал.

— А какой цвет был?

— Ярко-желтый.

— Да-а, действительно десятый. Лишковато это для твоего возраста.

— А почему?

— Видишь ли, раз ты так быстро продвигаешься, у тебя есть шансы в обозримом будущем достичь высших рангов.

— Это тех, что выше пятого?

Именно. И тебя будут пасти, за тобой будут приглядывать, и стимулировать твой прогресс всеми доступными способами. Потому что высокоранговые маги — это основная военная мощь государства.

— Как можно от этого открутиться?

— А никак. Ты уже вляпался. Показал бы двенадцатый ранг, к выпуску одиннадцатый — и нормально. Пошел бы в академию, там поднялся до девятого-восьмого и хорош. А потом бы жил в своё удовольствие и втихаря силу свою увеличивал. Потому что никто не будет дёргать солидного семейного дворянина на всякие глупости вроде войны. Разве что случится какое-нибудь сверхмогучее нашествие степняков, или очередной крестовый поход на восток — тогда всех гребут. Но, хвала предкам, такого уж полтора-дваста лет не бывало. И есть небезосновательная надежда, что и не случится.

Олег вздохнул. Настроение стремительно покатило вниз. Но надо было выпросить еще кое-что.

— Ну хорошо, со своим рангом я влип. А что мне делать дальше? Какой оптимальный путь?

— В армии тебе делать нечего, да тебя и не пошлют. От десятого уровня и выше если и служат, то в гвардии или в специальных отрядах. Тебе, для начала, предложат перевод в столицу. Я бы на твоём месте согласился. Причина — уровень образования в магических дисциплинах там намного выше. Хотя решение останется за тобой, поскольку ты глава своего рода. Потом предложат на выбор академию магии или годичный курс военного обучения, а после всё-таки академию.

А что за военное обучение?

— Это, по сути, тренировочные лагеря, где упор делается на тактику боевых действий магов и на создание и применение боевых конструкторов. Кстати, твоя воздушная пуля вполне может считаться таковым.

— И что бы вы посоветовали?

— Ничего. Не в моих принципах давать советы. Но в академию попадают, как правило, отпрыски знатных родов, а они почти все чванливые снобы. Если же сходишь на военку, то несколько уравнишься с ними в статусе. Да и силы поднаберешься.

— В смысле, магической?

— И магической, и физической. Не обижайся, но ведь ты же дрищ, хлюпик. А рост магических сил очень сильно зависит от физических кондиций тела.

— То есть, нужно стать накаченным культуристом? Чем больше мышцы, тем больше магия? А как же девушки, к примеру? Или просто невысокие люди?

— Я не знаю, что конкретно работает. Может, есть какие-то пропорции между ростом и весом, или между объемом мускулатуры и размером ядра. Но точно знаю, что ни один жирдяй не стал высокоранговым магом. Есть и ещё одно соображение. Конфликты со столичной аристократией так или иначе неизбежны. Тебе не простят захолустного происхождения и относительной, по их меркам, бедности. Но применение магии вне полигонов запрещено под угрозой исключения, так что будут банальные драки. И ты в этих драках будешь стабильно проигрывать. Тебя будут просто-напросто постоянно избивать. Ты поселишься в лазарете.

Олег серьезно задумался.

— Я планировал, — продолжал учитель, — за оставшееся до выпуска время поднатаскать тебя в рукопашке, но, видно, не судьба.

— Не судьба, — эхом повторил Олег.

Какое-то время учитель и ученик сидели рядом. Потом учитель поднялся, хлопнул Олега по плечу.

— Ну что, я тебе все резоны изложил. Ну а решение принимать ты должен самостоятельно.

Где-то вне пространства

Первый рвал и метал.

— Кто мне говорил, что субъект ленив и не будет развиваться? А?

Третий попытался отползти подальше, но уперся во вставшего в ступор Второго.

— Так никто же не знал, что там кроме кача ему больше нечем будет заниматься, — проблеял он.

— Твою ж прасущность раком! — бушевал Первый. — Он пять рангов пролетел за три месяца. Пять рангов! За три месяца! Это ж он к выпуску из гимназии архимагом станет!

— Так начиная с десятого уровня, скорость прироста ранга падает на порядок. А с пятого — на два порядка.

— И что это меняет? Будет архимагом не в двадцать, так в пятьдесят.

— Он же не качается непрерывно! Ему нужно время на сон, на учёбу, потом академия начнется, девочки, кабаки, потом семья, дети пойдут. Не докачается. Ни за что не докачается. Были бы зубы — два зацепил бы, — тараторил Третий, тщетно суча ложноножками в попытках сбежать.

— Ничего, — ухмыльнулся Первый. — Если наврал, я найду, что тебе оторвать. А ты что замер? — рявкнул он на Второго. — Живо за работу!

Где-то в недрах Воронежского филиала Государственного управления магией

Чтобы сделать правильный выбор, нужно сперва посмотреть всё меню.

На визитке, которую дал толстый мужик в мятом пиджаке значилось: «Илонов Виктор Арсеньевич, начальник отдела». Название отдела отсутствовало.

— Тоже мне, главный по тарелочкам, — фыркнул Олег. — Еще бы И.О.О. назвался. То есть, исполняющий особые обязанности.

Фамилия, должность и телефон были отпечатаны на белой прямоугольной картонке черной краской. Шрифт без вензелей, никаких рамок, виньеток и позолоты. Практичная

вещь. И недорогая, надо думать.

Начальник отдела Илонов работал в Воронежском филиале Государственного управления магией, сокращенно ГУМ. Встречу он назначил в два часа дня, но Олег подстраховался и приехал чуть пораньше. Доложил охраннику у турникета на входе, продемонстрировал визитку.

Через пять минут в фойе появилась молодая симпатичная барышня Наталья Степановна, кивнула охраннику и Олег вслед за ней поднялся на третий этаж, попетлял по извилистым коридорам и остановился перед дверью с надписью: «Илонов В.А. Начальник отдела». Надежда же, не соврала визитка. Или это такой специальный отдел, что все сразу понимают, о чем речь? В любом случае вариантов отказаться от визита не было.

На стук в дверь послышалось «Войдите». Наталья Степановна толкнула дверь, приглашая войти и куда-то усвистала, заявив, что будет через пару минут.

Олег вошел. Обычный кабинет, каких он много повидал в прошлой жизни. Большой начальничий стол с аккуратно разложенными по стопкам бумагами, плоский экран монитора с одного угла. К столу начальника буквой «Г» приставлен другой стол, для заседаний. Судя по количеству стульев, на шесть человек.

За столом сидел сам Виктор Арсеньевич. Нет, он не сбросил за ночь вес и не отрастил волосы, но вместо невнятных брюк и мятого пиджака на нем был прекрасно пошитый на заказ тёмно-синий костюм.

— А, молодой человек! — приветствовал он Олега. — Ну здравствуйте, здравствуйте. Присаживайтесь, наливайте себе чай, берите конфеты, печенье, а мне нужно срочно закончить одно письмо.

И он бодро заколотил по клавишам компьютера.

Олег прошел, сел, налил себе чаю, кинул в чашку пакет с заваркой и, выбрав пару самых вкусных конфет, принялся их разворачивать. Хозяин делал вид, что занят работой и незаметно наблюдал за гостем. Гость делал вид, что занят чаем и незаметно наблюдал за хозяином. Но при этом гость был в выигрыше — он еще и чаю с конфетами напился.

Через какое-то время хозяину надоело изображать работу, он поднялся из солидного кожаного кресла и сел напротив Олега.

— С этой работой и поесть не успеваешь — неискренне посетовал он, наливая себе чай. Тут вернулась Наталья Степановна.

— Ой, мальчики, чай пьете? Можно мне тоже?

Не дожидаясь разрешения, она уселась рядом с Олегом, налила себе полчашки кипятка, пару секунд побултыхала в нем чайный пакетик и принялась прихлебывать бледно-золотистую жидкость, заедая микроскопическими кусочками печенья.

— Ну что, Олег Иванович, — начал разговор Илонов после того, как все устроились. — гимназистов с вашим рангом встречается немного. Могу даже выдать небольшую служебную тайну: такие, как вы — редкость, и даже один на город встречается не каждый год. Конечно, если смотреть в масштабах страны, можно набрать прилично. Но всё равно в пределах двух-трех десятков.

Он отпил чаю, глядя поверх кружки за реакцией Олега. Увидел что-то или нет, было неясно.

— У вас, у таких, как вы, имеется значительный потенциал в области магии. И государство не может себе позволить губить этот потенциал в заштатных гимназиях. Поэтому и существует практика отбора юных дарований по всем учебным заведениям

Российской Империи, сведение их в общий класс и перевод на доучивание в лучшую гимназию Санкт-Петербурга. Ну а потом, в зависимости от достигнутых успехов, каждому выпускнику будет предложена индивидуальная программа по развитию дара. Обычно мы проводим такие беседы с родителями гимназистов, и я еще не помню ни одного случая, чтобы кто-то из них отказался от нашего предложения. Но с вами, молодой человек, случай особый. Поскольку вы являетесь единственным членом рода Песцовых и фактическим его главой, то это предложение мы делаем вам. Ну что, вы согласны?

— Я могу задать несколько вопросов?

— Конечно, — улыбнулся Илонов.

— Насколько программа обучения магии отличается от стандартной?

— Кардинально. Появится теоретическая часть. А практическая будет намного более разнообразной и, скажем так, прикладной.

— Хорошо. Я слышал, гимназистам с высоким рангом назначают стипендию. Какова она будет в моём случае?

— Давайте посчитаем. За тринадцатый ранг — десять рублей, за двенадцатый — дополнительно пятнадцать рублей, за одиннадцатый — плюс двадцать пять, за десятый еще полтинник. Итого сто рублей ровным счетом.

— Неплохо, — кивнул головой Олег.

Сотня стипендии да полторы процентов — вот уже две с половиной в месяц. И можно не трогать основной капитал.

— А какое проживание?

— В общежитии на территории гимназии. Но у каждого ученика будет своя отдельная комната со всеми удобствами, в том числе с санузлом.

— Неплохо.

Еще экономия на съёме жилья.

Видя, что Олег колеблется, Илонов принялся добивать клиента:

— Лучшие учителя страны — раз, Прекрасная столовая — два. Разрешен свободный выход в город во внеурочное время — три. Ну и четыре — обучение будет смешанным. Мы находим не так много талантливых учеников, чтобы делить классы на мальчиков и девочек.

Наверное, для изначального Песцова это было бы интересно. Но Олегу последний довод показался не слишком важным. А вот материальная сторона дела немало вдохновила.

— У меня последний вопрос: в гимназии преподают рисование?

— В рамках факультатива. Так же, как стихосложение. А вот бальные танцы входят в обязательную программу. Кстати сказать, через неделю, в конце каникул, в гимназии будет осенний бал. Если вы, молодой человек, не станете тянуть с оформлением бумаг, то вполне на него успеете.

На кухне арендованной Олегом квартиры

Рассказанное в ГУМе вполне сходилось с информацией, полученной от учителя магии. И предложенные условия Олега вполне устраивали. Так что ехал он домой с мыслями о том, как бы ему умудриться за один день оформить все требуемые бумаги. Ибо завтра пятница, потом два дня выходных, а потом поди, вылови нужных людей.

В состоянии глубокой задумчивости он запер двери, разделся, кинул в угол сумку с документами и отправился на кухню. После зябкой ноябрьской погоды хотелось горячего чая, и непременно с бутербродами.

Олег поставил кипятиться воду, достал из шкафчика заварку, повернулся к столу и замер, вытаращив глаза. На столе сидело странное существо. Представьте нестриженую карликовую овечку на кошачьих лапках и с кошачьей головой. Ну или, как вариант, кошку в овечьей шкуре. Только уши ни разу не кошачьи. Скорее, от летучей мыши взяты.

Моргание и протирание глаз картину не изменили.

«Писец» — мелькнуло в мыслях.

Коленки у парня как-то резко ослабли, но табурет очень удачно оказался в нужном месте. Или появился в нужном месте? Олег не был уверен ни в том, ни в другом, но под задницей оказался не жесткий линолеум, а мягкое сиденье.

Олег нацелил трясущийся указательный палец на существо.

— Ты кто? Белочка?

Существо фыркнуло.

— Скажешь тоже, белочка! Домовая.

Ответ прозвучал где-то в голове, а странный мутант не соизволил даже рта раскрыть.

«Точно, белочка!» — шарахнула по голове догадка. — «Но откуда? Ведь сколько месяцев уже насухую!»

Олегу стало жарко. Он нашарил кухонную тряпочку и принялся вытирать внезапно вспотевший лоб.

— Ну чего нервничаешь-то? — снова прозвучало в голове. — Говорят тебе: домовая. И не крути головой, здесь никого кроме нас двоих нет. Да куда ты? Я прямо перед тобой сижу. Вот же ниочёма!

Олег поглядел на сидящую перед ним неведомую зверушку и осторожно протянул руку. Домовая моментально отпрыгнула на полметра.

— Но-но, без шалостей! Не люблю.

— А ты это... того... настоящая? — решился, наконец, задать вопрос Олег. — Не привидение?

— Вот еще! — обиделась было домовая, но ненадолго. — Ладно, так и быть, вот, убедись.

Она наклонила голову, подставляя длинное ухо.

— Давай, проверяй!

Олег осторожно прикоснулся. Ухо было горячее, покрытое короткой, приятной на ощупь шерсткой.

— Ну что, убедился? Поверил?

— Угу. Но ведь...

— Что «ведь»? — передразнила домовая. — Ну да — с детства, поди, внушали, что это всё бабкины сказки, что домовых не бывает и прочую ересь.

— Угу, — опять кивнул Олег.

— Вот же филин! — внезапно развеселилась домовая. — Всё «угу» да «угу».

Гимназист вдруг решился на вопрос:

— А почему ты такая?

— Какая такая?

— Ну... я всегда думал, что домовые — они вроде маленьких таких человечков, только обросших шерстью.

— А-а! Ну домовые — они действительно такие. А я — домовая. Чувствуешь разницу?

— Домовая? — глупо переспросил Олег и еще более глупо хихикнул. — Так ты что, девочка?

— Ну наконец-то, сообразительный ты наш!

— Издеваешься? — взбеленился парень.

— Не, нисколечко, — домовая тут же сдала назад. — Просто ты так забавно выглядел,

что просто не было никаких сил удержаться. Ну ладно, не обижайся. Давай лучше чай пить.

— А домовые разве чай пьют? Я слышал, они больше по молоку. Помнится, им даже блюдечко на полу оставляли.

— Не, не пьют. Им человеческая еда вообще не нужна. Но молоко... молоко вкусно, да.

И Домовая умильно облизнулась, продемонстрировав аккуратный розовый язычок.

— Ну чего ты сидишь? — принялась она теребить Олега. Все от стресса отойти не можешь? Ну так и быть, давай, я тебе чай заварю.

Олег только успевал головой крутить. Чайник сам собой вырвался у него из рук, кипятком плеснул в заварник и тут же выплеснулся в мойку. По кухне стремительно летали предметы: заварка насыпалась, ополаскивалась, заливалась кипятком, а под конец с крючка спикировало полотенце и обмотало заварник вместо традиционной купеческой куклы.

— Ничего себе! Ну ты даешь! — только и смог выговорить Олег.

— Да что там! — разошлась домовая. — Ты ведь бутербродов хотел? Сейчас, обожди пять сек.

Захлопала дверца холодильника, по кухне замелькали ножи, продукты, разделочные доски. И вскоре на блюде посреди стола высилась горка бутербродов с сыром и колбасой. Перед Олегом стояла кружка с чаем, а вся ненужная посуда уже была вымыта, вытерта и стояла на своих местах.

— А себе?

— Так я чай не пью.

— Тогда молока налей. В холодильнике целый пакет.

Домовая вздохнула.

— Не могу. Для себя ничего брать не могу. Только для хозяев дома.

— А если я тебя угощу?

— Тогда совсем другое дело!

Вскоре за столом сидели Олег и домовая. Олег заедал стресс бутербродами, которые, в свою очередь, запивал вкуснейшим чаем. А девочка-домовая, похожая на кошку в овечьей шкуре, без спешки лакомила молоком из голубого блюдечка и жмурилась от удовольствия.

Мало-помалу между ними завязалась беседа.

— Домовая, ты откуда здесь взялась? — спросил Олег.

— Я-то? — Переспросила домовая. — Я тут всегда жила, с того момента, как этот дом построили. Тут сначала аптекарь жил с семьей, вот у него и поселилась. Солидный мужчина, серьезный. И дом себе под стать отгрохал.

Дом был довольно старый, и стоял на этом месте не меньше сотни лет. Это внушало.

— А почему я тебя не видел? — продолжал допытываться парень. — Я ведь здесь не первый месяц обитаю. Все углы пересмотрел. Уж наверняка нашел бы.

— Не нашел бы. Домовые прятаться умеют. Если мы не хотим показаться, никто не увидит. А еще я в спячку впадала, а в этом состоянии мы и вовсе оказываемся на границе мира. Вроде бы еще здесь, но как бы уже и нет.

— На границе мира? А ты, часом, не эфирное существо? — на всякий случай уточнил Олег.

— Вот еще! Эти эфирники такие задаваки! Считают себя высшей кастой, а нас — так, прислугой.

— А на самом деле — наоборот?

— На самом деле всё совсем не так.

— Расскажи!

— Да нечего особо-то рассказывать. Что мы, что они с точки зрения людей вроде как нежить. То есть, у нас нет полноценного материального тела. Но мы все-таки живем в мире, а они — за его пределами, в месте, которое принято называть эфиром. И только из-за этого они считают себя небожителями. Думают, что выше других, что имеют какие-то там особые права... На самом деле, мы почти одинаковы, просто мы здесь, а они — там.

— Ясно. А почему ты в спячку впала? На зиму?

— Скажешь тоже! — хмыкнула домовая. — С голодухи, с чего же еще.

— Что, никто молока не наливал?

— Да причем здесь молоко? Оно так, для удовольствия. Вкус нравится. А питаемся что мы, что эфирники маной.

— Так и здесь, и в эфире маны полно. Особенно в эфире, там её хоть вагонами грузи.

— Оно, конечно, так, мана имеется. Но для нас она несъедобна. Я не скажу, откуда это изначально взялось, но нам нужна энергия особая, очищенная и структурированная магом.

— А что, в этом мире не хватает магов? По-моему, их полно.

— Полно-то, полно. Только вот энергию свою они либо в себе держат, либо в артефакты заливают. А если начинают колдовать, конструкторы свои строить, то все уходит на магическое действие и возвращается обратно в мир в таком же несъедобном виде.

— Погоди, — начал соображать Олег, — раз ты проснулась, значит, в этом доме появилась структурированная энергия. А раз она появилась с моим приходом, то получается, что это я её вырабатываю и выдаю в мир?

— Можешь ведь, если захочешь, — одобрительно кивнула домовая. — Именно так все и произошло.

— И песец, значит, тоже...

— Какой песец?

— Да есть один, объявил себя моим первопредком.

— Эфирник, что ли?

— Почём я знаю? Я его и видел-то лишь дважды, во время медитации.

— Точно, эфирник. Вот гад!

— А почему гад?

— Он же паразитирует на тебе, твоей энергией питается!

— А ты? Не так?

— А я — не так. Я вообще решила показаться, чтобы договор с тобой заключить, как это полагается от начала времён.

— Договор?

— Ну да. Чтобы мир оставался в равновесии, если что-то берешь, нужно что-то отдать. Вот домовые и договаривались: они берут на себя все домашние работы, а маги в ответ дают им необходимую энергию.

— Вот все-все домашние работы? — усомнился Олег. — А что ты можешь кроме чая и бутербродов?

— Что касается дома, все могу. Приготовить, прибрать, помыть почистить. Одежду чинить могу. Стирать тоже. А вот ремонт не могу. Это уж сам.

— А нет еще каких-нибудь таких... вроде тебя? Леших там, водяных, вагонных?

— Про вагонных не слыхала, а другие имеются. Но спят.

— Из-за энергии?

— Ну да, из-за нее.

Олег замолчал, обдумывая перспективы. Выходило весьма заманчиво: он всё равно будет качать ядро и выбрасывать в пространство эту самую структурированную энергию. Так почему бы эти отходы не обратить себе на пользу? Было бы здорово! А с местной нечистью он еще разберется. Может, и впрямь заведет себе штат подобной прислуги. И дешево, и удобно. Сплошная выгода.

— Ну что, на договор я согласен. Вот только имеется один нюанс. Я собираюсь переезжать в столицу.

— Правда? — восхитилась домовая. — Всегда хотела поглядеть.

— Так смоталась бы.

— Не могу. Я к своему дому привязана. Максимальное удаление — пять километров.

— Да, проблема.

— И вовсе нет. Если у домового с магом договор заключён, маг может позвать домового на новое место.

— И ты поедешь?

— Да не хотелось бы, — пригорюнилась вдруг домовая. — Тут я уж прижилась, к дому привыкла. А там всё заново.

— Жаль, — искренне огорчился Олег.

— Но если ты уедешь, то и энергия кончится. И я снова в спячку впаду, — продолжала домовая. А это не самая приятная форма существования.

— Тогда выбирай. Мне, конечно, хотелось бы тебя с собой забрать. Я человек ленивый, мне проще тебя энергией да молоком подкормить, чем хозяйством заниматься.

— А молоко точно будет?

— Точно. Обещаю.

— Мр-р-р! — восхитилась домовая. — Хорошо, убедил. Давай сейчас договор заключим, а когда вещи паковать начнешь, я тебе расскажу, что полагается делать для переселения домовых.

Где-то в воронежской гимназии № 57

Видимо, из ГУМа предупредили всех, кого надо, и к приходу Олега все бумаги на перевод в Питер уже были подготовлены, подписаны и лежали у секретарши. Директора на месте не оказалось. В данный момент его одновременно терзали органы юстиции, сожаления о своих поспешных решениях и жадность.

Секретарша Катенька сидела печальная. Её боссу и покровителю внезапно стало не до неё. Соблазнительное тело увядало без мужского внимания, но, что было гораздо хуже, кошелек тоже грозило безвременное похудение. Сокращать расходы не хотелось, а доходы в самое ближайшее время грозили резко упасть. Как тут не загрустить! Виноват же во всём был, без сомнения, тот наглый пацан. После разговора с ним шеф совершенно переменялся: перестал дарить подарки, выписывать премии, зато постоянно раздражался по поводу и без. Хорошо, что этот наглый подросток, наконец, уйдет. Но за свои дела он должен ответить.

Пацан появился почти с самого утра и сразу принялся хамить:

— Мне сказали, что документы на перевод уже готовы. Могу я их получить?

— Оформление бумаг стоит...

На секунду Катенька запнулась, решая, какую сумму назвать.

— Пятьдесят рублей, — закончила она фразу и вызывающе посмотрела на гимназиста умело подведенными глазами.

Тот скривился, как от зубной боли.

— Знаешь, Катенька, — начал он, и секретарше от его тона стало как-то не по себе. — ты делаешь ту же ошибку, что и твой директор. Хочешь узнать, какую?

Пацан подошел вплотную, наклонился и посмотрел секретарше прямо в глаза. Она попыталась отстраниться, но не вышло: он ухватил двумя пальцами ткань тесного платья на самом интересном месте. При этом и без того мало что скрывающее декольте перестало скрывать вообще хоть что-нибудь. Пацан глянул внутрь, Катенька на автомате тоже опустила глаза. Ничего нового для себя она не увидела, но и пацан, похоже, не слишком впечатлился. Он отпустил платье, и ткань звонко шлепнула по телу.

— Ты себя переоценила. Шлюха стоит двадцать рублей, минет — десятку. Сиськи у тебя, конечно, зачетные, я бы вдул, но вот беда — тороплюсь. Так что давай бумаги.

Конечно, за такое надо было подняться, растоптать наглого школьника морально, сгноить на отработках физически, а бумаги засунуть в шредер и превратить в мелконарезанную лапшу. Но Катенька сидела, словно бандерлог перед питоном Каа, и не могла заставить себя не только что-то сказать, но даже пошевелиться. Не может подросток так говорить и так смотреть! От этого взгляда, от этого голоса секретарше стало страшно, едва ли не до мокрых трусов. Сейчас она готова была на что угодно, даже на то, чего никогда не позволяла шефу, лишь бы этот сопляк, наконец, ушел.

Катенька выдвинула ящик стола, вынула папку с документами и положила её на край стола.

— Умница.

Пацан взял папку и отступил на шаг. И сразу наваждение пропало. Исчез страх, вернулись силы, но делать хоть что-то было уже поздно.

— Не переживай, найдешь себе другого козла, — сказал напоследок пацан и исчез за дверью.

Единственным человеком во всей гимназии, с кем Олег хотел попрощаться, был учитель магии. Найти его было легко: он, как обычно, возился в зале для магических тренировок.

— Здравствуйте, — сказал Олег, входя в зал.

— А, это ты? — улыбнулся учитель. — Ну, заходи. Вижу, ты решил отправиться в столицу. Ну и правильно. Здесь тебе, если честно, делать нечего, только свой талант губить. Ну а там, конечно, возможностей подняться наверх больше. Правда, и хищники там крупнее, так что гляди в оба: зазеваешься — сожрут, несмотря на ранг и титул.

— Я буду осторожен, насколько это возможно, — ответил Олег. — И ещё: спасибо вам. Вы мне очень помогли, и я этого не забуду.

Учитель хмыкнул:

— За всё время, что я здесь работаю, ты первый, кто мне такое сказал. Удачи тебе, парень.

И напутственно хлопнул Олега по плечу.

Где-то в Санкт-Петербургской гимназии для одаренных

Барахлом Олег обрасти не успел, поэтому собраться ему было недолго. Проездные документы он получил заранее, и вечером того же дня сел в поезд Воронеж — Санкт-Петербург. До столицы поезд шел меньше суток, такси у Московского вокзала нашлось быстро, ехать было сравнительно недалеко, и уже в четыре часа дня будущий высокорейтинговый маг с небольшим чемоданом и легкой сумкой через плечо стоял в вестибюле Санкт-Петербургской гимназии для одаренных детей. Найти начальство было

несложно, но завуч, по причине субботы, уже собирался уходить.

— Из Воронежа? — переспросил он Олега, наскоро проглядев документы. — Шустрый. Ну, раз первый приехал, первый и комнату себе выберешь. Третий этаж в спальном крыле, ключи в замках. Второй — девчачий, туда не ходи. Документы оставляй, все формальности послезавтра. Ну, двигай.

Найти спальное крыло помог охранник. И уже через четверть часа после приезда Олег стоял в коридоре на зеленой ковровой дорожке с красными полосками по краям. С одной стороны коридора были окна, выходящие на спортплощадку, с другой — ряд одинаковых дверей. Стояла задача: найти себе лучшую комнату. Олег честно осмотрел каждую, и не нашел отличий. Впору было тыкать пальцем наугад, но тут ему пришла в голову отличная мысль.

— Домовая, — позвал он.

Кошка в овечьей шкуре материализовалась и зависла перед ним в воздухе. Бросила взгляд на парня, на двери.

— Выбрать не можешь?

— Угу.

— Сейчас гляну сама.

Домовая принялась дотошно обследовать комнаты, бормоча себе под нос:

— Здесь обои отстают, здесь из окна дует, здесь дыра в крыше, по весне затопит, здесь стул шатается, здесь кровать скрипучая, здесь батареи плохие...

Наконец, она вернулась.

— Вот эта, с номером тринадцать, более-менее приличная. Не идеальная, но жить можно.

— Тогда заселяемся. Тесновато, конечно, но это временно. Придёт время, построю свой особняк, там развернешься вовсю. А пока придется здесь ютиться.

— Что, правда? Целый особняк? Ну нет, я такое не потяну. Нужно будет хотя бы пару помощников.

— Нужно — значит, будет. Ну а пока тебе работы особо-то и не предвидится.

— Ничего, я найду, — пообещала домовая.

— Слушай, а как тебя зовут? — решил, наконец, поинтересоваться Олег.

— Как-как, домовою зовут.

— Это понятно. Я про имя. Ну не звать же тебя всё время домовою.

— Ты что, хочешь дать мне имя? — поразилась домовая.

— Ну да. А что в этом такого?

— Ты не понимаешь!

В волнении домовая начала нарезать круги в воздухе вокруг Олега.

— Имя — это же... Это как если бы тебе дали самый крутой орден Империи, вот!

— Ну, я за орденами не гонюсь, — пожал плечами Олег. — А имя дать мне несложно. Самому же потом будет удобней.

— Тогда давай.

Домовая устроилась на столе в выбранной комнате. Из коридора влетел чемодан и улегся рядом с кроватью, сумка повисла на спинке стула. Хлопнула, закрываясь, дверь, провернулся ключ в замке.

— Ну же!

— Э-э-э...

Олег подзавис. Сразу вспомнились всякие глупости насчет «как вы яхту назовёте» и длинные списки значений имен. Он тряхнул головой, посмотрел на сидящую перед ним домовую. Миленькая такая, так и тянет погладить, словно котенка. Может...

— Скажи, имя Милка тебе нравится?

— Да!

— Тогда я даю тебе имя Милка.

— Ура! Ой!

Олег почувствовал, как его ядро прилично так опустело, не меньше, чем наполовину. Что за хрень? Домовая же зависла в воздухе и закрутилась так, что смазалась в сплошное серо-белое пятно. А когда вращение остановилось, у нее на шее повис небольшой кулончик с ярко светящимся шариком.

— Охренеть!

Это человек и домовая сказали одновременно,

— Что это?

— Где?

Милка ошупала себя спереди, ее лапки натолкнулись на украшение.

— Ой... Это же... Это же... А-а-а-а!

Милка завизжала так, что Олег поморщился:

— Потише, а то у меня голова лопнет.

— Ты знаешь, что это такое? — не унималась домовая.

— Откуда?

— Да я... Да я только от древних домовиц об этом слышала. Это же Хранилище! Я же теперь могу в нем энергии запасти на целый месяц! Представляешь, я теперь спокойно могу месяц путешествовать куда хочу, и не впаду в спячку.

— Это, конечно, здорово. А как насчет договора?

— Обижает! — деланно насупилась Милка. И тут же замки чемодана открылись, крышка распахнулась, и Олегов гардероб принялся вылетать, чиститься-гладиться и убираться в стенной шкаф, каждая вещь на своё место. А потом и сам чемодан подпрыгнул, закрываясь на ходу, и убрался в антресоль.

— Класс! — оценил Олег. — Каждый раз как вижу, так поражаюсь твоей ловкости. Молодец!

Милка мурлыкнула от удовольствия.

— Только скоро сюда заедет орава малолетних колдунов, и если они такое увидят, то мне потом от них не отбрезаться.

— Не вопрос. Я могу и делать всё незаметно. Никто ничего не видит, а оно... ап!

И на столе появился ноутбук с открытой крышкой, который секунду назад лежал в сумке.

— Тогда у меня к тебе претензий нет. А я пойду прогуляюсь, куплю кое-что по мелочи, ну и продуктов на первое время.

Что нужно человеку для начала новой жизни Олег знал прекрасно. Опыт холостяцкой жизни, переезды, командировки — всё это даром не проходит. Хорошо ещё, в комнате имелся маленький холодильник. Для пива, не иначе. Никакой другой кухонной техники не было. Видимо, питание предусматривалось исключительно централизованное, а вечером — разве что небольшой перекус жидким хлебом.

Два комплекта посуды — себе и возможному гостю, электрический чайник, бутылка питьевой воды, хлеб, десяток яиц, сыр и колбаса, чай в пакетиках, кофе в гранулах, стратегический запас консервов да несколько пачек быстрорастворимой китайской лапши (куда же без неё, она вездесуща). Ну и пакет молока для Милки.

И вот так, нагруженный покупками, Олег ввалился в вестибюль гимназии. Помимс неперемного охранника в нем обнаружилась молодая симпатичная девушка с полудюжиной чемоданов, тяжелых даже на вид. Русые волосы, правильное лицо, теплая куртка поверх классического платья, модные полусапожки. И всё вместе выглядит как минимум небедно.

— Вот, сударыня, — указал на Олега охранник, — он может вас проводить и всё показать. А мне, как я уже говорил, покидать свой пост запрещено.

Девушка кивнула, подошла к Олегу и вежливо представилась:

— Елизавета Филькина, Хабаровск.

И протянула для пожатия узкую маленькую ладошку.

Олег поставил пакеты со скарбом и провизией на пол, вытер ладонь о штаны и, осторожно пожимая девушке руку, представился в свою очередь:

— Олег Песцов, Воронеж.

— Очень приятно, — произнесли они одновременно и так же одновременно рассмеялись.

Знакомство состоялось.

— На «ты»? — начхав на этикет, предложил Олег.

— На ты, — утвердительно тряхнула головой Елизавета.

— Ну, тогда пойдём. Но сперва мне нужно вот это всё, — Олег указал на свою поклажу, — закинуть к себе в комнату. А потом я с чемоданами помогу. Если получится, конечно.

— Не парься, — успокоила парня Филькина.

Она сделала несколько жестов над самым большим чемоданом, потом взяла его за ручку и потащила за собой с такой легкостью, словно это был ридикюль. Или, на крайний случай, футляр со скрипкой.

— Было бы предложено, — пожал плечами галантный кавалер и двинулся вперед.

На втором этаже он взмахнул рукой:

— Там дамские апартаменты. Насколько я понимаю, ты из девчонок первая, стало быть, выбираешь себе лучшую комнату. Но я уже проверял: с виду они все одинаковые. Ну всё, устраивайся. Я к себе. Третий этаж. Чао!

И направился вверх по лестнице.

Ушел. Наглец! Елизавета Филькина не очень привыкла к такому обращению. Обычно мальчишки постоянно крутились рядом с ней, спорили за её внимание и наперегонки

выполняли любое поручение. Там, в Хабаровске, на такую ерунду, как подъем багажа в комнату, Лиза не стала бы тратить ману. Она просто пару раз улыбнулась бы окружавшим её юным кавалерам. Но, может, в Воронеже приняты несколько иные манеры поведения? Она недовольно фыркнула, от расстройства запихала чемодан в первую попавшуюся комнату и пошла за следующим.

Олег поднимался по лестнице в хорошем настроении. День прошел максимально продуктивно, все поставленные задачи выполнены, впереди — отдых и ужин. Незначительный инцидент с девочкой из Хабаровска слегка развлек, но не более того. Да, организм выбросил в кровь все положенные гормоны. Да, кровь послушно прилила к соответствующим местам. К счастью, плотные джинсы ограничили жалкие попытки подросткового тела продемонстрировать даме свою симпатию. А взрослое сознание опытного в подобных вещах мужика цинично констатировало: бабец вдувальный, но геморройный. Чтобы соблазнить избалованную домашнюю девочку, придется потратить массу сил и средств. Ладно бы еще силы, их много. Но средства у Олега ограничены, а потому, если станет совсем невтерпёж, лучше обратиться к профессионалкам. Дешевле выйдет. Опять же, последствия...

С этими мыслями новоиспеченный гимназист Санкт-Петербургской гимназии для одарённых закатился в свою комнату. Не успел он поставить пакеты на пол, как они опустели. Зато полки в шкафах заполнились, вода налилась в чайник, штепсельная вилка вставилась в розетку, кнопка включения нажалась, а сыр, хлеб и колбаса отчасти превратились в аппетитные даже на вид бутерброды. Сами же пакеты аккуратно сложились и легли на предназначенное для них место.

— Спасибо, Милка! — Олег от души поблагодарил домовую. — Ты просто прелесть.

И принялся наливать молоко в голубое блюдечко.

— Я честно выполняю договор, — мурлыкнула довольная домовая.

Но было видно, и она даже не пыталась это скрыть, что делает свою работу не только по обязанности. Наверное, чувство благодарности доступно и нежити. По крайней мере, одной домовой — так уж точно.

Когда Лиза Филькина закончила разбирать багаж, было уже совсем поздно. Горничных и прочих служанок в гимназию не допускали, так что девушке впервые в жизни всё пришлось делать самостоятельно. И, как следствие, не всё получилось. Вернее, не получилось почти ничего. Вешалки с платьями с грехом пополам повисли на перекладине в платяном шкафу, и это было почти победой. Бельё кучей высыпалось в ящики комода, и эти ящики даже удалось закрыть. Штаны и футболки были с трудом запиханы на полки всё того же шкафа, но дверца после этого нормально закрываться не хотела. Для разнообразных дамских мелочей пришлось придумывать места. А мест этих в сравнительно небольшой комнате было не слишком много. В общем, после завершения трудов комната больше походила на захламлённую кладовку. Да и чемоданы отказывались помещаться ни на шкаф, ни под кровать.

Лиза выбилась из сил и почувствовала себя очень маленькой, слабой и несчастной. И очень, очень голодной. Как назло, с собой у неё не было ни крошки еды, если не считать половины шоколадки. Магазины в это позднее время уже вряд ли работали, а отправляться ужинать в кафе или ресторан в одиночку было совершенно невозможно: это же смерть для репутации! И тут она вспомнила. Вспомнила восхитительный запах полукопчёной колбасы, который исходил из многочисленных пакетов того наглого мальчишки. И рот мгновенно

наполнился тягучей голодной слюной.

Лиза сплотнула, старательно отгоняя от себя назойливое воспоминание. Но тут желудок совершил предательство: он жутко заурчал. На пустом этаже это рычание, кажется, даже отдалось эхом. Караул! Девушка настойчиво гнала от себя мысли о еде, а организм коварно подбрасывал одну за другой картинки тонко нарезанной, одуряюще пахнущей колбасы на резном блюде, ломти свежего мягкого хлеба, розовые пластики ветчины и еще кучу всевозможных вкусных штучек.

Спустя недолгое время Филькина поняла: еще немного, и она просто-напросто захлебнется слюной. Интересно, тот мальчик, как его... Олег Песцов, он уже лег спать? А если нет, будет ли уместным её столь поздний визит? И позволяют ли правила приличия приличной барышне просить еду? А-а-а! К черту, к дьяволу все приличия! Она рискует не дожить до утра, а потому пойдет и спросит. И от неё не убудет. Нет, если, конечно, молодой человек уже лёг в постель, она не будет его беспокоить. Но если нет... И перед глазами вновь замелькали соблазнительные картинки разнузданного пиршества.

Лиза смогла прийти в себя уже в полутёмном коридоре на третьем этаже. Слабый свет, попадающий из больших окон, освещал ряд одинаковых дверей. Из-под одной просачивалась наружу узкая полоска света.

«Не спит!» — обрадовалась голодная девушка и, подкравшись к двери, прислушалась. За дверью было тихо. Она подняла руку, чуть помедлила, всё ещё колеблсь, и, в конце концов, постучала.

Бутерброды у Олега как-то быстро прососались, образовав внутри желудка космический вакуум. Его следовало срочно заполнить. Ну и что, что на ночь? Засыпать лучше на сытый желудок, это он знал наверняка. И едва из шкафа появилась пенопластовая коробочка китайской лапши, как Милка безмолвно, по своему обыкновению, предупредила:

— К тебе гости.

Через несколько секунд в дверь осторожно постучали.

— Войдите!

Дверь открылась, и на пороге ожидаемо появилась хабаровчанка Елизавета Филькина.

Когда Лиза вошла в комнату воронежского нахала, то на некоторое время потеряла дар речи. В точно такой же по планировке комнате ничего не валялось, немногие необходимые вещи стояли на своих местах, все было чисто и аккуратно. А сам парень, одетый в удобное спортивное трико и легкую футболку, сидел за столом и явно собирался распотрошить что-то съедобное. Желудок вновь рыкнул, выводя девушку из ступора.

— Добрый вечер.

— Добрый, — откликнулся Олег. — Проходи, присаживайся.

Лиза прошла, осматриваясь по сторонам, и присела к столу на краешек стула.

— Что это? — спросила она, указывая на этикетку с иероглифами.

— Быстрая еда. Видишь ли, сейчас у меня имеется только кипяток. Сытости от него не прибавляется. Но с его помощью можно превратить содержимое вот этой коробочки во вполне съедобное блюдо.

— Еда? — удивилась Лиза.

— Ну да. Ты что, никогда бич-пакетов не видала?

— Никогда. У нас готовил повар, и подавали на стол уже готовое.

— Да-а, темный ты человек. Ну да ничего, я буду твоим проводником в мире простой человеческой еды. Вот, держи.

На стол перед Лизой опустилась точно такая же коробка с иероглифами.

— А теперь делай, как я.

Олег начал привычными, уверенными движениями потрошить коробку, скидывая обертки в мусорную корзину. Лиза пыталась повторить. В принципе, ничего сложного не было. Но, как и в любом деле, имелись нюансы.

— Китайцы едят палочками. Им удобно, когда лапша длинная. А мне — нет. Поэтому я обычно ломаю брикет на кусочки, чтобы есть ложкой. Но ты можешь попробовать вилкой.

Лиза поглядела на запаянную в отдельный пакетик маленькую хлипкую пластиковую вилочку, подумала и тоже раскрошила свою лапшу.

— В этом пакете, — продолжал Олег, — сушеные овощи, мясо и прочая требуха. Высыпай как есть, навара больше будет. А вот это — специи. С ними осторожнее. Если плюхнешь всё сразу, будешь потом полчаса изображать огнедышащего дракона. Хотя, вдруг ты любишь острое?

— Да я не то, чтобы очень...

— Тогда посыпь чуток, а будет мало — потом добавишь.

— Ну и теперь финальная стадия.

Чайник щелкнул, отключаясь, побурился еще несколько секунд и затих.

— Заливаем адскую смесь кипятком, накрываем крышкой и ждем. Налъешь побольше — будет супчик, нальешь поменьше — почти что привычные макароны. Но вкус, сама понимаешь, не тот. При желании можно добавить тушенку, или рыбу из консервов, или вареное яйцо — на что фантазии хватит.

В процессе чтения лекции Олег не забывал крошить, высыпать, заливать и накрывать.

— Ну вот, теперь минут пять подождем, и можно питаться. Не деликатес, конечно, но брюхо набить годится.

И отсел от стола на кровать. Устроился поудобнее, подложив под бок подушку, и демонстративно засек время на телефоне.

— Ну а пока идет процесс превращения сублимата в еду, расскажи мне вот что: ты какой-то хитрый конструктор применила для уменьшения веса чемодана. Можешь показать?

— А тебя этому не учили?

— Ха! Тоже скажешь — учили! Нам давали два конструктора на каждую стихию — и всё. И это-то не все освоили.

— А как же библиотека? — ужаснулась Лиза.

— А библиотеки у нас не было. Только электронные учебники в персональных планшетах. Я пытался что-то найти в интернете, но там вся информация строго в рамках школьной программы.

— Да, интересные конструкторы можно найти только в старых бумажных книгах, — сочувственно вздохнула Филькина.

И тут Олега осенило: букинисты! Вот где могут найтись эти самые старые бумажные книги. Адреса магазинчиков наверняка найдутся в интернете. А еще имеются рынки, частные объявления, букинистические форумы в той же Сети...

— Благодарю тебя, о прекраснейшая из умнейших и умнейшая из прекраснейших! — восторженно выпалил Олег. — Ты спасла меня от жестокой участи быть насмерть замученным неистовой жаждой познания неизведанного. Но хватит кормить соловья баснями. Пришло время проверить итог наших кулинарных экспериментов.

Удивительно, но содержимое пенопластовой коробки оказалось вполне съедобным.

Лиза не заметила, как слопала всё подчистую. Олег от неё не отставал.

— Ну а теперь, — сказал он, когда всё было съедено, а упаковка выброшена в корзину для мусора, — будем пить чай. Он тоже не самый лучший, но зато имеется здесь и сейчас. Только не говори, что ты никогда в жизни не видела чайных пакетиков.

— Не видела.

— Нет, серьезно? — изумился Олег. — Ты меня не разыгрываешь?

— Нисколечки.

— Ну ладно, верю.

Олег вынул кружки, опустил в них чайные пакетики и залил кипятком.

— Ну вот, пара минут и можно пить. — объявил Олег и тут же вспомнил об одном досадном упущении.

— Млин!

— Что случилось? — обеспокоенно спросила Лиза.

— Да к чаю ничего не купил. Ни сушек, ни баранок, ни даже самой завалящей печенинки.

Лиза внезапно подскочила.

— Ты чего? — поинтересовался Олег.

— Да я совсем забыла! У меня в сумке лежит плитка шоколада. Начатая, правда, но, может, сгодится?

— Ты еще спрашиваешь!

— Тогда подожди, я сейчас!

Едва Филькина выбежала из комнаты, не забыв аккуратно закрыть за собой дверь, как в воздухе материализовалась Милка.

— А у тебя неплохо получается.

— Да чего там сложного, — смутился Олег. — Бич-пакет может приготовить даже полный идиот.

— А я не про то, я про девчонку. Она исправно охмуряется. Еще пару вечеров, и будет готова.

— Думаешь? — недоверчиво протянул парень. — Это же богатая семья, повара, гувернантки, наверняка куча ухажеров и готовый жених из правильного рода.

— Вот именно. Девочка вырвалась на свободу и...

Милка не договорила, растворившись в воздухе на середине фразы. И через секунду в комнату вбежала чуть запыхавшаяся девушка.

— Вот!

Она положила на стол половину плитки шоколада.

— Ух ты! Дорогая штука. Ни разу не пробовал. Ну что, банкуй.

— В смысле?

— В смысле, ломай на кусочки.

— А-а-а!

Лизе давно не было так хорошо и уютно. Дешевая китайская лапша? Ерунда, зато в животе тёплая сытость. Дешевый чай в пакетиках, на который матушка и смотреть бы не стала? Плевать. Зато в небольшой комнате, освещенной неярким оранжевым светом, очень здорово сидеть, забравшись с ногами на кровать, откинувшись к стене и держа обеими руками кружку с горячим чаем. И совершенно восхитительно запивать этим чаем кусочки отличного швейцарского шоколада. А еще было здорово, что рядом, на этой же кровати, так

же, с ногами, устроился совершенно чудовой парень, который не знает простейших бытовых конструктов, зато умеет устроиться в жизни с потрясающим комфортом. И разделяет их всего-то навсего кусочек фольги, на котором лежат два последних квадратика шоколада. И такая сладкая истома растекается по всему телу, и такая усталость от всего непростого дня, что она совсем бы не отказалась, если бы сейчас у неё под головой оказалась подушка, а еще лучше — плечо этого Олега, наверняка сильное и мускулистое.

— Ну что, по последнему? — спросил Олег, прицеливаясь на больший из оставшихся кусочков шоколада.

Никто не ответил. Зато Елизавета Филькина со счастливой улыбкой на лице стала сползать по стене, стремясь перейти в горизонталь.

— Милка! — только и успел прошептать Олег.

Домовая сообразила, моментом отправив на стол кружки с недопитым чаем и остатки шоколада. А парень подхватил свою гостью и тихо опустил на кровать. Та уже спала глубоким крепким сном, как спят праведные, сытые и довольные жизнью люди.

И что ему сейчас было с ней делать? Оставлять у себя? А что будет потом, когда она проснется? А если к тому времени приедут другие парни или девчонки? Они увидят, что Филькина провела ночь в комнате у парня и выводы сделают соответственные. Нет, этого никак нельзя допустить.

Олег потряс девушку за плечо, но та и не думала просыпаться. Лишь повернулась набок, подтянула колени к груди, да подложила под щеку сложенные вместе ладошки. И что с ней теперь делать? Придется прямо сейчас, пока здесь кроме них двоих никого нет, тащить её к ней в комнату, да укладывать в кровать. Ох, беда с этими женщинами, сплошные хлопоты.

Олег бережно поднял Филькину на руки, втайне надеясь, что она сейчас всё-таки проснется. Но девушка лишь пробормотала что-то невнятное, и обняла его за шею, положив голову на грудь. Парень офигел, но рук не опустил и следом за Милкой, открывавшей ему двери, потащил свою ношу. Не такую и лёгкую, как оказалось. Килограмм пятьдесят, а то и все пятьдесят два. Ладно бы еще на плече, как мешок сахара. А то ведь перед собой. И по лестнице спускаться рискованно: ступенек не видно, приходится идти на ощупь. Неверный шаг — и пробуждение в больнице обеспечено будет обоим.

В конце концов, они добрались до девчачьей территории. Жила Филькина, как оказалось, прямо под ним. При желании, можно в гости лазать через окно. Милка распахнула дверь и...

— Мать моя женщина! — прошептал Олег. Пол от дверей до кровати был завален пустыми чемоданами.

— Милка! Ты можешь тут навести хоть какой-то порядок?

— Запросто, — ухмыльнулась домовая. — Я же говорила, что работу себе найду!

— Но имей в виду, это разовая акция.

— Само собой.

Домовая работала быстро. Но всё же к тому моменту, как можно было укладывать девушку в постель, руки у Олега ощутимо дрожали. Оставалось самое сложное: разуть, раздеть и укрыть. Процесс раздевания он в своё время неоднократно проходил на практике, но сейчас это предстояло делать не с опытной тёткой, а с молоденькой невинной девушкой. Парень представил себе, как это будет происходить, и притормозил. Руки его опасно дрогнули.

— Э-эх, ниочёма! — укорила его Милка. — Иди к себе, я девицу сама уложу. Заодно и

порядок наведу, а то она на редкость безрукая. Ты, хоть и мужик, а до такого дом не доводил. Иди-иди, нечего подсматривать.

Лиза проснулась отдохнувшей, хорошо выспавшейся. Не открывая глаз, она потянулась и прежде, чем откинуть одеяло, позволила себе мечтательно улыбнуться. Ей снилось такое... Такое, о чем девчонки в женской гимназии № 3 города Хабаровска говорили исключительно шепотом, предварительно убедившись в отсутствии учителей и при этом пунцовели от ворота платья и до чёлки. Но во сне всё это было легко и ничуть не постыдно, а от того весьма притягательно. Вплоть до сладостного томления где-то внизу живота.

Гимназистка спустила ноги на пол и села на кровати. Еще раз потянулась, да так и замерла с разведенными в стороны руками. Она всё вспомнила! Всё, что было накануне вечером. Как она с классным парнем Олегом ела смешную китайскую лапшу, как они, усевшись на кровати, вместе пили чай с шоколадом, и как она потом уснула.

Караул! На глаза навернулись слезы. Что она наделала! Уснула не просто в чужой комнате, а в комнате малознакомого мальчика. Но сейчас-то она явно у себя, и сидит на своей кровати, и облачена в ночную сорочку. А под сорочкой — Лиза бросила быстрый взгляд — ничего! Это выходит, что она так заснула, что не почувствовала, как её перенесли из комнаты в комнату, как раздевали и укладывали в постель. Боже, как стыдно-то!

Но тут же девушку настигла следующая мысль, еще кошмарней прежней. Это что же выходит, что парень раздевал её донага, облачал в ночнушку, видел её совершенно без одежды и, возможно, даже прикасался к ней в запретных местах! Лицо мгновенно залило краской. Но в жар бросило не только её бедную головушку. ТО САМОЕ МЕСТО налилось отчего-то теплой сладкой тяжестью.

Филькина запаниковала: нет, этого не может, не должно быть! Всё это просто какое-то безумие! А вдруг он её специально напоил каким-нибудь средством, чтобы усыпить и поглумиться над спящей? В отчаянии, она сжала кулачки, не зная, что ей предпринять. Голова её шла кругом и не собиралась останавливать вращение.

В конце концов, Лиза решила: сперва надо встать с постели, умыться, одеться, а уже после размышлять обо всех тех ужасных вещах, которые она обнаружила сегодня утром.

С первым пунктом — подняться — было проще всего. Теперь предстояло выбрать наряд. Лиза выдвинула ящик комода, в который она вчера вывалила все содержимое чемодана с бельем. И тут её ждал очередной удар. Все интимные предметы дамского туалета были тщательно свернуты и аккуратно разложены по ящикам. Трусики, чулки — все находилось в полнейшем порядке, словно здесь поработала минимум дюжина горничных. Но сама она спала, а единственный, кто мог это сделать — этот негодяй из Воронежа. Это что выходит, он рассмотрел каждый предмет её туалета? А, может, и притырил парочку втихаря? Извращенец!

Лиза метнулась к платяному шкафу. Здесь тоже царил идеальный порядок. Все одёжки были аккуратно сложены и распределены по полкам. Ничего не нужно искать, просто бери и надевай. Вот же гад! Всё утреннее настроение испортил.

Умывание несколько убавило накал эмоций. По крайней мере, девушка смогла вполне сознательно выбрать себе одежду, сделать прическу и наложить легкий утренний макияж. Теперь предстояло решить, что дальше делать с мерзавцем, который нагло воспользовался её беспомощным положением. И не успела она подумать, как в двери постучали.

— Да-да, войдите.

Дверь дернулась, и с обратной её стороны донесся знакомый наглый голос:

— Это либо не самая лучшая шутка, либо тонкая издевка. Предпочту все же посчитать за шутку. Чай готов, и бутерброды к нему тоже. И я имею честь пригласить вас, сударыня, на завтрак. Имейте в виду, холодный чай намного хуже горячего, а бутерброды могут и кончиться. Вам хватит пяти минут, чтобы подняться на один этаж? Время пошло. Ждать вас мне будет некогда, у меня сегодня множество планов.

Шаги за дверью явственно свидетельствовали, что парень ушел. Пять минут, да? И это после всего, что он натворил? Но потом он уйдет по делам, и позавтракать будет возможно лишь тогда, когда откроются утренние кафе. Но и пойти туда одной будет невозможно, а это означает, что либо она сидит голодом до тех пор, пока рядом не поселится кто-то из девочек, либо идет и съедает всё приготовленное у этого Олега из Воронежа и тем самым осуществляет свою тайную месть.

Придя к этому парадоксальному выводу, девушка вышла из комнаты, заперла за собой дверь, опустила ключ в карман джинсов и пошла наверх.

Дверь в комнату с номером тринадцать была приоткрыта.

— Заходи, не стесняйся, — весело сказал ей сидящий за столом Олег.

И удивительное дело: стоило увидеть эту улыбающуюся физиономию, как настроение у Лизы тоже полезло вверх. А дразнящий запах полукопченой колбасы активно этому помогал. И вместо того, чтобы устраивать разборки, метать громы и молнии и требовать сатисфакции, Филькина робко сказала:

— Я вчера устала — перелет из Хабаровска, эти чемоданы... я не ожидала, что так усну. Извини.

— Пустяки, бывает и хуже. Ты тоже извини, я немного навел у тебя порядок. Надеюсь, тебе понравилось. А насчет тебя — не думай, я честно не подсматривал. Всё делала магия. Так что твоя девичья честь осталась в неприкосновенности.

— Точно? — постаралась грозно спросить Лиза.

— Точнее не бывает. Давай, принимайся за еду. Мне действительно придется сегодня побегать, а это лучше делать на полный желудок.

Лиза не стала заставлять себя уговаривать, взяла соблазнительно пахнущий бутерброд с колбасой и впилась в него зубами.

Через четверть часа, когда чай был выпит, а блюдо с бутербродами опустело, сытая, а потому добродушная Филькина спросила:

— А куда ты собрался? Или это секрет?

— Нет никакого секрета. Вчера ты навела меня на прекрасную мысль, и я хочу её поскорее проверить. Мне нужно посетить букинистические магазины. Их немного, но они раскиданы по всему городу. Возможно, удача ждет меня уже в ближайшем, а возможно, придется ехать на противоположный конец Питера.

Лиза подумала: сидеть одной в комнате или бродить по этажам не было никакого желания. А прогуляться с парнем — хотя бы не будет скучно.

— А можно с тобой?

Тот пожал плечами:

— Почему нет? Собирайся. Только действительно быстро. Ты сможешь уложиться в десять минут?

Никогда в жизни Лиза не собиралась настолько быстро. Причина проста: ей хватило ума и проницательности увидеть, что парень из Воронежа не кокетничал, не рисовался и не

ставил условий. У него была цель, и он не собирался поступаться своими интересами даже ради симпатичной девушки их Хабаровска. И если эта самая девушка не хочет скучать целый день в одиночестве, ей придется немного изменить свои привычки.

Первый магазинчик Олега разочаровал. Нет, в нем было много интересных книг. Даже, наверное, раритетов. Но всё это было ценным лишь для знатоков и любителей местной литературы. Первые прижизненные издания, репринты, сборники писем и прочие букинистические редкости. И ни одной книжки про магию.

То же самое повторилось и во втором, и в третьем магазине. И лишь в предпоследнем удача, наконец, улыбнулась песцову: на запыленной витрине был выставлен потрепанный томик с многообещающим названием «Занимательная магия» под редакцией некоего Недольмана. Владелец магазинчика запросил за книжку сумасшедшие деньги: четыре с половиной сотни рублей. Но после ожесточенной торговли уступил за двести. Это, конечно, тоже безумие, но гораздо более скромное, так что интерес к предмету оказался сильнее жадности. Касанием браслета Олег оплатил покупку и собрался уже уходить, но букинист, ссутулившийся старичок, с ног до головы покрытый пылью веков, его остановил.

— Молодой человек, — проговорил он старческим скрипучим голосом, — я вижу, что вас интересуют книги определенной направленности. Некоторые коллекционеры, у которых подобные экземпляры ещё сохранились, время от времени приносят мне по несколько томов. Как правило, им нужны деньги на пополнение своей коллекции, на её содержание, а иногда и банально на еду, ну а я рад им помочь, если это, конечно, в моих силах. Если вы оставите мне номер своего телефона, я мог бы информировать вас о поступлении книг магической тематики.

Олег застыл с идиотским выражением на лице: «а что, так было можно?», но быстро вернулся к реальности.

— Да-да, конечно. Буду вам очень признателен.

И продиктовал свой номер. По хитрому взгляду букиниста было нетрудно догадаться, что эта признательность со стороны Олега будет иметь конкретное материальное выражение. Но парень был заранее согласен на небольшой дополнительный расход: каждый труд должен быть оплачен. Если, конечно, иначе не получается.

На обратном пути молодым людям захотелось пройтись пешком. Олег с Лизой забрели в небольшое, но вполне приличное кафе и неплохо пообедали за сравнительно небольшие деньги. А потом просто гуляли по улицам в направлении гимназии. Какую-то часть пути проделали на небольшом катере по каналам и речкам Санкт-Петербурга, а перед самой гимназией забежали в супермаркет.

— Зачем ты это покупаешь? — удивленно спросила Лиза, глядя на большую красивую коробку.

— Как зачем? Еду готовить.

— А разве нельзя поесть в гимназической столовой или вот, как сегодня, в кафе?

— Ты еще скажи, в ресторане, — поморщился Олег. — Вот сегодня воскресенье. Вдобавок, каникулы. Столовая не работает, а в кафешках двойной ценник. Ты, возможно, деньги считать не привыкла, а у меня даже копейки лишней нет.

— Но ты же отвалил сегодня такую сумму за старую книжку! За двести рублей можно месяц в кафе ходить. Ну, две недели — так точно.

— А это — инвестиции в будущее.

Лиза помолчала, подумала.

— Но вчера же ты обошелся китайской лапшой? Можно и сегодня сделать так же.

— Лапша — это когда нет ничего другого. Быстрый и дешевый способ набить желудок. Но удовольствия она не доставляет. И пользы не приносит. А вот эти полуфабрикаты, — он указал на яркую упаковку, — их надо лишь разогреть — и готов ужин. Не только питательно, но и вкусно.

Девушка подумала еще пару секунд.

— А ты взял еды на двоих?

— Естественно.

— Тогда... тогда с меня дорогие вкусности к чаю.

— Замётано! И еще с тебя конструктор уменьшения веса. Ты вчера его так и не показала.

Вечером, найдя за день, Лиза сидела в комнате Олега и отдыхала душой и телом. Разогретый в микроволновке рис с курицей действительно оказался намного лучше китайской лапши. Сама же она добавила к столу большой пузатый заварник и собственноручно заварила в нем хороший, дорогой китайский чай. К чаю был припасен целый пакет засахаренных фруктов, тоже не из дешевых.

С цукатами на кровати было бы некомфортно. Сахар — штука такая, за ним не уследишь. Как ни старайся, а несколько крупинок всё равно просыплется мимо. Поэтому чай пили за столом.

Лиза, переодевшись в свободные бриджи и домашнюю футболку, откинулась на стуле, вытянув гудящие ноги: всё-таки пройти сегодня пришлось изрядно. Время от времени она утаскивала из пакета дольку апельсина или кусочек ананаса и отправляла в рот, запивая глотком действительно хорошего чая.

— Да, за чай тебе спасибо, — подтвердил Олег. — с пакетиками не сравнить. Но я человек ленивый, мне будет неохота заваривать его каждый раз, да со всеми ритуальными нюансами. А потом ещё и чайник мыть. Раз в неделю, под настроение — куда ни шло. А на повседневку сойдут и пакетики.

— Ну что ты говоришь! Как можно променять такое удовольствие на какие-то там пакетики! — возмутилась Лиза. И, кстати, мне совсем не лень будет заваривать чай, пусть даже дважды в день.

— Это замечательно. Но подумай: через неделю кончатся каникулы и начнется учёба. И будет ли у тебя время на все эти реверансы с заваркой? А силы? К тому же понаедут другие девчонки, ты заведешь себе подружек и будешь проводить время с ними. Нет, мы с тобой неплохо задружились. Но если ты примешься игнорировать всех остальных ради моего общества, это вызовет как минимум, недоумение и пересуды. И как скоро какая-нибудь сволочь накапает твоей мамочке, о том, что ты распутничаешь напропалую?

— Но я ведь...

— Естественно. Но есть такая порода людей, для которой нет больше счастья, чем сделать человеку гадость. А потом радоваться, глядя на его мучения. Их немного, но по закону подлости в нашей группе хоть одна с... сволочь найдется. Но я, собственно, не об этом. А о том, что пусть в будние дни будет будничная заварка, а в выходные — хороший, праздничный, правильно заваренный в красивом чайнике.

Ответить Лиза не успела. Дверь распахнулась, и в комнату развязной походкой вошел парень. Хорошо, даже богато, одетый, с нагловатой улыбкой на холёном лице.

— Привет, у вас, я чую, едой пахнет, — с порога заявил он и шагнул прямо к столу.

— Ты опоздал, все уже съедено. Так что свободен.

Ответ Олега был максимально холоден. Но парень, его слова начисто проигнорировал.

— О, вкусняшки лопаете! — обрадовался он, цапнул со стола пакет и завалился с ним на кровать. Выгреб горсть цукатов и запихнул их в рот.

— Убавь его вес, — шепнул Олег Лизе, — только незаметно.

— Готово, — ответила она несколько секунд спустя.

Тем временем парень прожевался и вновь запустил руку в пакет.

— Я Александр Орлов, — объявил он. — А вы кто?

Одним шагом Олег оказался возле кровати. Одной рукой забрал у нахала пакет с остатками сладостей, а другой ухватил за шиворот и вздернул вверх. Парень смешно забарахтался в воздухе, тщетно пытаясь достать стоящего за спиной обидчика.

Песцов донёс вторженца до дверей и, чуть размахнувшись, выбросил в коридор.

— Ой!

Лиза прижала к губам ладошку.

Радиус действия её конструкта был не слишком велик, и на коридор его не хватило. Так что в траекторию полета нахала вмешалась земная гравитация.

— Ну вы у меня попляшете, — прошипел Орлов, зажимая разбитый об пол нос.

— Что, папочке нажалуешься, курёнок? Если захочешь сатисфакции — по правилам гимназии, на полигоне, всегда к твоим услугам. Буду рад отправить тебя в лазарет на недельку-другую. И запомни: отныне вход в мою комнату для тебя под запретом, даже если это будет вопрос твоей жизни.

Олег в раздражении захлопнул дверь чуть более сильно, чем стоило.

— Вот же скотина! Поди, еще и благородным себя считает. Ворвался, нагрубил, нахамил, натоптал, всем настроение испортил...

Атмосфера вечера и впрямь была непоправимо разрушена.

— Я, пожалуй, пойду к себе, — сказала Лиза после неловкой паузы.

— Ну что ж, иди. Только будь осторожна. От этой скотины всего можно ожидать. И, на всякий случай, запишись на ночь. А если мне что-то будет нужно, я тебе позвоню. Да, ты ведь мне свой телефон не дала! Надо исправить это упущение. Тем более, имеется такой железобетонный повод.

У себя в комнате Лиза Филькина вздохнула. С Олегом она была согласна на все сто процентов. Если бы не этот Орлов, она бы с большим удовольствием еще часок посидела в комнате у Олега. С ним было интересно, с ним было весело. И, наверное, она не отказалась бы еще разок пропутешествовать у него на руках к себе в комнату.

От этих мыслей девушка густо покраснела. И вновь, как и утром, сладко потянуло внизу живота. И сердце в груди забилось сильнее, чаще. Интересно, утром Олег позовёт её завтракать?

Олег сидел за столом в отвратительном настроении. Он не любил таких людей, самодовольных и наглых, привыкших ко вседозволенности. Наверняка сынок какой-нибудь шишки. Ну да ничего, он тоже не абы кто, а дворянин, глава древнего рода Песцовых. И заставит этого засранца уважать себя.

Взгляд его упал на пакет с остатками сластей. Доедать их после того, как Орлов покопался в них своими немытыми лапами, было противно. Впрочем, всегда есть выход. Олег усмехнулся. Он оциплет перышки этому цыплёночку.

Утром население мужского этажа значительно пополнилось. Олег как раз умылся, оделся и раздумывал насчет завтрака, когда в коридоре послышался звук шагов, голоса, а

после и смех. Он выглянул наружу. У одной из дверей столпилось человек пять. Они тыкали пальцем в пакет, висящий на ручке двери и натуральным образом ржали. Один из них достал из кармана несколько монет и кинул их в пакет. И снова раздался смех.

Олег вернулся в комнату, закрыл за собой дверь, на всякий случай запер её и вновь принялся размышлять: завтракать или подождать. День сегодня рабочий, опять же, народу приехало немало. Очень может быть, что начнет работать столовая. А зачем тратить деньги, если можно поесть на халяву?

Смешки в коридоре как-то резко стихли.

— Где эта сволочь! — раздался вопль Орлова.

По коридору пробухали шаги и через пару секунд дверь вылетела вместе с петлями и косяком.

— Ты! Ты!

У Орлова разве что пена изо рта не шла.

— Да я! Да я не знаю, что с тобой сделаю!

— Не знаешь — не говори. Как определишься, возвращайся.

Спокойный вид и легкая издёвка в словах окончательно вывели Орлова из себя. Он рванулся в комнату.

Пи-и-и-у!

— А-а-а-а!

Орлов с воплями упал на пол. Из его ноги обильно текла кровь.

В коридоре столпились новенькие, ошарашено переводя взгляд с Песцова на Орлова и обратно.

— Чего стоите? Бегом за доктором, пока эта гордая пташка мне весь пол не испоганила.

Доктор появился буквально через минуту. Моментально продиагностировал пациента, остановил кровь и, припрягши двоих зрителей, удалился вместе с пострадавшим в лазарет.

В кабинете завуча Санкт-Петербургской гимназии для одаренных.

— Песцов, на каком основании ты применил против гимназиста Орлова боевой магический конструкт?

— У меня для этого было два резона. Первое — явно неадекватное психическое состояние гимназиста Орлова. Этот вывод я сделал на основании того факта, что он с помощью конструкта «воздушный молот» выбил запертую изнутри дверь моей комнаты. Этому имеется не менее пяти свидетелей. Второе: личная территория дворянина является неприкосновенной. Особенно, если конкретный человек был явно извещен о недопустимости его пребывания на данной территории. Поскольку Орлов нарушил данный запрет, то я, видя невозможность вербального воздействия, применил упомянутый вами магический конструкт для защиты себя и своей территории.

Завуч вздохнул.

— Предупреждая ваш следующий вопрос, сообщаю, что факты запрета посещения моей комнаты для гимназиста Орлова, так же, как и факт грубого нарушения им запрета нахождения на моей территории. Кроме того, зафиксирован слепок примененного гимназистом Орловым магического конструкта. Данные сохранены на защищенный имперский ресурс в интернете с фиксацией времени и места отправления.

Завуч прикрыл глаза, давая себе несколько секунд для успокоения нервов. Он подозревал, что с Орловым гладко не будет, но такого не ждал. Но хуже всего, что теперь замять идиотский конфликт, не выводя его за стены гимназии, будет очень сложно.

Наверняка Орлов уже нажаловался папочке, и он уже мчится сюда, чтобы защитить своё чадушко. Но как бы он в итоге не сделал ему хуже.

В офисе смотрящего по Санкт-Петербургу.

— Так вы, господин Резников, желаете только выполнить порученную вам работу и больше ничего. Я вас правильно понял?

— Совершенно верно. Я не претендую на бизнес ваших... гм... подопечных, но хотел бы предотвратить возможные конфликты.

— Похвальное желание. Вы можете рассказать, в чем заключается ваша работа?

— Пожалуй, да. Мне нужно, чтобы некий гимназист на протяжении ближайших четырех месяцев не засветился в поле зрения полиции в качестве потерпевшего.

Глубокий старик, сидевший за столом напротив воронежского авторитета, в задумчивости пожевал губами.

— Думаю, это можно сделать. У вас есть его фотография?

— Вот, пожалуйста.

— Хм... Сладенький мальчик.

Резников промолчал.

— Это всё? — спросил старик.

— Не совсем. Я собираюсь пустить своих людей приглядывать за пацаном. Они ребята резкие, и мне не хотелось бы проблем.

— Их фото.

На стол лег пакет с фотографиями.

— Считайте, что мы договорились. Я дам знать нужным людям. Жду от вас оговоренную сумму.

— Вы получите перевод сегодня до полудня.

В столовой Санкт-Петербургской гимназии для одаренных

Завтрак был недурен. Омлет, чашка приличного кофе со свежими булками, все вкусно и питательно. Столовая была едва заполнена. Два стола: за одним пацаны, за другим — девчонки, и среди них Лиза. Что ж, теперь досуг будет несколько свободнее.

С ребятами Олег познакомился быстро. Двое из Подмосковья, один из Орла, еще двое с Урала. Как-то так их сбанковали вместе и привезли вместе с девчонками одним автобусом.

— Олег, так это ты тому козлу пакетик на дверь привесил? — спрашивал, смеясь, здоровенный парень из Челябинска по фамилии Кабанов.

— Да выбесил он еще накануне. Приперся, нахамил, девочку спугнул, вкусняшки давай горстями жрать. Но не доел. Вот я ему и отнес, пусть доедает.

— Ага, и надпись добавил: «На бедность».

Кабанов снова рассмеялся

— Молодец, уважаю! — оценил еще один уралец, из небольшого городка Кушва.

Он протянул через стол руку.

— Иван Соболев.

— Олег Песцов, — назвался Олег Песцов, скрепляя знакомство рукопожатием.

— А я про этого Орлова слышал, — добавил симпатичный улыбчивый блондин. — По дороге на завтрак девчонки болтали. Вон та, рыженькая, утверждает, что у него всего лишь двенадцатый ранг. Это ж какие связи нужны, чтобы засунуть такого середнячка в элитную группу. Да, простите, я не представился: Виктор Полоз.

Он в свою очередь протянул руку.

— Павел Южный, Подольск.

— Михаил Западный, Звенигород.

Это в свою очередь назвались подмосковные хлопцы.

— Очень приятно, — не покривил душой Олег.

Церемония знакомства завершилась, можно было приниматься за вторую булку, но тут в столовую забежал посыльный:

— Песцов, к директору!

В кабинете директора Санкт-Петербургской гимназии для одаренных

Директор гимназии был недоволен. Он не собирался появляться в своем кабинете ещё как минимум неделю. У него были планы, он уже почти уехал в благословенное место, где не ловят телефоны. И тут на тебе — ЧП. И ладно бы с обычным учеником. В этом случае справился бы и завуч, оставленный специально, чтобы караулить этих тинейджеров. Но ведь нет, пострадал сын самого Орлова! А это, как ни крути, уже проблема директора.

Справедливости ради стоит заметить, что Орлов-младший успел уже не раз отличиться. И не будь его папаша мэром города, давно бы мотал срок где-нибудь в лесах западной Сибири. Но его сиятельство граф Алексей Орлов в чаде своём души не чаял, и считал, что с возрастом дурь из башки вылетит, и возьмется Александр Алексеевич за ум. Правда, годы шли, а количество дури в графёныше только возрастало. Ума же не прибавлялось, как не старались лучшие нанятые учителя. И граф не придумал ничего лучше, чем запихать отпрыска в элитную группу элитной гимназии. Его нисколько не волновало, что по магическому рангу его дорогого Сашеньку можно отнести к элите лишь с большим трудом. Если же оценивать объем знаний и прилежание к учебе, графский отпрыск и вовсе болтается где-то на уровне второгодника — ПТУшника.

Разумеется, директор отбивался от «подарочка» руками и ногами, но что можно противопоставить градоначальнику второго по величине города Империи, графу, главе богатого и могущественного рода? Сожрал бы и не поморщился. Отправил бы пожизненно заведовать третьеразрядной гимназией в какой-нибудь Урюпинск. Правда теперь перспектива провести остаток жизни в Урюпинске вновь отчетливо замаячила на горизонте.

Дверь кабинета распахнулась, впуская человека средних лет в строгом костюме. Ну да, графу не по чину самому ехать в какую-то гимназию, да и дел полно. Вот и прислал порученца.

— Добрый день, Вячеслав Львович, — сухо поздоровался вошедший. — его сиятельство граф Орлов поручил мне разобраться с инцидентом, произошедшим сегодня утром в стенах вашей гимназии.

— Добрый день, Николай Александрович. Насколько вы осведомлены о произошедшем?

— Давайте считать, что я ничего не знаю.

— Тогда, если коротко, Александр Алексеевич Орлов нарушил экстерриториальность жилища дворянина Песцова, после чего был атакован магическим конструктом базового уровня воздушной стихии. Результатом атаки стало ранение мягких тканей бедра. Штатный врач гимназии остановил кровь и поместил пострадавшего в лазарет до полного исцеления.

— Понятно. Имеются ли свидетели этого происшествия?

— Да. Пятеро гимназистов, приехавшие сегодня утром. Они присутствовали с самого начала.

— Понятно. Есть ли документальные подтверждения обстоятельств инцидента?

— Мне об этом не известно.

Порученец графа с минуту посидел, подумал и, видимо определился с дальнейшими действиями.

— Я хотел бы побеседовать с этим Песцовым. Где я могу это сделать?

— Да прямо здесь. Сейчас я его вызову.

И директор нажал кнопку селектора.

Олег, войдя в кабинет, увидел двоих человек. Один, за директорским столом, вероятно, и есть директор. А другой, официального вида, с неприятным взглядом, наверное, представитель Орлова.

— Здравствуйте. Вызывали? — обратился он к директору.

— Здравствуй, — ответил директор. — У Николая Александровича Хвостова имеются к тебе вопросы относительно твоего конфликта с Александром Орловым.

— Сразу хочу уточнить, что это у Александра Орлова конфликт со мной. Я же ни с кем не конфликтовал.

— Вот как? — тут же вскинулся представитель графа.

Голос у него был такой же неприятный, как и взгляд.

— Только так и никак иначе. Я действовал лишь в ответ на явную агрессию со стороны упомянутого Александра Орлова, чему имеется достаточное количество свидетелей.

— Свидетели могут внезапно менять показания, — всё тем же неприятным голосом сообщил представитель графа.

Олег хмыкнул:

— Ну вот, началось. Собственно, от Орловых нельзя было ждать чего-то иного.

— Что вы имеете в виду?

В голосе представителя появились угрожающие нотки.

— Ничего такого, что не было бы известно всему Санкт-Петербургу.

— Конкретизируйте, пожалуйста.

— Запросто. Я ещё вчера вечером поглядел в интернете неофициальную информацию об Орлове-младшем. Слухи разные, порой совершенно бредовые, но сходятся они в одном: это неадекватный человек, подверженный внезапным переменам настроения, склонный к агрессии. Неоднократно были зафиксированы разного рода выходки Орлова, которые можно квалифицировать как различной степени хулиганство. Были пострадавшие, был ущерб имуществу граждан, но последствий для золотого мальчика не было никаких. Из этого я делаю выводы, что граф Орлов сквозь пальцы смотрит на развлечения его сына. Пострадавших же и свидетелей затыкает деньгами или, что гораздо чаще, угрозами. Вот и вы сейчас пытаетесь мне угрожать. Видимо, вам нетрудно соврать заставить пятерых парней из провинции. Мне продолжить логическую цепочку?

Представитель досадливо поморщился — внутренне, конечно. Еще один сложный случай. Пацан оказался умным и, скорее всего, знающим законы.

— Не стоит. Раз вы это понимаете, то понимаете и собственную уязвимость.

— Разумеется. Физически можно уничтожить любого человека, даже самого сильного мага. От кинжала в спину и яда в пельменях никто не застрахован. В конце концов, существуют снайперы с крупнокалиберными винтовками. Разрывная пуля в голову — и самый несговорчивый человек будет вынужден как следует раскинуть мозгами. Я прав?

Представитель вновь поморщился, теперь уже явно.

— Вы преувеличиваете.

— Скорее, преуменьшаю. Я прекрасно понимаю возможности графа Орлова по уничтожению неудобных. Но в этом случае последний выкрутас юного графа тут же будет известен всей стране. И дознаватели Императорского Государственного Архива наверняка свяжут внезапную смерть дворянина Песцова и предшествующую ссору дворянина с графёньшем. Или у графа Орлова и в Архиве есть волосатая лапа?

— Вы предусмотрительны, — вынужден был признать представитель после некоторой паузы. — Но записи из телефона легко можно удалить. Порою вместе с телефоном.

— Интересно посмотреть, как вы будете удалять записи из защищенного имперского облака. Между прочим, они помещены туда с полным соблюдением всех процессуальных норм и могут являться доказательством в суде любого уровня. Скинуть вам ссылочку?

Представитель скрипнул зубами.

— Хорошо. Я даю вам десять тысяч рублей за то, что вы удаляете с эти данные имперского ресурса.

Олег рассмеялся.

— Вы, я вижу, держите меня за идиота. Если я совершу эту глупость, меня похоронят максимум на другой день. Все, что я могу вам предложить — это письменное обещание не пускать в ход указанные сведения в обмен на, скажем, пятьдесят тысяч рублей. Ну и, конечно, граф будет обязан возместить ущерб, причиненный его сыном моей комнате.

— Ваши требования непомерны. Это — наглость. Пятьдесят тысяч!

— То есть, касательно ремонта комнаты возражений нет. Уже хорошо.

Представитель графа Орлова был очень, очень удивлен. Конечно, он встречал зубастых клиентов. Но это были солидные, серьезные люди, главы крупных родов, не одну собаку съевшие на подобных торгах. Но сейчас перед ним сидел сопляк, мальчишка, и торговался так, как не каждый взрослый может. Что же будет, когда он заматереет и войдет в силу! А пацан продолжал развивать мысль:

— Как вы думаете, что мог сделать разъяренный Александр Орлов со мной, если бы ему удалось до меня добраться?

— Возможно, нанес бы несколько ударов. Оставил пару синяков.

— Жаль, что вы не смотрели мою запись. Впрочем, это недолго поправить. Она короткая, всего несколько секунд.

Олег включил телефон и продемонстрировал представителю картинку.

— Вот здесь, на этом кадре явственно видно, что Александр Орлов делает очень характерный жест правой рукой. Это означает, что он собирается применить магический конструкт. Если не ошибаюсь, ледяное копьё. Так что я имел все основания опасаться за свою жизнь. И согласитесь, оценил я её сравнительно недорого.

Слушая этот разговор, директор гимназии осознал: если этот Песцов так уверенно противостоит самому Орлову, то с ним нужно быть очень-очень осторожным. Примерно, как с тухлым яйцом.

Рабочий кабинет мэра Санкт-Петербурга

— Ну что, Николай, как всё прошло?

— На этот раз донельзя тяжело.

— И в чем возникли трудности?

— В этом Песцове. Сопляк, мальчишка, но своё выгрызает как матерый хищник. Он не оставил мне ни одной лазейки, но при этом все его требования были в очень разумных пределах.

— То есть, в итоге, ты ему заплатил?

— У меня не оставалось иного выхода. Вот, посмотрите сами.

Представитель графа Орлова вынул из папки лист бумаги, положил его перед шефом и отступил на шаг.

Орлов начал читать документ, и по мере чтения брови его поднимались всё выше и выше.

— Однако! — удивленно покрутил он головой, дойдя до конца. — Хватка у него действительно бульдожья. Но ты же понимаешь, что я не могу оставить эту наглость без ответа? Он должен понести наказание. Никому не дозволено поднимать хвост на Орловых.

— Разрешите высказать свое мнение? — почтительно спросил представитель.

— Говори.

— Если вы обратили внимание, то условием отказа от публикации данных в Сети является отказ нашей стороны от дальнейшей конфронтации с Песцовым. То есть, если парень получит хоть малейшую зацепку, он пустит эти материалы в ход, и добавит к ним новые. Если же он инициирует обращение в суд против вашего сына, то с такими доказательствами имеет все шансы отправить его на лесоповал. На мой взгляд, риск не оправдан.

— Я услышал твое мнение. Но никто не собирается ничего делать сразу. Пусть история забудется, всё утрясется, а уже потом... Ну, ты понимаешь, не в первый раз.

— Понимаю, ваше сиятельство.

— Да, там ведь имеется наше обязательство сделать ремонт?

— Бригаде ремонтников уже даны все необходимые указания, а также переданы специальные средства.

— Я доволен твоей работой. Можешь быть свободен.

Доверенный представитель графа Орлова Николай Александрович Хвостов почтительно поклонился и вышел.

Где-то в Санкт-Петербургской гимназии для одаренных

Олег обосновался в комнате отдыха, обнаружившейся на четвертом этаже спального корпуса. В его комнате бригада рабочих делала капитальный ремонт: вскрывали паркет, в щели которого затекла кровь графёныша, меняли дверь вместе с рамой и обналичкой. Работы, как объявил бригадир, было примерно на полдня, так что ночевать парень рассчитывал в своей комнате.

Уцелевшая часть комнаты была тщательно закрыта полиэтиленовой пленкой, так что рабочим приходилось вчетвером тесниться на крошечном пятачке у самых дверей. Но они не жаловались: им платят, они работают.

Милка, разумеется, осталась присмотреть за подозрительными людьми. И это было просто замечательно. Как хорошо, когда у тебя есть свой домовый! Вернее, своя домовая. Можно спокойно сидеть в удобном мягком кресле и читать «Занимательную магию», не заморачиваясь пошлой бытовухой.

А книга была действительно замечательная. Недольман не только приводил пару десятков любопытнейших и полезных конструкторов для повседневного пользования, но и разбирал основы их построения: почему для конкретного действия выбран икосаэдр, а не додекаэдр, почему последовательность формирования конструктора именно такова, что будет, если следующим шажком добавлять к пространственной фигуре не эту точку, а другую. И, в заключение, давал краткую информацию по самостоятельному созданию конструкторов.

Олег вдруг ощутил, что именно это — создание конструкторов — интересно ему более, чем всё остальное. Механика магических воздействий увлекала не меньше, чем рисование. Единственное, что останавливало гимназиста от немедленной проверки новых знаний, это отсутствие подходящего места. Новые конструкторы лучше бы проверять в отдельном защищенном помещении. Но была одна вещь, которая время от времени царапала.

Олег вспомнил драку с Косулиным. Никаких конструкторов он тогда не знал, но, тем не менее, каким-то непостижимым образом смог использовать магию. Повторить это действие он пытался, и даже не раз, но безуспешно. Задавать же вопросы о стихийном магическом выплеске, когда все колдуют с помощью конструкторов, было как минимум опрометчиво.

На телефоне пропиликал будильник. Значит, пора сходить проверить ход работ.

В комнате дым стоял коромыслом. Рабочие работали, работа кипела, и дело уверенно шло к финишу.

— Долго еще? — спросил Олег бригадира.

— Примерно, час. Может, даже меньше.

— Отлично.

И Милке, мысленно:

— Ну что, я был прав?

— Конечно. Пока что пять закладок.

— Замечательно. Ну, я пошел.

— Иди, я еще покараулю.

Ровно через час Олег подошел к своей комнате. Его уже ждали. Бригадир улыбался, рабочие тоже выглядели довольными.

— А зачем это? — поинтересовался бригадир, невежливо тыча указательным пальцем Олегу за спину.

— А это представители законной власти. Они нужны для того, чтобы составить акт приемки сделанного вами ремонта.

С лица бригадира сползла улыбка. Он, кажется, даже побледнел. Зато Олег улыбался очень даже широко.

В личных апартаментах доверенного представителя графа Орлова

Если бы кто-то решился сказать Николаю Александровичу Хвостову, что человек он в общении неприятный, Хвостов бы ему не поверил. Есть работа, на ней он гоняет различных прохвостов, возжелавших потявкать на графа Орлова, а то и укусить. Каждая отдельная собачонка ничего сделать не может. Но если собьются в стаю, могут причинить некоторые неудобства. Вот Хвостов и гоняет этих шавок, чтобы не мешали жить и работать серьезному уважаемому человеку.

А вот сейчас, дома, он совсем иной. Домашний. Жена, милое существо, утверждает, что он мягкий. Что ж, пусть так думает. И дети... Страшно даже подумать, что эти забавные карапузы вырастут и станут похожими на, к примеру, того же Песцова. Вот уж кто неприятен в общении! И взгляд у него колючий и наглый, словно он уже всё наперед просчитал, взвесил и вычислил, сколько денег у кого сможет отжать. Зам начальника Воронежского ИГА весьма эмоционально поделился своими впечатлениями. И директор воронежской гимназии № 57, который после одного единственного судебного заседания едва не остался без штанов. Теперь этот Песцов здесь, в Питере свою охоту начал, и не сказать, чтобы безуспешно. Ну да ничего, и не таких обламывали.

По телевизору показывали новости. Это — тоже часть работы. Личный порученец графа

должен быть в курсе всего, что происходит в городе. Николай Александрович взял со столика бокал с коньяком. Покачал, погрел в руках, вдохнул тонкий аромат... Он может позволить себе лучшие напитки.

В это время в телевизоре сменилась картинка. Полицейская хроника. Где-то кого-то арестовывают. И это правильно: нарушил закон — отвечай. Только так и можно добиться порядка. Каждый преступник должен знать, что рано или поздно суровая рука закона доберется и до него.

Хвостов поднес бокал к губам, сделал было глоток, и тут на экране крупным планом появилось лицо этого самого Песцова.

— Скажите, — спрашивала его молоденькая энергичная репортерша, — у вас есть предположения, кто мог организовать все это — прослушку, видеонаблюдение, баллон с ядовитым газом?

— Никаких, — развел руками пацан. Но могу сказать, что бригаду рабочих, которая в процессе ремонта установила все эти устройства в моей комнате, должен был прислать ко мне Николай Александрович Хвостов, личный порученец графа Орлова, во исполнение нашего с ним соглашения.

— О каком соглашении идет речь? — тут же ухватилась репортёрша за возможную сенсацию.

— Пока я не могу об этом говорить. Но если Николай Александрович не свяжется со мной до полудня завтрашнего дня, вы непременно всё узнаете. И, может даже, из первых рук.

Хвостов поперхнулся коньяком.

Рабочий кабинет мэра Санкт-Петербурга

— Сколько? Двести тысяч? И ты ему заплатил?

После просмотра вечерних новостей Орлов был зол. Когда он пребывал в подобном настроении, никто, даже домашние, не решались к нему подходить. И хоть за ночь и половину дня гнев мэра несколько поутих, разговаривать с ним было довольно опасно. Хвостов бы с радостью потянул денек-другой, пока шеф окончательно не успокоится, но другого выхода у него не было: работа такая, говорить шефу неприятные вещи. Он стоял прямо, сохранял на лице невозмутимое выражение и отчаянно боролся с желанием бросить всё и в панике сбежать куда-нибудь подальше.

— Я был вынужден. Дело в том, что видео снимали сразу несколько человек, и тут же выкладывали в интернет на популярные стриминговые ресурсы. Когда информация дошла до меня, удержать ситуацию в тайне уже не было никакой возможности. Вопрос стоял о возбуждении уголовного дела сразу по четырем статьям, две из которых проходят по разряду особо тяжких. И мне пришлось постараться, чтобы убедить Песцова, во-первых, не подавать заявление в полицию, а во-вторых, не пускать в ход материалы, компрометирующие вашего сына. К сожалению, строительную фирму пришлось отдать на растерзание полиции.

— Что? И фирму?

Против воли, колени Хвостова дрогнули. Чтобы продолжить доклад ему пришлось собрать в кулак всю свою волю.

— Когда нашли баллон с газом, делом занялась имперская безопасность, отдел по борьбе с терроризмом. У нас нет влияния в этой службе, даже простого информатора удалось внедрить с большим трудом и только с пятой попытки.

— И как ты собираешься отмазываться от безопасников?

— Работники фирмы будут молчать. Об этом я уже позаботился.

— Ты в этом уверен?

— Абсолютно. Они просто НЕ СМОГУТ ничего сказать.

Да, иногда бывают потери. Иногда приходится зачищать хвосты. Но репутация шефа должна быть кристально чистой.

— Ладно, — буркнул Орлов. — Выжди пару недель, чтобы вся эта шумиха улеглась, и дай команду местным бандитам. А то еще кто-нибудь решит, что с меня можно безнаказанно трясти деньги.

Где-то в Санкт-Петербургской гимназии для одаренных

В общем и целом Олег был доволен своей жизнью. Деньги есть, и довольно неплохие. Причем достались они без труда. Можно сказать, их ему принесли с доставкой на дом. И это не две с половиной сотни Орлова. За них пришлось серьёзно повоевать, так что можно с полным правом считать их военной добычей. А вот деньги господина Пряничкина, директора воронежской гимназии № 57, упали ему в руки без особого труда. Всё сделало государство. Он лишь надлежащим образом собрал доказательства и подал заявление в суд. И — вуаля! Девятнадцать с половиной тысяч как с куста, буквально на ровном месте. Вот что бывает с людьми, которые не принимают его всерьез. И всего-то нужно было сказать вслух правду, признать свою неправоту. Как там в кино было? У кого правда, тот и сильнее? И ведь работает! Не всегда, к сожалению, но работает.

Приехали уже почти все будущие одноклассники. Еще, может, пара-тройка человек задерживалась. И действительно: со всей страны набрали тинейджеров. Подавляющее большинство в одиннадцатом ранге. Несколько человек в двенадцатом, вместе с печально известным Орловым. Тот, кстати, из гимназии исчез и больше не появлялся. Если папаша решил держать его дома и привозить только на занятия, это будет просто замечательно. А если его втихую отчислили, впору идти и праздновать столь знаменательное событие.

Среди девчонок были две, догнавшие по рангу Олега. Блондинки, одна натуральная, другая крашеная. Одна из Карелии, другая из Екатеринодара. Надо признать, обе очень даже красивые, и на лицо, и на фигуру. Ходили вечно парочкой, задравши носы. Другие девчонки их сразу же невзлюбили. И за ранги, и за спесь, и за внешность. Зато Лиза мгновенно наладила контакты со всеми, кроме этих двоих, и подружек теперь у нее полтора десятка без двух — ясно, которых.

Магия магией, но в ГУМе подбирали элитных учеников так, чтобы мальчиков и девочек было строго поровну. Ровно тридцать человек, пятнадцать от прекрасной половины человечества и пятнадцать от ужасной. Зачем? Пока непонятно. Уж не евгеникой ли решили заняться имперские магические министры? Подозрительно.

Откровенно некрасивых гимназисток среди отобранных просто не было. Но из всех них Олег отметил для себя лишь уже более-менее знакомую Лизу и еще одну девочку из Череповца. Она и впрямь была хороша. Этакая симпатичная позитивочка с белозубой улыбкой, не склонная к полноте (по крайней мере, сейчас), с ямочками на щеках, задорными черными глазками да старомодными косичками немалой толщины. В общем, полцентнера ходячего обаяния. Но парни, большая их часть, почему-то принялись западать на заносчивых блондинок. Ну и кто им в этом разе злобный Буратин?

Потихоньку-помаленьку Олег вживался в новый мир. Переезжать в другую комнату он отказался, лишь одну ночь перекантававшись в свободной комнате. А уже на другой день сам нашел подходящую фирму и сам договорился с отделочниками. Те, памятуя о судьбе их предшественников, сделали ремонт быстро, недорого, с идеальным качеством и без дополнительных устройств. За это рабочие получили небольшую, но приятную премию помимо кассы, а фирма — пространный хвалебный отзыв на своем сайте. И все остались довольны: фирма, рабочие и Олег.

Вечерами элитники, не желая ограничиваться гимназической столовой, выходили прогуляться по Питеру, посидеть в многочисленных кафешках и кофейнях, поглазеть на замерзающие каналы, разводящиеся мосты, да и просто полюбоваться городом, воплотившим в себе историю государства Российского за последние три сотни лет.

Олег внезапно вспомнил свою студенческую молодость и на самом деле ощутил себя молодым: с удовольствием гулял с веселой компанией, отпускал солёные шуточки вслед проходящим мимо девчонкам, много смеялся и вообще оживал душой. Как много, оказывается, ощущений дарит молодость! И плевать на холодный ветер с Невы, на слякоть под ногами и нудную морось с неба. Он и его приятели веселы, молоды, чуточку пьяны и вся жизнь у него впереди.

Как там говорили замшелые деды? Если бы молодость знала! Если бы старость могла! Но вот здесь и сейчас Олег и молод, и умудрен опытом. Где бы он был сейчас без этого опыта? Наверняка, валялся бы где-нибудь в лесу под Воронежем. Или исследовал дно Невы с тазиком цемента на ногах. Зато теперь он не полунищий студент с содержанием полторы сотни в месяц, и может позволить себе сполна насладиться всем тем, что дает сочетание

молодого здорового тела и достаточных финансовых возможностей.

Одно только оставалось неизменным: в заведениях Олег всегда платил за себя сам, и никогда не угощал других. Это кого-то задевало, кем-то воспринималось нормально. А в итоге, как-то незаметно, он стал постоянным казначеем веселой компашки. Когда он шел рассчитываться за съеденное и выпитое, счет неизменно оказывался намного скромнее, а обслуга внезапно становилась безупречно вежливой. В ближайших к гимназии кафешках его уже запомнили. И если только видели Олега среди гимназистов, то мухлевать даже не пытались. Потом плевали в спину, за глаза безбожно материли, но стоило ему обернуться, как тут же принимались радушно улыбаться и приглашали заходить ещё.

Порою перед сном забегала Лиза. Выпить чаю, к которому всегда находилось что-нибудь вкусненькое, поболтать, а то и просто так посидеть на кровати, откинувшись на стену и подобрав под себя ноги. Ей нравились царящие в комнате уют, покой и какое-то особенное душевное тепло. Стоило лишь расслабиться и прикрыть глаза, и возникало полнейшее ощущение дома, надежного и безопасного. Да и сам Олег несмотря на то, что не отвечивал комплиментов, не дарил цветов и конфет, не пытался ухаживать и не старался угодить, как её бывшие воздыхатели, казался надежнее и перспективнее всех прочих. Его десятый ранг тоже был учтен, как и то, что парень особо о нем не распространялся. И девушку вполне устраивало, когда её подружки смотрели в сторону более ярких парней, игнорируя скромного воронежца.

Неделя пролетела незаметно. Книжка Недольмана, тренировки, медитации, прогулки, посиделки с Лизой — всё это занимало Олега чуть более, чем полностью. Со стороны Орловых, что старшего, что младшего, никаких новых пакостей не прилетало, и парень успокоился: жизнь вошла в колею.

Вечером воскресенья, накануне первого дня учёбы, Песцов сидел у себя в комнате. Соседи по этажу большей частью умотали гулять, остальные отправились в гости на женский этаж. Олег пил приготовленный Милкой ягодный морс и потихоньку подгрызал орешки в йогурте. Ему было хорошо. Он блаженствовал.

Появление домовой он обнаружил не сразу, а только тогда, когда она решила, наконец, обратить на себя внимание.

— Кгхм...

Она попыталась симитировать кашель. Вышло не очень, но цель была достигнута.

— Олег, — домовая была предельно серьезна. — тут к тебе разговор есть.

— Ну, говори.

Парень повернулся к Милке, по своему обыкновению зависшей в воздухе посреди комнаты.

— Не у меня.

— А у кого же?

— Да есть вот здесь один...

— Что, еще домовой?

— Ну-у-у... вроде как домовой, но не совсем.

— Как это может быть?

Олег заинтересовался.

— Да ты поговори с ним, он тебе сам всё расскажет и объяснит.

— Хорошо, давай.

— Добрый вечер.

К голосу Милки в голове Песцов уже несколько привык. Если закрыть глаза и не глядеть на кошку в овечьей шкуре, то вполне можно было себе представить молоденькую смешливую девчонку. Новый же голос был совсем иного тембра. Этаким густой бас, сразу вызывающий ассоциации с крупным полным человеком, неспешно выговаривающим слова. Но в комнате при этом никого не появилось. Олег огляделся.

— Прощу прощения, но у меня нет телесной формы, — пояснил бас.

— Э-э-э... хорошо. Как я могу тебя называть?

— Хранитель.

— Хранитель... Принято. Дай догадаюсь: ты тоже из разряда нежити. Ты долгое время находился в спячке из-за недостатка питания, и структурированная мана, которую я выпускаю в пространство при тренировках, позволила тебе пробудиться.

— Именно так.

— Раз ты хранитель, значит, должен что-то охранять. А что именно?

— Этот дом. Собственно говоря, дом и я почти что одно целое. Я существую в пределах гимназии. Вернее, не всей, а вот этого спального корпуса. Он был построено почти три сотни лет назад, и строитель, создавший его, призвал меня для того, чтобы я берег и охранял его творение.

— Интересно.

Олег на минуту задумался.

— А каковы твои функции? Что именно ты делаешь?

— Я поддерживаю целостность несущих конструкций, оберегаю их от внешних и внутренних воздействий. Кроме того, могу ограничивать посторонним людям доступ в определенные помещения.

— Очень, очень интересно. То есть... Тебе Милка рассказывала, что здесь происходило неделю назад?

— Да, я осведомлен об этих событиях.

— Если бы ты проснулся неделю назад, что бы ты сделал?

— Я бы не позволил тому юноше испортить дверь, неважно, с помощью физической силы или с помощью магии. А если бы дверь была открыта, бы не смог войти.

— То есть, перед ним появилась бы некая незримая преграда?

— Нет. он был бы зафиксирован на входе в комнату в состоянии стазиса и оставался в этом состоянии до решения хозяина дома.

Олег воодушевился:

— Да ты силен, бродяга!

— Ты преувеличиваешь, — поскромничал Хранитель.

— Ну, тебе видней. Лучше скажи, кто сейчас является хозяином дома?

— У дома нет хозяина. Я слишком долго спал. За это время прежний хозяин умер, а ритуал смены хозяина не был произведен.

Песцов так разволновался, что даже потер ладони, предвкушая удачную сделку.

— Если я правильно понимаю, — начал он осторожно, — ты хочешь так же, как и Милка, заключить со мной договор.

— Ты очень проницателен, человек.

— А ты старый льстец, хранитель. Если мы с тобой заключим договор, стану ли я хозяином дома?

— Нет. Сейчас ты можешь стать лишь хозяином этой комнаты. Но если когда-нибудь у

тебя появится свой дом...

— Ты сможешь переехать туда и хранить уже его!

— Именно так.

— Йес!

Олег был в полном восторге.

— Но ты ведь знаешь, что я останусь здесь лишь до конца весны, — напомнил он.

— Да, мне известно это.

— И ты снова заснешь.

— Да, как это ни прискорбно. Но ты будешь знать, что здесь есть хранитель, который однажды заключил с тобой договор и честно выполнял его, пока был в силах.

— Хорошо, я согласен. Договор?

— Договор.

— Хранитель, в моё отсутствие в эту комнату не пускай никого. В моё присутствие — только с моего разрешения. А того юношу, который выломал дверь, не пускай никогда, если я не отдам тебе иное распоряжение.

— Я принял новые инструкции.

— Замечательно.

Олег откинулся на спинку стула, вытянув ноги и закинув руки за голову. И тут ему в голову пришла интересная мысль:

— Скажи, Хранитель, ты ведь знаешь весь этот дом до последнего кирпичика?

— Конечно.

— И подвалы?

— И подвалы.

— И чердаки?

— И чердаки.

— А есть в нем потайные ходы?

— Нет. Создатель не посчитал их наличие необходимым.

— Понятно.

Олег еще немного подумал.

— Хранитель, этот дом уже довольно старый, все-таки времени с момента его постройки прошло немало. А клады в нем есть? Такие, о которых никто из ныне живущих людей уже не знает?

— Разумеется.

— А ты можешь рассказать мне о них?

— Это выходит за рамки нашего договора. Если ты хочешь забрать клады этого дома, давай заключим еще один договор.

— И что ты хочешь взамен?

— Имя! — с явственно слышимой надеждой в голосе выдохнул хранитель.

— Я так и предполагал.

Олег почесал затылок.

— Ты можешь назвать общую сумму кладов с пересчетом на нынешние деньги? Хотя бы приблизительно, с точностью до тысячи рублей?

Теперь на время замолчал Хранитель.

— Пять миллионов, — сказал он наконец.

— Ох, ё! — вытаращил глаза Песцов.

Собственно говоря, обладай он этими деньгами, то мог бы до конца жизни ничего не делать, а только есть, пить, водить к себе девок, ну и рисовать, конечно. Проблема была только в том, что клады — это, как правило, вещи: картины, антиквариат, оружие, драгоценности, монеты из драгметаллов и так далее. Если забирать их отсюда, нужно куда-то сложить. Вот был бы у него свой дом, пусть даже маленький домишко... Что ж, это задание на перспективу. Интересно, сколько стоит недвижимость в Санкт-Петербурге?

В радужных грезах Олег завис на несколько минут. Наконец, спохватился:

— Хранитель, ты слышишь меня?

— Я слышу всех, кто находится в моём доме.

— Ух ты! И можешь воспроизвести этот разговор?

— Только хозяину или тем существам, на которых он укажет.

— Неплохо, неплохо. Но я не об этом хотел тебя спросить. Когда я давал имя Милке, у меня ушла на это половина резерва, и я полагаю, что в твоём случае маны потребуется на порядок больше. У меня есть серьезные опасения, что при проведении ритуала я просто-напросто помру от магического истощения.

— Такой исход вероятен. Из этой ситуации я вижу два выхода: либо тебе становится сильнее, чтобы твоё магическое ядро могло вместить требуемое количество энергии, либо иметь при себе накопитель.

— Накопитель?

— Магический артефакт, позволяющий накапливать структурированную магическую энергию. Обычно представляет собой кристалл сложной огранки. Для ношения при себе часто помещается в оправу из драгоценных металлов в виде перстня, броши или подвески.

У Олега мелькнула мысль.

— Скажи, хранитель, среди вещей, хранящихся в кладях твоего дома, имеется накопитель объема, достаточного для проведения ритуала.

— Да.

— Тогда... ты можешь предоставить мне его в качестве аванса? Как только я сумею заполнить накопитель, в тот же день мы проведем ритуал.

Что обычно происходит в первый день учёбы? Особенного — ничего. Занудная речь директора, знакомство с расписанием, выдача планшетов с учебниками по программе, экскурсия по учебному корпусу, знакомство с учителями. Скукотища. Зато класс впервые собрался в полном составе. Когда появились остальные, Олег не отследил, да и не старался. То ли приехали ночью, когда все спали, то ли прикатили утром к началу занятий — ему было неважно. Главное, к торжественному моменту все недостающие были в наличии. Трое парней и две девчонки. Увы, Орлов тоже присутствовал, но к Песцову близко не подходил, лишь кидал порою злобные взгляды.

Разглядывать новичков было гораздо интереснее, чем слушать директора или скучную вводную лекцию. Пацаны были обычные. Если не касаться внешности, они мало чем отличались от всех остальных. А вот девчонки выделялись среди прочих, причем каждая по-своему. Одна была из числа скромных красавиц. Тех, чья красота не бросается в глаза. Чтобы проявить её, сделать видимой для всех, нужна витрина: специально подобранные платья, прически, макияж — то, что проявит черты лица и линии тела. Наряди такую девушку в обыденную одежду, сделай простую прическу, отбери тушь и румяна, и на первый взгляд она не будет выделяться из толпы подобных. Но чем дольше смотришь, чем больше деталей улавливает взгляд, тем сильнее проникаешься увиденным. Вторая же уместнее смотрелась бы на ринге боёв без правил. Резкая, с короткой стрижкой и внимательным холодным взглядом. Она не была выше или плечистее других, но на фоне прочих гимназисток выглядела как ротвейлер на фоне стайки шпицев.

Выводы Олег предпочёл не делать. Пройдет чуть больше полугода, и он, скорее всего, никогда больше не встретится с этими людьми. А пока задача — просто поддерживать ровные приятельские отношения со всеми, кто этого хочет, по возможности не конфликтовать с теми, кто его сторонится и не давать спуску тем, кто решит наехать.

Вместо второго и третьего уроков «элитников» провели по всей гимназии. Показали специализированные учебные классы, комнаты для медитации, полигоны для отработки конструкторов, спортзал, бассейн, библиотеку и закончили в столовой.

Сегодня здесь было шумно и многолюдно. Но пять столиков для отборных магов империи оставались пустыми. Олег пропустил вперед девочек, потом замешкался на раздаче, выбирая себе обед, и так вышло, что выбирать место ему не пришлось. Не занятым оставалось только одно, за «женским» столиком, как раз напротив новенькой парочки.

Со стеснительностью Песцов распрощался еще в прошлой жизни. Поэтому, натянув на лицо нейтральное выражение, иначе именуемое «морда кирпичом», подошел со своим подносом к столу и уселся на свободное место, не забыв соблюсти вежливость:

— Приятного аппетита, барышни.

— Спасибо.

Ответила только одна, новенькая. Та, что красивая. Две блондинки не повели даже бровью, продолжая обсуждать что-то своё. Не то показы мод, не то премьеры сериалов. Еще одна гимназистка соизволила фыркнуть: мол, следовало спросить разрешения. А стриженная так и вовсе глянула на непрошеного гостя, как на врага народа. Но Песцов, когда надо, умел в один момент отращивать себе шкуру такой толщины, что любой носорог бы позавидовал. И все эти взгляды и фырканыя прошли мимо цели. А Олег, улыбнувшись красивой девушке,

принялся неторопливо и с удовольствием поглощать свою порцию, не глядя на соседок.

На этом, собственно, первый день и закончился. Ничего особенного, ничего интересного, если не считать, конечно, ту новенькую девочку.

Пару часов Олег провёл в библиотеке. Ничего конкретного не искал, просто хотел составить представление об объеме и направлении книжного фонда. Гимназическая библиотека может стать очень полезной. К примеру, можно будет быстро понять, стоит ли некую книгу покупать втридорога у букинистов или достаточно законспектировать пару страниц из библиотечного экземпляра.

Закончив с ознакомительными процедурами, Олег вернулся к себе. Заварил чай, достал из шкафчика пакет с любимившимися орешками и, удобно устроившись на стуле, приготовился получать удовольствие. Он совсем расслабился: теперь, когда без его ведома никто не войдет в дверь, можно творить любую дичь и не опасаться быть застигнутым врасплох. А можно вот так вот кайфовать со вкусняшками, не боясь, что придется делиться со внезапно нагрянувшими гостями. Нет, гостей тоже потчевать есть чем, но те, гостевые сладости, попроще и значительно дешевле. И когда в его голове загремел размеренный бас, он от неожиданности дернулся и едва не пролил чай на новый спортивный костюм.

— Человек, я обдумал твоё предложение. Возьми свой аванс.

На столе перед Олегом появился перстень, безумно дорогой даже на вид. Ажурное золотое плетение удерживало незаметными захватами-крючками огромный бриллиант, размером с голубиное яйцо. Игра света в многочисленных гранях камня словно магнитом притягивала взгляд. Песцов с трудом отвел глаза от перстня, мимоходом подумав: пора покупать сейф. Прикрыл сокровище платком, чтобы не отвлекал, и принялся думать.

Такой крупный камень наверняка известен. Они, крупные, все наперечёт. То есть, на людях с ним не покажешься. Разве что держать дома для очень личных нужд или переграничить так, чтобы его нельзя было опознать. Продавать подобное сокровище можно лишь тайком, иначе возникнут вопросы происхождения камня. А потом и следующие: нет ли там, где взял, чего-нибудь еще? И не факт, что покупатели не прибьют чересчур самонадеянного продавца. Да-а, проблема. Впрочем, у любой проблемы имеется решение. И в этом случае оно было буквально на поверхности. Но это дело будущего. А пока надо попользоваться столь чудесной вещицей, раз уж она попала ему в руки.

В книжке Недольмана как раз имелась глава, посвященная работе с накопителями. Конечно, лучше бы эксперименты проводить на чем-нибудь попроще. Но раз имеется только такая штука, придется работать с ней.

На удивление, оперировать накопителем оказалось в разы легче, чем строить даже самый простой конструкт. Уже через полчаса Олег разобрался с немногими манипуляциями. Заодно узнал, что для заполнения накопителя целиком ему, с его нынешним резервом, понадобилось бы не менее полугода. И еще определил, что камешек полон буквально до краёв. Ну а раз так, то есть ли смысл откладывать обещанный ритуал? Надо только придумать хранителю подходящее имя.

Олег открыл ноутбук и закопался в древней мифологии. На поиски ушло не больше пяти минут.

— Хранитель, — позвал он.

— Я здесь, человек.

— Ты готов получить имя?

— Готов.

— Тогда давай еще раз проговорим условия нового договора. Я даю тебе имя, а ты в оплату передаешь мне спрятанные в этом здании клады.

— Те, про которые не помнят ныне живые, — уточнил формулировку хранитель.

— Да, про которые не помнят ныне живые, — скрывая досаду подтвердил Олег: надуть нежить не вышло. — Только давай так: пока у меня нет своего дома и негде хранить все эти ценности, ты оставь их на прежнем месте, а мне выдай в письменном виде перечень вещей с указанием примерной стоимости. Можешь?

— Легко.

— Тогда приступим. Как тебе имя Аргус?

— Меня устраивает.

— Тогда... погоди немного, я подготовлюсь. Нужно, чтобы накопитель оставался в контакте со мной все время ритуала.

— Давай скорее, человек!

Нетерпение хранителя ощущалось почти что физически, и Олег не стал тянуть. Надежно приклеил пластырем перстень в районе солнечного сплетения так, чтобы камень касался кожи, надел поверх футболку, лег на кровать.

— Милка, ты можешь сделать так, чтобы звуки из этой комнаты не были слышны соседям?

— Запросто. Считай, что уже готово.

— Тогда поехали. Хранитель, я даю тебе имя Аргус! А-а-а-а!

Олега пронзила такая боль, перед которой пытка древним настольным зубоврачебным аппаратом во время медкомиссии в военкомате была просто лёгкой щекоткой. Казалось, его магическое ядро и все каналы, идущие от него, налились жидким огнем. Какое-то время он корчился на кровати, тщетно пытаясь избавиться от невероятных, непредставимых мучений, но вскоре сознание милосердно покинуло его.

В эту ночь обитатели гимназического общежития проснулись ночью все разом: им показалось, что всё здание, от фундамента до дымовых труб содрогнулось, на миг окуталось золотистым свечением, и со всех сторон раздался низкий утробный смех:

— Ха-ха-ха-ха-ха!

После этот феномен исследовали преподаватели гимназии, ученые из академии магии, адепты нетрадиционной энергетики и сами гимназисты. Но никто ничего так и не смог обнаружить.

Песцов пришел в себя перед рассветом, когда звезды уже почти исчезли со светлеющего неба, но Солнце еще не успело показаться из-за горизонта даже краешком. Той безумной боли, что терзала его в начале ритуала, уже не было, но все тело жгло изнутри и саднило снаружи. Постель была истерзана и местами залита кровью, а одежда и простыни насквозь пропитаны потом. Парень, и без того щуплый, стал, казалось, состоящим из одних лишь костей, обтянутых бледной кожей. К счастью, лицо осталось без особых изменений, хотя черты его заметно заострились.

— Охренеть! — первое, что смог он выговорить, когда смог, наконец, адекватно воспринимать реальность. — Знал бы, что так будет, ни за что бы не согласился. Ведь едва не сдох!

— Я прошу прощения, человек, за то, что непреднамеренно подверг тебя такому риску. Вполне можно было подождать до тех пор, пока ты не усилишь свою магическую систему до такого уровня, чтобы перенести ритуал достаточно легко. Я найду, чем отблагодарить тебя

за то, что ты сделал. А пока попробуй взглянуть на своё магическое ядро. Быть может, этот результат, пусть и непреднамеренный, несколько примирит тебя с тем, что тебе пришлось испытать.

Предложение было разумным. Олег сосредоточился, глянул. Мать честная! Вместо чахлой сливки в районе солнечного сплетения был здоровенных шар размером с грейпфрут. И вместо тоненьких ниточек от него в стороны расходились толстенные жилы, постепенно разветвляющиеся на всё более тонкие и, в конце концов, тысячами капилляров выходя к поверхности тела. Причем, теперь энергоканалы были не только в руках, но и, практически, во всем теле. Это уровень... хрен знает, какой уровень! И хорошо, что ранг меряют лишь по объему ядра. Сумей кто-нибудь увидеть то, что сейчас разглядывал Олег, и писец: в подвалах магической академии появится новая лабораторная крыса по фамилии Песцов. Но даже знай он заранее о таком результате, ни за что не согласился бы на подобную пытку.

Олег осторожно подвигал руками и ногами. Тело, вроде, слушалось. Внутреннее жжение постепенно утихало. Скоро побудка, завтрак и уроки. Надо подниматься, собираться, и еще не мешало бы как следует покушать.

— Милка, я в душ. А ты приberi пока здесь, поменяй постель и приготовь чего-нибудь сытного. Жрать хочу.

Если бы Олега попросили рассказать об учебе, он бы ответил:

— Что тут рассказывать? Учеба, как учёба.

И, наверное, был бы прав. Те же самые уроки, те же самые предметы. Разве что литературу и историю заменила теория магии. Наука серьезная, непростая. Но тот же Недольман в своей архиполезной книжке замечательно объяснял все сложные моменты, и разобраться в мудреных формулах Олегу удавалось достаточно быстро. Самыми отстающими были Орлов, что ожидалось, и одна из новеньких, та, что красивая. Остальные справлялись более или менее, но «неудов» не получали. Олег же, внезапно для себя, стал практически круглым отличником. Отчасти из-за Недольмана, отчасти из-за обрывков институтских знаний другого мира, до конца еще не выветрившихся из головы. Как выяснилось, математика — она в любом мире математика. Интегралы, логарифмы и прочие абстрактные вещи, может, и обозначаются иначе, но решаются абсолютно одинаково.

До выставления полугодовых отметок оставалось совсем ничего. Жалкие две недели, а там неуспевающих могут и отчислить. Насчет Орлова была твердая уверенность, градоначальник как следует поговорит с директором гимназии, и его оставят. А вот с девушкой такой уверенности не было. И Олегу было бы жалко, если бы её выгнали. Почему? Да на неё просто смотреть приятно! Предлагать помощь самому было не в его правилах. И он даже обрадовался, когда она после окончания уроков подошла к нему сама:

— Олег, ты не мог бы мне объяснить некоторые моменты по термагу?

— Запросто.

— Тогда давай у тебя в комнате где-нибудь в восемь. Хорошо?

— Я буду ждать.

В ожидании гостя Олег порылся в Сети. Итак: Мария Кошкина, семнадцать лет одиннадцатый ранг. Местная, питерская. Богатый род, три дочери. Мария — младшая. Оценки по всем предметам до перевода отличные.

Информация бедненькая, по другим одноклассникам сведений нашлось куда больше, а здесь — по минимуму. Как будто прячут лишнее. Ну и ладно.

Ровно в восемь раздался стук в дверь.

— Заходи! — крикнул Олег и продублировал хранителю:

— Аргус,пусти.

Маша в домашнем была ничуть не хуже, чем в гимназической форме. Даже, пожалуй, привлекательней. Организм вновь попытался выказать своё мнение насчет манящих девичьих форм, но был решительно укрощен.

Девушка вошла, с любопытством оглядываясь по сторонам.

— Как у тебя чисто! — удивилась она вслух. — Первый раз вижу, чтобы у парня в комнате был такой порядок.

— У всех свои недостатки и свои достоинства, — парировал Олег.

— А это откуда? — Маша обратила внимание на висящий над кроватью небольшого размера рисунок. Ничего особенного, просто карандашный набросок одного из воронежских дворишков.

— Нарисовал. Мне понравилось, решил сохранить.

— Классно, мне нравится. Ты здорово рисуешь. А у тебя еще рисунки есть?

— Целая папка. Но там, в основном, технические этюды. Я тренировался работать с карандашом.

— Все равно. Если можно, дай посмотреть.

— Пожалуйста.

Олег достал с полки папку и протянул гостье. Та, усевшись на кровать, развязала папку и принялась разглядывать работы. А Олег просто сидел и получал эстетическое удовольствие. Любовался.

Желание нарисовать Марию пришло внезапно. Листы бумаги были под рукой, отточенные карандаши стояли на столе в стакане.

Положив планшет с бумагой на колени, Олег рисовал быстрыми точными штрихами. Глаза, правильной формы нос, пухлые губы, четкая линия подбородка, чуть растрепанная прическа, свисающая с виска прядь волос, механически накручиваемая на палец...

Это было с Олегом впервые. Волна вдохновения подхватила его и понесла. И он, отдавшись неведомому прежде чувству, спешил запечатлеть образ девушки, пока она склонилась над папкой с рисунками.

Он всё-таки немного не успел. Маша убрала листы обратно в папку, завязала тесемки и лишь тогда увидела, как лихорадочно мечется по бумаге карандаш, как горят глаза парня. К её чести, увидев это, она тихонечко положила папку на кровать рядом с собой и глядела, затаив дыхание, как на её глазах, возможно, рождается шедевр.

Ждать ей пришлось недолго. Наконец, карандаш замер, сделав последний штрих, парень оторвал глаза от листа и, увидев сидящую напротив девушку, смутился.

— Извини, я, кажется, увлекся.

— Ничего страшного, — великодушно простила его Маша и протянула руку к листу. — Можно посмотреть?

Олег, почему-то робея, протянул рисунок. Маша взяла его, взглянула, и теперь пришла её очередь замереть. Девушка на рисунке была очень похожа на нее, но всё же отличалась чем-то неуловимым: улыбкой? взглядом? необычным наклоном головы? Сходу было не понять, но портрет ей понравился много больше оригинала. Она подняла на парня, с волнением ожидающего своей оценки, восхищенные глаза.

— Ты — гений. Это — твоё призвание, твой талант. Ты должен рисовать. А магия — так, для общего развития.

— Спасибо, — смутился Олег. — Вообще, если не считать учителей рисования, ты первая, кто заинтересовался моими работами.

— Что, даже Лиза не оценила? Она ведь через день бежит к тебе на вечерний чай.

— Даже она. Так что я не считал это чем-то особенным. Так, хобби, плюс неплохой способ развить пространственное воображение.

— А это зачем?

— Чтобы быстрее запоминать и строить конструкты.

— Да? Надо будет попробовать.

— Попробуй. По крайней мере, мне очень помогает.

— Попробую. А... можно я возьму этот рисунок себе?

— Он действительно настолько тебе понравился?

— Очень!

Мария прижала листок к груди.

— Ну возьми, раз нравится, улыбнулся Олег. — Может, лет через двадцать он будет стоить миллионы. И в трудную минуту...

— Ну уж нет, шедевры не продаются.

Девушка благодарно улыбнулась, и что-то отозвалось в душе старого циника и закоренелого холостяка в ответ на эту искреннюю улыбку. Смутившись от этого, и стараясь скрыть свое смущение, он повернулся к столу.

— Ну а теперь займемся термагом. Что именно тебе непонятно?

Маша оказалась девушкой вполне умненькой и понятливой. Достаточно было как следует объяснить ей пару мест с примерами из Недольмана. А потом она уже сама начала видеть решения своих сложных мест, и через час достаточно бойко шелкала положенные по учебному курсу задачи.

Она поднялась из-за стола с таким выражением на лице, словно достигла просветления.

— Спасибо, Олег! — Искренне поблагодарила она.

— Да пожалуйста. Ты это... заходи, если что.

— Зайду. Непременно. А ты покажешь мне новые рисунки?

— Будет что показать — покажу.

Маша сделала пару шагов к двери, остановилась и, почти бегом вернувшись назад, схватила оставленный на кровати свой портрет. Вернулась к выходу, последовательно изобразила на личике смущение, извинение и благодарность и повернула, наконец, ручку двери.

— Ай!

В коридоре перед самой дверью стояла Лиза, уже поднявшая руку, чтобы постучать. Теперь у нее на лбу стремительно наливался синевой свежий фингал.

— Ой, извини! — совершенно искренне проговорила Мария. Взмахнула рукой, явно формируя какой-то конструкт, и синяк тут же исчез, словно и не было. «А у Недольмана этот конструкт не описан», — тут же сообразил Олег. — «Надо будет стребовать с девчонки описание лечилки в качестве платы за термаг».

Одна гостя со счастливым видом упорхнула, прижимая к груди рисунок. Другая зашла с видом грозовой тучи. Олег поморщился, даже не пытаясь прятать эмоции. То, что сейчас произойдет, он мог заранее описать в деталях.

Лиза сделала несколько быстрых шагов к столу и, уперев руки в бока и пытаясь нависнуть над Олегом, с ходу жахнула главным калибром:

— Какого черта эта девка делала в твоей комнате?

Жизненный опыт подсказывал, что подобные заходы следовало давить в зародыше, ибо дальше будет лишь хуже. Олег постарался, чтобы в голосе был явственно слышна январская стужа.

— А тебе не кажется, что это не твоё дело? Ты берега, часом, не попутала?

— Ах не моё дело? — тут же взвилась Лиза.

— Не твое, — подтвердил Олег. — Иди к себе и хорошенько успокойся. Вернешься тогда, когда сможешь разговаривать спокойно.

— Ну уж нет, я никуда не уйду, пока ты мне все не расскажешь!

Олег насмешливо фыркнул:

— А с какой стати я должен что-то тебе рассказывать? Ты вообще кто? Жена, сестра, бабушка? Тебя даже моей девушкой не назвать.

— Это еще почему?

Лиза прямо задохнулась от возмущения

— Да потому, что между нами не было равным счетом ничего. Мы даже в щечку не целовались. У нас с тобой приятельские отношения, и не более того. А если ты что-то себе придумала и мне об этом не сказала, то это твои проблемы, и не нужно их свешивать на

меня.

— Вот как? Значит, ничего не было?

Возмущение девушки было безграничным.

— Значит, приятельские отношения, да? Значит, ты так? Да я! Да ты! Да у меня!

Глаза девушки наполнились слезами, она повернулась, и стремительно выбежала из комнаты, едва не набив себе новый синяк на месте прежнего.

Рабочий кабинет мэра Санкт-Петербурга

Сегодня Орлов был благодушен.

— Ну что, Николай, как там насчет этого... Песцова?

— Пока ничего. Он сидит в гимназии, и наружу не выходит. И еще один момент: уголовники отказались брать заказ на него. Сказали, что уже получили деньги за ровно противоположное. Фактически, до марта они будут за ним присматривать.

— Черт... Впереди каникулы, наверняка этот Песец вылезет из своей норы. Тут-то бы его и прихлопнуть. И плевать бы на это ворьё, пара гвардейцев легко справится и с ними, и с пацаном. Но будет шум, а мне бы очень не хотелось обнаруживать своё участие в этом деле.

— В таком случае имеется один вариант. Пацан купил на окраине какую-то развалюху. В ближайшее время он должен посетить свои новые, хе-хе, владения. Можно устроить там засаду и решить вопрос без лишних проблем.

— Прекрасно, займись этим.

Где-то в Санкт-Петербургской гимназии для одаренных

С расширенными магическими возможностями Олег заполнил накопитель за неполный месяц. Зачем? Хотел проверить, насколько эффективным будет этакая двойная раскачка резерва: перед сном по местной традиции сливать всю имеющуюся ману в накопитель, а с утра проснувшись с полным резервом, качать по заветам Второго. Теперь можно было с полной уверенностью сказать: местные способы ничто по сравнению с астральными. И если здешние магические гении умудряются в таких условиях качаться наравне с ним, что это были бы за монстры, дай им новую методику! Ну а раз слив маны как инструмент развития признан неэффективным, пришло время легализовать свои сокровища. Не все, только часть.

Мысль о том, как это сделать, пришла в голову Олегу, едва он вспомнил сувенирную лавку, в которую забрел однажды вместе с одноклассниками. Им просто надо было погреться, переходя из кафешки в кафешку. И там среди матрешек, балалаек и магнетиков с разведенными мостами были бутафорские императорские регалии, утраченные во время одной из магических войн. В их число входили скипетр, он же боевой жезл, малая корона — по сути, золотой обруч со вставленным спереди рубином, и перстень-накопитель. До сих пор было неясно: похитили сокровища наемники, грабившие дворец императора, или их спрятали верные люди. Как водится, версий было множество, но ни одна из них не была вполне достоверной.

Про Императорскую гимназию не упоминалось нигде. Тем не менее, именно здесь, в одном из подвалов, и был спрятан комплект императорских артефактов. Каждая отдельная вещь обладала немалой ценой. Но собранные все вместе, они становились и вовсе бесценными. Продавать их не имело никакого смысла: слишком приметные, слишком известные, слишком опасные для одиночки. Но зачем продавать, когда имеется и другой путь?

Небольшой домишко на окраине Петербурга, обветшалый, с проваленной местами крышей, стоил буквально гроши. Ценность его была в другом: он был построен за некоторое

время до той самой войны, имел глубокий подвал и упоминался в одной из версий пропажи императорских реликвий.

Девочка-телеведущая, которой Олег некогда обещал сенсацию, отреагировала мгновенно, едва услышав магические слова «императорские регалии». По её расчетам, даже если ничего не найдется, можно сострять неплохой сюжет. А уж если всё получится, то это будет тот самый шанс, который каждому репортёру выпадает лишь раз в жизни.

Пара замшелых историков-артефакторов, хоть и отнеслись к затее скептически, но согласились прибыть, когда Олег посулил им в случае неудачи с находкой неплохую сумму за потраченное время.

Мероприятие было назначено на субботу, за неделю до Нового Года. Олег предусмотрительно не называл места ни репортерам, ни артефакторам, дабы не случилось накладки. Ещё сунуться в дом раньше времени, а там и нет ничего. И не будет до нужного часа.

Самым сложным было отвязаться от одноклассников, возжелавших гуляний и кутежей. Но и это, в конце концов, удалось. И вот ровно в половине третьего часа пополудни Олег остановился перед покосившейся деревянной дверью.

Где-то на окраине Санкт-Петербурга

— Аргус, ты меня слышишь?

— Слышу, слышу.

Сейчас, после обретения имени, возможности хранителя возросли неимоверно. Наверное, теперь ему под силу было бы опекать, к примеру, всю петропавловскую крепость, а то и больше. Во всяком случае, присутствовать здесь, во владениях своего хозяина, он мог теперь без отрыва от производства. На него же возлагалась и доставка регалий в нужный момент.

Входить до нужного момента Олег не собирался. Ни к чему шарахаться по темным и грязным развалинам. Он просто под камеру войдет внутрь с пустыми руками, а выйдет с лакированным деревянным сундучком, как следует извалянным в грязи. И никого не будет интересовать, что грязь эта взялась из подвалов Императорской гимназии.

В конце улицы показался пестрый микроавтобус. Из него выскочили ведущая и оператор.

— Ну что, всё в силе?

— Конечно. Только давайте подождем приглашенных экспертов. Они должны будут засвидетельствовать подлинность реликвий.

Ждать пришлось минут пятнадцать. Наконец, подкатила желтая машина такси с неизменными шашечками на дверце. Из нее выползли два старикана с такими желчными лицами, что стало понятно: по дороге сюда они выясняли истину. Бедный водитель!

— Ну что, начинаем!

Оператор включил камеру, девочка взяла микрофон.

— Дорогие зрители! Мы стоим у дома, некогда принадлежавшего купцу третьей гильдии Ивану Парамонову. По некоторым сведениям, во время последней магической войны в тот самый момент, когда наемники ворвались во дворец императора, преданные трону люди вынесли через тайный ход часть императорские регалий и спрятали их в этом доме. Так ли это? Скоро мы все узнаем.

Камера повернулась в сторону Олега. Речь он подготовил заранее.

— Я собирался обосноваться в прекрасном городе Санкт-Петербурге, который поразил

меня своей красотой, величием и сам по себе является воплощением истории государства. И я приобрел этот дом, рядом с которым сейчас стою. Конечно же, первым делом я принялся осматривать каждый уголок, чтобы определить объемы необходимого ремонта. И поднявшись на чердак, я обнаружил в куче старых вещей сундучок с императорским вензелем на его крышке. Я не стал трогать находку и никому не рассказал о ей, а пригласил представителей телевидения и двух уважаемых экспертов для того, чтобы зафиксировать сам факт обнаружения клада и оценить его содержимое. Если мои предположения верны, и в сундучке действительно находятся части так называемого малого императорского комплекта, я хочу преподнести их государю императору Петру Четвертому в качестве новогоднего подарка.

Песцов натянул на руки рабочие перчатки, повернулся к дому и отворил дверь.

— Здесь ничего не изменилось с того момента, как я был здесь в последний раз. Господа, прошу за мной.

— Мы бы лучше подождали снаружи, — отказались от предложенной чести эксперты.

— Ну, как хотите, — пожал плечами Олег и шагнул вперед.

— Хозяин, здесь есть посторонние! — встревоженно доложил Аргус.

— Сколько, кто, с какой целью?

— Два человека, вооружены, предположительная цель — убийство хозяина дома.

Олегу пришлось прикладывать немалые усилия, чтобы удерживать на лице улыбку перед камерой и одновременно разговаривать с Аргусом о подобных вещах.

— Какое оружие?

— Автоматическое огнестрельное и гранаты.

— Ясно. Ты можешь влиять на траекторию полета пули? Мне нужно, чтобы они, даже если начнут стрелять, ни в кого не попали.

— Увы, здесь моя сила ограничена.

— А сделать так, чтобы их оружие выстрелило само?

— Это возможно.

Что Олег не любил, так это импровизировать. Но сейчас пришлось.

— Следы! — закричал он. — Здесь кто-то прячется!

Он отпрянул в сторону, желая прикрыться полуобрушившейся печью, но тут из дальнего угла, из темноты раздался выстрел.

— И-и-и-и!

Визг ведущей в маленьком пространстве бил по ушам не хуже выстрелов. Не иначе, у нее в роду были баньши. Но главное уже было сделано. Камера запечатлела, как на него напали с оружием. А теперь...

Пи-и-у! Пи-и-у!

В этот раз Олег вкладывал в конструкт сразу полсотни квантов магии. Из угла послышались крики. Дом вздрогнул:

— Сейчас обрушится! Все наружу!

И Агусу:

— Переноси!

— Готово.

Оператор выскочил на улицу, как ошпаренный. За ним на четвереньках вывалилась ведущая, потеряв где-то свой микрофон. Из дома раздавались автоматные очереди, перемежающиеся звуками заклинаний. Стены дома пошли трещинами, крыша покосилась.

Девушка пришла в себя на удивление быстро и прежде, чем отряхнуть грязь с джинсов и куртки спросила у оператора:

— Ты снимаешь?

— Угу, — ответил тот, не отводя взгляда от экрана камеры.

— Давай сходу в эфир!

Та-дах! Та-да-дах!

Пи-и-у! Пиу-Пиу-Пи-и-у!

Из дома доносились характерные звуки сработавших конструкторов, сухой треск автоматных очередей, крики, мат. Из оконных проемов и пробитых в кровле дыр поднималась густая пыль. Наконец, старый дом качнулся и рухнул дальним углом. Журналистка прижала ладонь к округлившемуся рту, давя невольный вскрик. В глазах её блеснула слезинка. И тут из дверного проема выбрался, шатаясь, Олег. Весь чумазый, в изорванной одежде, он сделал несколько шагов и сел прямо на грязный снег. Фасадная стена простояла еще некоторое время и тоже рухнула, подняв облако пыли.

Когда все прочихались и прокашлялись, журналистка воскликнула:

— Смотрите, что там?

Оператор тут же вскинул на плечо камеру, на ходу протирая объектив носовым платком.

Олег поднялся, поглядел:

— Да это же он! Сейчас! Сейчас я его достану!

И полез по обломкам вверх. Журналистка кинулась в микроавтобус за запасным микрофоном. Где-то вдали послышались полицейские сирены.

Откуда-то из подворотни вынырнули эксперты и принялись внимательно наблюдать за действиями парня. А тот и в самом деле добрался до обломков крыши, раскидал полугнилые доски, поднял на руки небольшой сундучок и принялся осторожно спускаться.

Журналистка и оператор смотрели на это круглыми от удивления глазами. Эксперты подтянулись поближе, они тоже не хотели ничего упустить. Парень спрыгнул на тротуар и поставил сундучок на более-менее ровное место среди обломков стены. Тут уже взялись за дело старички-эксперты.

Один из них осторожно смел с крышки полой собственного пальто сор и пыль, другой вытащил из кармана большое увеличительное стекло и направил его на изображенный сверху вензель.

— Несомненно, это знак императорской семьи. Судя по вензелю, ларец принадлежит как раз периоду Последней Магической Войны, — сказал он в оперативно подставленный микрофон. — Сейчас мы попробуем его открыть.

Неизвестно, как доставал из сундучка предметы Аргус, но уважаемый эксперт воспользовался простой отмычкой. Вынул из кармана, вставил, повернул, нажал. Что-то хрустнуло, потом щелкнуло, заиграла музыка старого имперского гимна, и крышка ларца стала медленно открываться.

Все, даже сам Олег, затаили дыхание. Под серым ноябрьским небом среди пыли и грязного снега на пурпурном бархате лежали три совершенной красоты вещи: императорский скипетр, малая императорская корона и перстень.

Эксперты по очереди изучили каждый предмет.

— Они настоящие! — воскликнул один. — Настоящие! Сегодня Империя обрела утраченные драгоценности!

Второй же просто бережно прикасался к лежащим в ларце реликвиям кончиками

пальцев и по его морщинистым щекам текли слёзы радости.

А полицейские сирены завывали уже где-то совсем рядом.

Рабочий кабинет мэра Санкт-Петербурга

О том, что в его городе произошло нечто из ряда вон выходящее, Алексей Орлов узнал от секретаря. Тот связался с шефом по селектору и осторожно подсказал: Алексей Евгеньевич, включите, пожалуйста, местные новости. Вам нужно непременно это увидеть.

Телевизор в кабинете Орлова, конечно, был. Но включался редко, лишь когда случалась особая в нем нужда. Вот, например, как сейчас.

Камера показывала какие-то развалины где-то на задворках, смутно узнаваемую молоденькую журналистку и этого мерзавца Песцова. Парень выглядел откровенно плохо: грязный, в каком-то рванье, с исцарапанным лицом. Рядом с ним стояли два незнакомых старика, а перед ними — ларец. И в этом ларце...

Орлов сразу опознал утраченные регалии императорского дома. Нажал кнопку селектора:

— Машину к подъезду!

Поднялся и, на ходу надевая пальто направился к выходу. Телевизор остался у него за спиной, поэтому он не увидел, как люди в форме имперской безопасности извлекают из-под обломков сильно раненых, но вполне живых людей в тактической броне без опознавательных знаков. Их тут же освобождали от амуниции и в сопровождении врачей и охраны грузили в специально подогнанные броневики.

Впрочем, он всё равно опоздал. К тому времени, как лимузин мэра добрался до нужного места, Ларец с сокровищем был аккуратно погружен в очередной броневик вместе с Песцовым и экспертами, и кортеж имперской безопасности, оглушая прохожих воем сирен, умчался в императорский дворец.

В подвалах службы имперской безопасности

Безопасники мучали Олега часа три, не меньше. Хорошо еще, лампой в глаза не светили. Он охрип от бесконечных ответов на одни и те же вопросы. Когда повторы пошли на третий круг, Песцов начал злиться. Не так, совсем не так он представлял себе итог своей хитроумной комбинации. По его задумке, он должен был быть дорогим гостем, героем, триумфатором, а вместо этого сидит на железной табуретке перед железным столом и как попка раз за разом говорит одно и то же. Злость нарастала по мере продолжения допросов. Наконец, озверевши вконец, заявил:

— Хватит! Ни слова больше не скажу!

И замолчал.

Разумеется, безопасников это не устроило. Они принялись играть в свои любимые психологические игры. Злые следователи кричали и грозили, добрые уговаривали и предлагали. И, в конце концов достали окончательно.

Песцов, напрочь умотанный, голодный, грязный, весь покрытый синяками и ссадинами, пожелал отгородиться от мира. За какую-то секунду прямо на той же табуретке принял позу лотоса, возложил руки на колени, соединил пальцы в мудру концентрации, закрыл глаза и представил, как вокруг него создается матовый белый кокон. Как это должно было сделаться, он не знал, просто захотел и представил. И в этот момент из ядра по пронзавшим всё его тело тысячам мельчайших магических капилляров наружу устремилась мана, на глазах изумленных следователей формируя вокруг Олега туманное облако. Облако уплотнялось, становилось ярче и, в конце концов, сбежавшиеся в допросную безопасники увидели стоящее на железном табурете большое белое яйцо.

Старший следователь, старательно игравший роль злого, плюхнулся на свой стул и вытер ладонью мгновенно вспотевший лоб. Воображение живо нарисовало картинку того, как он, лишившись званий и выслуги, отправляется допрашивать белых медведей куда-нибудь за северный полярный круг.

— Писец, — прошептал он.

И ведь всё согласно приказа, все по инструкции. Только кого это интересует? Его просто назначат виновным за всё. И всё. Действительно, писец. Причем, полный.

Кто-то решил ударить яйцо кулаком. Его сразу отправили в медчасть, залечивать разможенную кисть. Другой умник попробовал битую. Отскочило так, что хитрый товарищ сам дойти до врача не смог. Тогда старший следователь вздохнул, поднялся и пошел на встречу с неизбежным: докладывать непосредственному начальству.

Где-то вне пространства

Куда-то девались и постройки, и гамак. В обиталище первопредка опять царил заснеженная тундра от края до края, насколько хватало глаз. Вот только сидеть в снегу Олегу не хотелось совершенно. Одно легкое усилие, и под ним возникла плотная циновка из рисовой соломы. Так-то лучше!

Чем заниматься в беспредельной тундре, да еще в отсутствие хозяина? Только и остаётся, что упражняться. Вдох — выдох, капля маны внутрь — наружу. Магическое ядро мерно пульсировало в такт дыханию, то чуть растягиваясь, то возвращаясь к исходному состоянию. Это утомляло. Нет, само упражнение было весьма простым. Утомляли

монотонные, однообразные действия.

— Расслабься, — раздался поблизости голос.

— Здорово, песец, — обрадовался Олег.

— Расслабься-расслабься, достигни внутреннего равновесия, отринь все мелкие текущие заботы и тревоги. Ничто не должно смущать твой внутренний взор: ни радости бытия, ни его горести. Лишь тогда достигнешь ты состояния саддхи и сможешь творить воистину чудесные вещи.

Первопредок выскочил из-за спины, в два прыжка добежал до гребня ближайшего сугроба и развалился на возникшей из ниоткуда циновке. Это зрелище позволило парню забыть, наконец, терзающее его чувство обиды. И сразу на него накатило такое спокойствие, что впору олимпийским богам завидовать.

— Ты куда девал свои хоромы? — спросил Олег.

— Куда-куда... Проел. По сути, все видимые здесь, в эфирном пузыре, вещи суть воплощение структурированной энергии.

— То есть, тогда, когда ты стырил полсотни клоунов, ты запас их в виде тех вот вещей?

— Ну да. А потом постепенно развоплощал их и питался высвобождаемой энергией.

— Понятно. А сколько тебе нужно энергии для полноценного существования? Только давай конкретно о тебе, безо всяких излишеств.

Песец немного помялся, потом с неохотой сказал:

— Лично мне просто для поддержания существования достаточно десятой части клоуна в день. Это примерно полчаса твоей медитации.

— А ты не загибаешь? Квант маны — одна сотая клоуна. Я полклоуна за минуту накачаю. Какие нафиг полчаса?

— А потери на преобразование? А потери при передаче? А рассеяние? Реально за один цикл ты можешь выделить в пространство примерно пять-шесть десятитысячных клоуна.

Проверить слова предка Олег не мог, а потому махнул рукой, приняв сведения на веру.

— А я при этом должен находиться здесь, у тебя? — уточнил он.

— Ну да. А как же иначе я смогу получить выделяемую тобой энергию? Где находится сознание, туда уходит и мана.

— Понятно. А теперь скажи мне, первопредок, какая для меня будет выгода, если я каждый день буду отправляться к тебе сюда, чтобы помедитировать?

— Прежде всего, двойная прокачка. Ты можешь без вреда для себя прогонять через ядро по два кванта маны за один цикл.

— И тогда для твоего питания будет достаточно пятнадцати минут.

— Но мне же нужен хотя бы небольшой запас! — забеспокоился песец. — Вдруг ты не сможешь в какой-нибудь день вот так вот помедитировать?

— Ладно, принимается. А что во-вторых?

— А во-вторых, я буду учить тебя пользоваться теми силами, которые ты обрел.

— А какие-нибудь специфические штучки? Типа, родовые умения и все в том же духе.

— Так ты уже одно получил, и даже активно используешь.

— Что-то я нифига не ощутил никаких умений.

— Ты и не должен был ощутить. Это пассивное умение. Оно позволяет смотреть через магические личины. Иными словами, от тебя невозможно что-то спрятать с помощью магии, ты всегда видишь истинную внешность вещей, людей и явлений.

— Я бы предпочёл видеть внутреннюю суть этих самых людей и явлений.

— Качайся, потомок, и всё тебе будет. Кстати, я поглядел твою последнюю самочку. Одобряю. Она родит тебе хороших щенков. Две штуки в помёте, это как минимум. Предыдущая тоже ничего, но всё же как-то не очень. Нервная какая-то.

Олег начал закипать:

— Моя личная жизнь потому и личная, что никому не позволено совать в нее свой длинный нос!

Против ожиданий, предок не стал ввязываться в перепалку. Вместо этого он стал внимательно к чему-то прислушиваться.

— Слушай, потомок, — взволнованно проговорил песец, — там у тебя какая-то нездоровая движуха начинается. Пора тебе обратно. Кокон у тебя здоровский получился, кипеш ты поднял неслабый, но пошалил и будет.

— А как мне его обратно сдуть?

— Вот! Сперва влез в нору, а теперь начинаешь думать, как из нее вылезти. Как цыпленок из яйца выходит?

— Откуда мне знать? Никогда цыпленком не был.

— Ох, ниочёма! Всё-то тебе подсказывать надо. Щелкни по скорлупе изнутри, она и рассыплется. Лучше всего, клювом.

Где-то в недрах Воронежского филиала Государственного управления магией

— Виктор Арсеньевич! Виктор Арсеньевич!

Илонов, запиравший двери своего кабинета повернул голову. По коридору со всех ног бежала молоденькая барышня Наталья Степановна.

— Виктор Арсеньевич, как хорошо, что вы не ушли! Метка сработала!

— Какая метка?

Голова Илонова, уставшая за ненормированный рабочий день, работала плоховато.

— Ну та, у Песцова, на признак эфирной связи.

— Илонов вздохнул и понимая, что остаток вечера, скорее всего потеряян, открыл дверь кабинета. Ну, пойдём посмотрим.

Он включил компьютер, запустил поиск географического положения нужной метки. Минут через пять расчет положения был завершен.

— Знаете что, Наталья Степановна, ваш Песцов сейчас находится где-то в пределах императорского дворцового комплекса. Насколько я знаю эту территорию, он сейчас сидит в ИСБ. Так что, скорее всего, Песцов — это проект безопасников.

— Думаете, они смогли найти способ?

— Не знаю. И вам не рекомендую в это лезть.

— Но ведь такой прорыв! Ведь тысячи людей по всему миру ищут способ выйти в пространство эфира, а тут...

— А тут интересы безопасности империи. Кстати, смотрите: исчезла ваша метка. Видимо, её нашли и сняли. Ну, или поток эфирных эманаций настолько силен, что просто смыл её с ауры парня. Так что сами понимаете: дальнейшая работа в этом направлении по меньшей мере рискована.

Кабинет начальника следственного отдела столичного отделения ИСБ майора Овечкина

— Что? Что ты с парнем сделал?

— Он сам, господин майор! Секунда — и вокруг него яйцо. И хрен пробьешь.

Старший следователь смутился, осознав палево.

— Простите, господин майор.

— Яйцо, говоришь? Это как нужно было человека довести, чтобы он от вас в яйцо сбежал?

— Так вы ведь сами велели добиться добровольного согласия на сотрудничество.

— Добровольного! Тебе объяснить значение этого слова?

— Так мы ничего такого не делали. Не били даже. А он — вон чего.

— И давно он так?

— Два часа уже есть.

— Достучаться пробовали?

— Безуспешно.

— Предложения имеются? Наверху вот-вот спросят, где пацан. И что я им должен ответить? Что следователи ИСБ настолько задолбали мальчишку, что он сбежал от них в яйцо? А что наши эксперты по магии говорят?

— Глаза таращат и руками разводят. Никогда такого не видели.

Овечкин в задумчивости прошелся по кабинету. Надо было что-то говорить начальству, которое вот-вот вызовет на ковёр. А поскольку говорить нечего, надо хотя бы показать.

— В допросной камеры наблюдения есть?

— Так точно!

— Выведи картинку мне на планшет.

— Пожалуйста, господин майор.

На столе задребезжал телефон внутренней связи.

— Майор? Живо ко мне!

Майор Овечкин вытянулся перед телефоном по стойке «смирно».

— Так точно, господин полковник!

Движением ладони майор вымел следователя из кабинета, запер его и поспешил на доклад к начальству, нащупывая в кармане кителя баночку вазелина.

Кабинет начальника столичного отдела ИСБ полковника Первухина.

— Майор! Почему начальство спрашивает меня о том, где находится парень, который нашел всю эту магическую тряхомудь?

— Не могу знать.

— Зато я могу. Где пацан?

— В допросной, господин полковник.

— Вы что, до сих пор его допрашиваете? Пять часов подряд? Он что, особо опасный преступник? Я что говорил? Попытаться убедить его добровольно сотрудничать с имперской безопасностью. И ключевые слова здесь «убедить» и «добровольно».

— Никак нет, господин полковник. После нескольких кругов допроса первой степени, как полагается по инструкции, он... как бы это сказать... закапсулировался.

— Что?

— Вот, посмотрите сами.

Майор протянул начальнику планшет.

— Вот дерьмо! — не сдержался полковник. — Майор, марш к себе и пиши подробный отчет, к нему приложишь протоколы допроса. Я иду к генералу. Если он за эти твои художества меня снимет, полетим вместе. Все ясно?

— Так точно, господин полковник.

Кабинет начальника ИСБ генерала Пастухова

Генерал глядел на планшет, понимая, что его карьера сейчас висит на тоненьком волоске. На десятидюймовом экране было хорошо видно стоящее посреди допросной на маленьком железном табурете здоровенное яйцо молочно-белого цвета. Стояло и, что характерно, не падало. Как могут достать человека следователи Овечкина он прекрасно знал. И отдавал поручение Пастухову во время первичного опроса деликатно прощупать возможность вербовки гимназиста. Понятно, что подчиненные чуток перестарались, доказывая своё служебное рвение. Но такого результата не ожидал никак. Между тем, император вот уже дважды интересовался, где же находится тот человек, который вернул нации и его роду навсегда, казалось бы, утерянные реликвии. До третьего раза доводить нельзя. Это — гарантированная отставка. Что ж, придется идти сдаваться. Говорят, повинную голову меч не сечет. Авось, не врут.

Рабочий кабинет императора Петра Четвертого

— Ваше императорское величество!

Генерал Пастухов склонил голову и щелкнул каблуками. Обычно Петру Михайловичу Львову нравился этот старомодный кунштюк, но нынче он его просто не заметил.

— Ну, что можешь сказать?

— Государь, мои подчиненные... э-э-э... несколько перестарались, выпрашивая у Песцова детали обретения им того самого дома и, как следствие, малого императорского комплекта.

— И что же наделали твои костоломы?

В голосе императора прозвучал практически натуральный львиный рык. Пастухов побледнел и даже чуть отшатнулся. Среди придворных чинов ходило немало историй то том, как вызвавшие гнев государя чиновники выползали после высочайшего разноса буквально на четвереньках, источая при этом весьма неаппетитные ароматы.

— Государь, даже пальцем не тронули! Все строго в рамках первой степени.

— Знаю я вашу первую степень! Нормального человека после неё смело можно в психушку отправлять для лечения нервов. Так сколько часов твои заплечники мальчишку прессовали?

— И двух часов не прошло.

— А с момента доставки его в ИСБ прошло уже часов пять. И где он находился всё это время?

— В допросной.

— И почему он сидел там пять, мать твою, часов, когда допрашивали его два часа?

— Он...

— Ну говори, не мямли!

— Он магическим образом создал яйцевидную капсулу и закрылся в ней, отгородившись таким образом от любого воздействия в рамках допроса первой степени.

— Та-ак!

Император разозлился всерьез.

— Ты начальник имперской службы безопасности или тупой ефрейтор? Ты что, не знал, что вся страна видела, кто и при каких обстоятельствах императорские регалии мне лично в дар преподнес? Пацан должен был с почетом, под фанфары, въехать во дворец и с твоими остолопами провести не более получаса. И только для того, чтобы зафиксировать детали произошедшего. А потом в блеске и славе получать заслуженные награды и почести. Его хотя бы покормили? Врачу показали? Что, даже этого не сделали? Давай сюда свою

хреновину, показывай.

На экране планшета допросная была видна до мельчайших деталей. Но никакого яйца в ней не было. По комнате бродил донельзя грязный и уставший мальчишка в лохмотьях, одной рукой поддерживая лишенные ремня штаны и волоча по полу ноги в ботинках без шнурков.

— Та-ак! — повторился император, с трудом сдерживаясь, чтобы не прибить не в меру ретивого служаку. — Чтобы через час парень, вылеченный, накормленный, отмытый и переодетый был у меня. Ясно?

— Так точно! Разрешите выполнять?

— Отдай команду своим, у меня к тебе ещё вопросы имеются.

Генерал извлек из кармана коробочку сотового телефона, набрал короткий номер, бросил в нее несколько несколько слов и вновь вытянулся перед императором.

— Что с теми бойцами, которых подобрали на месте боя? Чьи они? Что должны были сделать?

— Люди графа Орлова. После применения соответствующих мер убеждения, рассказали, что имели задачу ликвидации Песцова. Причина — личная неприязнь графа.

— Та-ак! — в третий раз произнес император, что было признаком крайнего раздражения. — Орлов что, решил, что ему всё можно? Что всё будет с рук сходить? Сколько уже на него жалоб в канцелярию поступало — собрание сочинений издавать можно! А сынок у него еще гаже папочки.

Пастухов стоял ни жив не мертв, надеясь только на то, что весь запал высочайшего гнева выльется на столь кстати подвернувшегося Орлова. А император продолжал:

— Интересно, знал ли Орлов о находке заранее? А если знал, то это уже не личная неприязнь, а государственная измена. А ты, видать, мышей не ловишь. Пацана ни за что прессуешь, а настоящих врагов в упор не замечаешь.

Это было по-настоящему страшно, когда государь переставал кричать и начинал говорить ласковым, вкрадчивым голосом.

— Значит, вот что, пока ещё генерал: чтобы Орлов был у меня здесь через полчаса. В любом виде. Песцов — через час. Где у нас не хватает начальника отделения ИСБ? Кажется, в Анадыре? Не дай тебе Предки сегодня ещё раз облажаться, завтра же поедешь новое место работы осваивать. А если мне хоть раз еще придется за твои выкрутасы перед людьми публично извиняться, ссылкой не отделаешься!

Первухин побледнел настолько, что по чистоте цвета вполне мог соперничать с мелом.

— Марш! — рявкнул Петр, и генерал на деревянных ногах вышел из кабинета, понимая, что удержать в себе удалось далеко не всё.

В подвалах службы имперской безопасности и не только

Видимо, есть справедливость на этом свете. По крайней мере, изредка она случается. Где-то высоко-высоко провернулись тугие шестеренки государственной машины, и пошла писать губерния. В дверях допросной щелкнул, открываясь, замок, и в комнату почти вбежали «злой» следователь и врач.

Человек в белом халате, едва глянув на Олега, нахмурился и выдал в адрес следака:

— Изверги! Парня ко мне в кабинет. Срочно! Бегом!

И, хотя Песцов был вполне в состоянии ходить, пара человек в черной форме подкатили каталку, уложили гимназиста на мягкий клеёнчатый матрасик и двое в черной безопасниковской форме повлекли агрегат следом за стремительно удаляющимся доктором. Бегом, как и было приказано.

В кабинете врача было, по крайней мере, тепло.

— Раздевайтесь, юноша. — сказал врач. Вон там, за ширмой, душ. Пока вы моетесь, вам принесут новую одежду взамен испорченной.

Что-то знакомое, где-то Олег это уже слышал. Ну что ж, помыться ему совсем не помешает.

Через десять минут Песцов, в новом белье от кутюр прошлепал на кушетку.

— Где это вы так отметились, молодой человек? — поинтересовался доктор. — Серьезных повреждений у вас, насколько я вижу, нет. Но выглядите вы так, словно вас не меньше часа крутили в бетономешалке.

— Скорее, в камнедробилке, — проворчал Олег.

— Мешалка, дробилка — никакой разницы. Ничего, сейчас я всё это поправлю.

Врач профессиональными, выверенными движениями принялся творить конструкторы. Синяки и ссадины исчезали буквально на глазах.

— Прекрасно, юноша, — оценил врач свою работу. — Теперь перевернитесь на живот

И добавил секунд через десять:

— Замечательно. Теперь вы полностью здоровы. Вот ваша одежда, облачайтесь и боец проведет вас в столовую.

Это была хорошая новость: поесть тоже не мешало.

Одели Олега с иголочки. Строгий тёмно-синий костюм был словно пошит специально для него. Конечно, скорее всего, подогнали что-то из готового, но мастер явно постарался на славу. Парень машинально сунул руку в нагрудный карман и с удивлением обнаружил там новенькую расческу. Пару-тройку раз провел расческой по волосам в ритуальных целях и поспешил следом за приданным ему в сопровождение бойцом.

Столовая была скорее похожа на небольшое кафе для высших офицеров. По крайней мере, еда была намного лучше, чем в гимназической столовой. Лучше даже, чем в любимейшей некогда воронежской кафешке. Одно только мешало насладиться... наверное, все же, ужином: сопровождающий стоял рядом и слишком явно торопился. Да, в такой атмосфере трудно быть гурманом. Олег невольно ускорился, быстренько скидал пищу в желудок и следом за безопасником почти бегом отправился в путешествие по лестницам и коридорам. Заблудился он уже на втором повороте, и самостоятельно найти выход сейчас не смог бы даже под угрозой смерти.

Сопровождающий довел его до высокой, белой с золотом двери в богато отделанном коридоре. Рядом с дверью стояла охрана. Парочка в такой же черной форме, но плюс к этому в броне и с оружием. Боец мельком глянул на часы и ощутимо выдохнул: успел. Спустя еще минуту подошел седоватый подтянутый мужчина неопределенного возраста в парадном мундире ИСБ с большими звездами на золоченых погонах.

— Начальник Имперской службы безопасности Илья Андреевич Пастухов, — представился генерал. — Я прошу прощения за самоуправство моих подчиненных, слишком ревностно относящихся к службе. Думаю, некоторая сумма компенсации, которая сейчас появилась на вашем счете, сможет отчасти пригасить неприятные воспоминания о времени, проведенном в нашем ведомстве.

Олег демонстративно встряхнул пустым запястьем, на котором еще днем красовался дорогой браслет-идентификатор.

— Все ваши вещи сохранены. Вы сможете получить их при выходе из дворца.

— Надеюсь, к тому времени ваши сотрудники успеют убрать с браслета и телефона все свои закладки?

— Разумеется, — улыбнулся Пастухов. — Подождите здесь, я сейчас вернусь.

И быстрым шагом ринулся за угол, на ходу доставая телефон. В Анадырь он не хотел.

Стоять около двери пришлось довольно долго, не меньше четверти часа. Уже давно вернулся отдавший нужные приказы генерал Пастухов, появилось еще несколько людей в богатой одежде, а дверь все не открывалась. Медитировать стоя было неудобно, а садиться — неприлично. Приходилось стоять и разглядывать стоявших рядом. В принципе, люди как люди. А что костюмы у них ценой с Олегово состояние, так то их личная проблема. Все стоят, ждут. Видимо, ждут того же, чего и сам Олег: когда, наконец, откроется дверь и всем присутствующим явится дракон. Ну, или тот, кто сидит в пруду. Тьфу! За дверью сидит, конечно.

Наконец, дверь открылась. Только не эта, а соседняя. Из нее вышли двое охранников, тоже в броне и с оружием. И вывели они мэра Санкт-Петербурга, графа Орлова собственной персоной. Судя по жалкому виду Орлова, бывшего мэра. И, возможно, бывшего графа. И взгляд у Орлова был какой-то пришибленный, и выглядел он в домашнем халате и комнатных туфлях среди роскоши дворца и отлично пошитых костюмов прочих посетителей никак не орлом, а, скорее, ошипанной курицей. По ожидающей толпе пробежали шепотки.

Увидев Олега, Орлов от неожиданности шарахнулся в сторону, но взгляд его обещал неминуемую расплату. За что — непонятно. Сам ведь организовал себе веселье.

Где-то в Санкт-Петербургской гимназии для одаренных

В эту субботу гимназия бурлила. Бурление началось еще днем, когда все без исключения смотрели захватывающий прямой эфир. Были заброшены прогулки, разговоры, уроки, компьютерные игры и ссоры. Это было круче, чем самый крутой боевик: смертельные схватки, перестрелки, магические поединки, и в конце обретение давно утерянного сокровища. Только, в отличие от боевика, это все происходило не на съемочной площадке киностудии, а взаправду, да еще и где-то совсем неподалеку, в этом самом городе. Особую остроту зрелищу придавало то, что главным героем действия был не классический мускулистый герой с квадратным подбородком, твердыми скулами и пронзительным взглядом, обвешанный с ног до головы оружием. Неожиданно для всех, главным действующим лицом оказался их одноклассник, обычный гимназист, совсем не геройского вида и очень даже шуплого телосложения.

Мальчишки все как один принялись фантазировать на тему «Вот бы я!», а девчонки — они такие девчонки! Они вдруг совсем иначе посмотрели на парня, которого еще утром не замечали буквально в упор. И даже Лизина обида куда-то улетучилась. Теперь девушка поглядывала на подруг с некоторым превосходством: мол, я-то давно разобралась, кто из нашего класса хоть чего-то стоит.

Весь день по всем каналам с небольшими перерывами крутили эти фантастические кадры, и Песцов в одночасье стал известен буквально всей стране. Время от времени дикторы сообщали, что в императорском дворце готовится некая особая церемония. А продолжающееся отсутствие Песцова косвенно намекало, что без него здесь никак не обойдется.

Из-за этих объявлений, никто из элитников не лег спать. Все ждали: вдруг вот прямо сейчас начнется? И оно таки началось.

Прозвучала хорошо знакомая мелодия, и на экране появилась заставка: интервью. Это означало, что трансляция пойдет не только по стране, но и во все страны мира, принимающие телевизионный сигнал из России.

Заставка сменилась живой картинкой, показывающей малый зал для приемов императорского дворца. Все как полагается: пурпур бархатных портьер и золото лепных украшений; свет хрустальных люстр отражается в натертом до зеркального блеска паркете. Неимоверная роскошь! В зале было полно народа. Оставалась пустой лишь та половина, на которой должен появиться государь император.

Камера повернулась, обходя по очереди всех присутствующих.

— Песцов! Песцов! — закричали пацаны.

— Где? — переспросили невнимательные.

— Да вот же, рядом с генералом Пастуховым!

— А который из них Пастухов?

— Да вот этот, в белом. Да не тот. Вот этот!

— А-а-а! Точно, Песцов. Ух ты, какой у него костюмчик!

— Да тихо вы! — крикнул кто-то из пацанов. — Начинается!

Все затихли.

В фокусе камеры показался ведущий.

— Дамы и господа! — начал он торжественно. — Мы собрались здесь для того, чтобы отметить великий день. Великий, без малейшего преувеличения, для всей империи. Сегодня мы вновь обрели, казалось бы, навсегда утраченные реликвии российского престола: малый императорский набор. Он состоит из трех предметов: малой императорской короны, скипетра и бриллиантового перстня. Это произошло благодаря уму, отваге и мужеству простого гимназиста, ученика элитного класса Санкт-Петербургской гимназии для одаренных детей Олега Ивановича Песцова. У Олега была сложная судьба, в свои семнадцать лет он остался единственным представителем своего рода, фактически, его главой. Но сегодня фортуна отнеслась к нему благосклонно. Вот он, наш герой!

Камера показала Олега крупным планом.

Директор Санкт-Петербургской гимназии для одаренных даже прослезился: такая реклама его заведению!

Воронежский авторитет грубо выругался: его людям теперь будет намного сложнее работать.

Где-то под Москвой один очень богатый аристократ со змеиными глазами скрипнул

зубами от досады: теперь всё очень усложняется. Планы придется менять.

В комнате отдыха гимназии для одаренных прозвучал такой слаженный вопль, что зазвенели стекла. И еще неизвестно, кто кричал громче: пацаны или девчонки.

Малый зал для приемов императорского дворца

Тем временем, действие шло своим чередом. Прозвучали фанфары, правда, в записи, открылась дверь в дальней стене зала, из нее появился еще один ливрейный с длинной палкой в руках. Ливрейный грохнул этой палкой об пол и гаркнул так, что перекрыл повисший в зале гул голосов:

— Его величество, император Российской Империи Петр Четвертый!

В зале мгновенно наступила полнейшая тишина. Только тихонько гудели телевизионные осветители. Раздались твердые уверенные шаги, и в зал вошел император. Узнать его можно было не только по многочисленным портретам, на которых он был явно приукрашен. На голове императора был тонкий ободок со внушительного размера рубином надо лбом. В деснице Петр Четвертый сжимал скипетр с чистейшей воды сапфиром в навершии. Шуя же была украшена перстнем с огромным бриллиантом.

Все гости — за исключением Олега, конечно — видели набор впервые. И были поражены простотой и изяществом внешнего вида артефактов и скрытой в них мощью. Нет, чувствовать силу они не могли, но сохранившиеся со времен последней войны описания предметов помнили. Кроме того, нельзя было не признать, что все эти вещи придают облику императора некую незримую ауру могущества. Вообще говоря, император и без того внушал всем видевшим его лично и почтение, и немалую опаску. Но сейчас эти все ощущения изрядно усилились. Гости церемонии даже невольно склонили головы в поклоне. И только Песцов, казалось, не чувствовал давления этой незримой силы. Стоял, как ни в чем не бывало, и глядел по сторонам, изучая окружавших его людей. Спихватился, поклонился вместе со всеми, но со значительной задержкой. Это не осталось незамеченным, но шоу должно было продолжаться.

— Сегодня у нас в стране счастливый день, который наверняка войдет в историю современности. Российскому престолу были возвращены утраченные более двухсот лет назад реликвии. Это свидетельствует о то, что...

Олег отключился. Он давно растерял почтение к официальным речам лиц любого уровня. Посматривал на других и сохранял на лице выражение почтительного внимания. Сам же размышлял о том, что ему делать дальше. Судя по всему, его план провалился. Денег он за отданный комплект не получит. Сколько там подкинул Пастухов? Вряд ли много. И что в сухом остатке? Потерянные ценности на сумму не меньше полумиллиона, потерянное время, потерянные деньги на покупку той развалюхи, плюс целая куча негативных ощущений от пребывания в гостях у подчиненных генерала Пастухова. А что в плюсе? Пастуховские деньги, да. Но они максимум покроют убытки на проведение операции. Орден какой дадут? Так с него пользы мало. Максимум, ежемесячная пенсия в полсотни рублей. Этого хватит разве что на прокорм, и то не досыта. Известность? Слава? Так это преходяще. Сегодня рукоплещут, завтра плюют в спину, послезавтра забыли. Как же он мог так проколоться? Ну да ничего, он извлечет из этого случая хороший урок.

Вокруг зааплодировали, он тоже похлопал.

— А теперь мы будем чествовать людей, которые сделали это.

Император сделал шаг назад, давая слово церемонимейстеру.

— За услуги, оказанные короне и всей империи в деле возвращения престолу

императорских регалий, репортер Тушканова Вера Прокофьевна награждается ценным подарком и денежной премией!

Вера Прокофьевна, которую до сегодняшнего дня никто не называл иначе, как «Верочка», была безмерно счастлива уже тем, что ухватила тот самый раз в жизни выпадающий шанс, прогремела со своим случайным, по сути, репортажем на всю страну, заработала солидные для нее деньги и получила неплохие перспективы дальнейшей карьеры. Но получить награду из рук самого императора — об этом она и мечтать не смела!

— А-ах! — дружно выдохнула женская половина элитной группы Санкт-Петербургской гимназии для одаренных глядя, как журналистка возвращается на свое место, прижимая к груди бархатный футляр с подарком, глупо улыбаясь и вытирая кончиками пальцев текущие из глаз слезы.

Примерно так же были награждены оператор и оба эксперта. Деда, в отличие от представителей прессы, приняли свое награждение как должное. Хотя законное чувство удовлетворения всё же испытали. Кроме того, их посетило немалое злорадство по отношению к тем их коллегам, кто сомневался, кто насмехался и кто не верил в успех. А как сейчас обгрызали локти те, кто не стал слушать какого-то там гимназиста и отказался участвовать в сомнительном деле!

— И, наконец, тот самый юноша, благодаря которому всё произошло. Ученик Санкт-Петербургской гимназии для одаренных не только обнаружил сокровище и преподнес его в дар императору, но вступил в смертельную схватку с людьми, покушавшимися на достояние империи, и вышел из нее победителем. Итак, за услуги, оказанные короне и всей империи в деле возвращения престола императорских регалий, дворянин Песцов Олег Иванович награждается орденом святого Святослава первой степени с мечами!

Когда император собственноручно возложил на плечи Олега красную с белой каймой ленту ордена, наросшая за много лет броня цинизма дала трещину. А когда Песцов под гром аплодисментов возвращался на свое место, то даже растрогался и укладкой смахнул предательскую слезинку. Наверное, он бы расчувствовался сильнее, если бы знал, что сейчас творилось по всей стране у экранов телевизоров. Но что творилось сейчас в гимназии! Забыв о потекшей туши, визжали от восторга напрочь урёванные девчонки, кричали и топали в экстазе восхищенные пацаны. Переполненные эмоциями гимназисты обнимались, девчонки целовались, забыв про симпатии и антипатии (строго в щечку), парни хлопали друг друга по плечам (завтра будут лечить синяки). А потом кто-то приволок музыку и начались такие танцы, что Аргусу пришлось попотеть, дабы удержать перекрытия от обрушения.

После награждения была еще одна речь императора, на этот раз короткая. Самодержец вышел из зала, и на этом все закончилось. Народ потянулся на выход. Олег двинулся было вместе со всеми, но тут рядом с ним появился неприметный человек в простом сером мундире без знаков отличия.

— Задержитесь, пожалуйста, господин Песцов. Император желает лично побеседовать с вами.

В кабинете императора Петра Четвертого

Узкими извилистыми коридорами Олега провели к обыкновенной двери, без инкрустаций и позолоты. Сопровождающий постучал и, дождавшись ответа, открыл дверь, впуская гимназиста.

Обстановка в кабинете была простой и функциональной. Нет, все выглядело вполне эстетично. Здесь наверняка поработал хороший дизайнер интерьеров. Но никакой помпезности, никакой показной роскоши. Немногие картины на стенах не для показухи, а для создания настроения.

Петр сидел за столом и что-то писал. Не набирал на клавиатуре компьютера, а именно писал, по старинке, авторучкой. Глянул на Песцова, кивнул на кресла перед столом:

— Садись.

И продолжил писать. Закончил, перечитал написанное, приложил печать и убрал в сторону.

Император был в хорошем настроении. Он успел уже опробовать все компоненты нежданно подвалившего набора на дворцовом полигоне. Скипетр — мощное магическое оружие, корона — не менее мощный защитный артефакт, а перстень — большой запас энергии для того и другого. Сочетание всех трех компонентов набора было настолько гармоничным, что даже злость на дуболомов из ИСБ отступила. Да, за такой рождественский подарок орденом не отделаешься, отдариваться нужно по-царски, иначе прослывешь скрягой. И в другой раз люди еще сто раз подумают, стоит ли делать подобные подарки.

Сейчас, для беседы с пацаном, пафос был уже не нужен, так что сразу после публичной церемонии Петр убрал в ларец корону и жезл. А перстень оставил. По правде говоря, этот перстень понравился ему настолько, что он просто не захотел с ним расставаться. Узнай об этом Олег, он бы, чисто по-человечески, вполне понял императора.

Петр поднял на гимназиста тяжелый, изучающий взгляд.

— Так вот ты какой, Олег Песцов.

Олег в ответ неопределенно дернул плечом. Мол, какой есть, такой есть.

— Мне тут принесли целую папку бумаг, и всё про тебя. Можно сказать, вся твоя жизнь в документах. Сразу скажу: посмотреть не дам. Но на один вопрос, так и быть, отвечу. Спрашивай.

Песцов не стал долго раздумывать:

— Ваше императорское величество, кто пытался убить меня в Воронеже?

— Ты знаешь, этот вопрос занимает и полицию, и даже воронежское отделение имперской службы безопасности.

— Тогда вопросов нет. Остальное я и сам знаю.

— Ты довольно самоуверен, — заметил император. — Впрочем, для твоего возраста это нормально. А вот у меня вопросы имеются. Скажи, зачем ты затеял весь этот спектакль? Дом, клад, прочее?

— Ваше...

Петр поморщился.

— Оставь. Эти словесные реверансы у меня уже в печенках сидят. Дозволяю в

приватной беседе называть меня «государь».

— Благодарю, государь, — поклонился Олег. — А почему вы решили, что это был спектакль? Все было по-честному. Дом настоящий, артефакты настоящие. И орловские бойцы убить меня пытались тоже взаправду.

— Да больно уж гладко у тебя все выходит, — прищурился Петр. — Двести лет толпы народа искали и не нашли. А ты раз — и нашел.

— Случай, — пожал плечами Олег. — И везение, конечно.

— Тогда для чего все это: шумиха, пресса, эксперты?

— Из жадности.

— Вот как?

Император позволил себе поднять в удивлении одну бровь.

— Объясни.

— Вот представьте, государь, что я, найдя такой клад, пошел в полицию. Или в то же самое ИСБ. Сокровище тут же бы изъяли, доложили по инстанциям, а потом похлопали меня по плечу и сказали: «Молодец, мальчик. А теперь иди, не мешай серьезным людям делать серьезные дела». И тот же граф Орлов или генерал Пастухов пришел бы к вам с этим ларцом и получил себе всё то, что, по справедливости, должно принадлежать мне. А стал бы я вякать — тихо исчез бы. Мало ли у нас людей без вести пропадает?

— Логично.

— А так — я застолбил находку за собой, подтвердил подлинность найденных вещей, и отменить это уже нельзя. Соответственно, и награда моя, а не чья-то еще.

— Да-а, — протянул Петр. — Немного парней в твоём возрасте в состоянии задуматься о подобных вещах. А тех, кто сможет придумать и провернуть такую операцию и того меньше.

— Думаю, я такой один, — скромно добавил Песцов.

— Ишь ты, уникам! — изволил хохотнуть Петр. — Ну да ладно.

Он хлопнул ладонями по столешнице.

— Я своё любопытство удовлетворил, теперь к делу. Во-первых, я должен принести тебе извинения за часы, проведенные в допросной ИСБ. Компенсация морального вреда — в разумных пределах, конечно, будет перечислена на твой счет.

— Так Пастухов уже извинился. И про какие-то деньги тоже говорил.

— Что ж, значит, понимает свою вину. Но я, поскольку решение уже принял, отменять его не буду. А ты, Песцов, — Петр внезапно нахмурился и рыкнул так, что Олега пробрало до самого нутра, — перебивать меня более не смей!

Парень кивнул. Ему сейчас показали краешек силы. Причем, силы такой, что Песцова при всех его магических достижениях раздавит и не заметит. Сейчас он в полной мере ощутил, что император — это не добрый дядюшка, а действительно владыка огромной империи. Проверять границы дозволенного больше не хотелось.

— Во-вторых, — продолжил Петр уже спокойно, — ты, насколько я знаю, купил себе домик в столице, но в результате известных событий его лишился. Я не хочу показаться неблагодарным, поэтому своей императорской волей дарую тебе особняк в центре Санкт-Петербурга с прилегающей к нему территорией. Что ты с ним будешь делать — твоя забота. Хочешь — продай, хочешь — сдай внаем, хочешь — сам живи. Я пожизненно освобождаю тебя от уплаты налогов на эту недвижимость. Но имей в виду, только тебя лично. Любой другой владелец, включая твоих возможных родственников и потомков, будет платить в

полном объеме.

Петр взял бумагу, что писал при появлении гимназиста, вложил её в заранее подготовленную папку и протянул Песцову. Тот принял дар и склонил голову:

— Благодарю, государь.

Теперь Олег был вполне удовлетворён. Он был бы согласен и на один лишь дом, без сопутствующих церемоний, но имел понимание: вручение ордена нужно, скорее, не для него, а для имиджа императора, для медийной картинки и для всех тех, кто смотрел сегодня церемонию награждения.

— Да, вот еще что:

Император взял со стола конверт с золотым вензелем.

— На рождество в этом дворце традиционно устраивается большой бал. Это — твоё персональное приглашение. Имей в виду, приглашение на две персоны. Можешь взять с собой понравившуюся девочку. Не сомневайся, за это она будет готова для тебя буквально на всё.

Петр глянул на часы. Пора было закругляться.

— Ну, довольно. Хотелось бы поболтать с тобой ещё. Например, о воронежской гимназии и тамошнем филиале ИГА. Но в этот раз, увы, не получится.

Олег понял, поднялся, поклонился:

— Благодарю, государь, за то, что нашли время лично пообщаться со мной.

В одном из отелей Санкт-Петербурга

За дверью ждал тот самый человек в сером мундире. Он провел Олега через лабиринт дворцовых переходов к выходу. Там другой человек, в форме ИСБ, почтительно передал небольшой кейс:

— Ваши вещи, господин Песцов.

У крыльца ждал пусть не лимузин, но вполне солидный автомобиль представительского класса.

— Куда вас отвезти, Олег Иванович? — задал вопрос водитель.

Олег задумался. Хотелось посмотреть новые владения, но для этого уже слишком поздно. В гимназии тоже покоя не будет, взбудораженные тинейджеры будут до утра выпрашивать да переспрашивать, требуя подробностей.

— Скажите... как к вам можно обращаться?

— Николай Николаевич.

— Так вот: скажите, Николай Николаевич, есть неподалеку гостиница без лишнего пафоса и роскоши, где можно было бы хорошо выспаться за разумные деньги?

— Разумеется.

— Тогда давайте туда.

Покачиваясь на мягких подушках удобного сиденья, Олег внезапно почувствовал, насколько устал за этот длинный-предлинный день. Еще несколько минут, и он уснул бы прямо в машине. К счастью, ехать было недалеко.

Олег вошел в предупредительно открытую швейцаром дверь и направился к стойке регистрации.

— Будьте добры, мне одноместный номер на одну ночь.

— Сию секунду, господин Песцов!

— Вы меня знаете? — удивился парень.

— Кто же вас не знает? — с пафосом воскликнул портье. — Церемонию награждения

смотрел весь отель!

Тут Олег сообразил, что так и стоит с лентой ордена через плечо и серебряной звездой на левой стороне пиджака. Он смущенно улыбнулся:

— Устал.

Портье понимающе кивнул:

— Да, такое пережить!

— Да уж... Сколько с меня за номер?

— Как можно! Для вас — за счет отеля. Сейчас вас проводят. У вас имеется багаж?

— Только это, — Олег качнул кейсом.

— Хорошо. И еще к вам имеется просьба. Моя, личная.

— Что?

Песцов напрягся.

— Можно ваш автограф?

Портье достал из-под стойки фирменную ручку отеля и фотографию.

На фото Олег был запечатлен сразу после боя в доме, измученный и грязный. Но выглядел, как ни странно, вполне презентабельно: этакий усталый герой, только что победивший врагов.

— Как вас зовут?

— Марк, господин Песцов.

Олег улыбнулся и на обороте вывел: «Марку с благодарностью на долгую память». Прибавил дату и подпись.

— Держите. Это мой первый автограф. Возможно, через несколько лет он будет стоить бешеных денег, так что у вас есть все возможности обогатиться.

— Ну уж нет!

Марк выглядел почти обиженным.

— Я сохраню это фото и оставлю его детям. И потом, когда стану старым, буду рассказывать внукам, как разговаривал с человеком, который вернул стране императорскую корону.

— Но сперва вы расскажете об этом всем друзьям, подружкам, сослуживцам и соседям, — усмехнулся Олег.

— Это уж точно, — улыбнулся в ответ портье. — А ручку возьмите себе, на память.

Симпатичная молоденькая горничная проводила Олега в номер. Быстро показала, где что находится, расправила постель и остановилась у входа, явно чего-то ожидая.

— Сейчас, — сообразил парень и полез в карман.

— Нет-нет, никаких чаевых! — воскликнула девушка.

— Тогда что? Автограф?

— Я бы хотела спросить...

Она отвернулась к двери, быстро расстегнула несколько пуговиц спереди и вновь повернулась к Олегу. Форменное платье присползло с плеч, ткань на груди натянулась, подчеркивая аппетитные полушария. Глаза заблестели, а на губах заиграла дразнящая улыбка.

— Господин не желает каких-нибудь дополнительных услуг?

— Господин не против, — ответил Олег. — Но сейчас настолько устал, что боится опозориться еще до начала процесса.

— Очень жаль, — искренне огорчилась горничная. — Но, может быть, утром?

— Вполне возможно. Но никак не раньше.

Симпатичная горничная не подвела и вернулась утром, вкатив тележку с завтраком. Судя по возне за дверью, и некоторому беспорядку в причёске, ей пришлось выдержать суровую схватку с конкурентками. Горничная оказалась изобретательной и энергичной, так что Олег после вынужденного трехмесячного воздержания оторвался по полной.

Девушка даже наотрез отказалась от денег, зато пришла в восторг от автографа, оставленного маркером на сочной ягодице. Позже она превратит этот росчерк в татушку и будет по-своему счастлива.

Съехать из номера Олег собрался лишь после обеда. Хотел было заехать в торговый центр, прикупить одежду взамен испорченной накануне, но, увидев обращенные на него многочисленные взгляды, поспешно сел в такси.

— В гимназию, господин Песцов? — спросил водитель.

— Разумеется, — вздохнул Олег, придавленный тяжестью пресловутых медных труб.

Он еще не знал, что это лишь самое начало.

Добраться до комнаты удалось лишь поздно вечером. Торжественная встреча, долгий рассказ про находку, про награждение и про императора, торжественный ужин, еще один рассказ уже в спальнях элитной группы, ответы на вопросы... Одним словом, кошмар. Одно хорошо: Аргус не пустит никого без разрешения, а Милка уже приготовила постель. Как хорошо, что завтра уроки!

Утром Олег порадовался еще раз: как хорошо, что он в старшем классе! Мелочь, пусть даже на год младше, ходила кругами, восхищенно смотрела издали, но не решалась ни подходить ближе, ни, тем более, задавать вопросы. А одноклассники уже все выспросили и, по большей части, успокоились. Но взгляды пацанов были уважительными, а девочек... заинтересованными, что ли?

Надо было искать себе спутницу на бал. Неплохо было бы еще выучить хоть пару танцев, но это за две недели вполне можно успеть. А вот девушка никогда не простит, если ей не успеют пошить к сроку новое шикарное платье. Значит, откладывать предложение не стоит.

Олег зашел к себе в комнату, скинул гимназическую форму и прежде, чем надеть «домашнее», встал перед ростовым зеркалом, вставленным в дверцу стенного шкафа. Да, дрищ дрищом. Слов нет, полноценное питание и регулярные физические нагрузки постепенно делали своё дело, и кое-какие мышцы начали появляться, но до атлетической фигуры было еще очень далеко. С другой стороны, нет пивного живота, нет большой печенки, не ломит поясницу и не сбоят сердце. Получается, что в итоге он даже выиграл от странного решения астральной тройки. Ну а фигура и мускулатура — дело наживное.

Эти размышления привели Олега в хорошее расположение духа. Он натянул джинсы, футболку и отправился вниз, приглашать.

Маша была у себя. В простом халатике, уютная и домашняя, она была сейчас необыкновенно мила. Настолько, что мысли Песцова стали принимать вполне определенное направление. Но он вовремя спохватился.

— Привет, Олег, — улыбнулась девушка. — Ты принес новые рисунки?

— Нет, я по другому поводу.

— Очень интересно. И по какому же?

Маша села на кровать, аккуратно расправив на коленях полы халата. При этом ворот чуть приоткрылся, не позволяя ничего разглядеть, но при этом разжигая сильнейшее

желание заглянуть.

Олег собрал волю в кулак:

— Мария, позвольте пригласить вас на рождественский бал в императорском дворце, — выпалил он, от волнения перейдя на официальный слог.

— Право слово, я польщена, — в тон ему откликнулась девушка. — Но, к большому сожалению, как раз в этот день я буду занята.

Олег тут же сложил два и два.

— Мы сможем увидеться на балу?

— Возможно, — лукаво улыбнулась Маша. — Но даже если и так, спутницей вашей я быть, увы, не смогу.

— В таком случае, обещайте мне танец.

— Всё в ваших руках, милостивый государь. В бальной книжке не так много страничек.

Олег изобразил на лице страдание и прижал руки к сердцу.

— Что ж, по крайней мере, вы, сударыня, оставляете мне надежду.

Маша звонко рассмеялась.

— Олег, я действительно не могу пойти с тобой, хотя мне бы этого хотелось. — сказала она уже серьезно. — Извини, но мои желания здесь значения не имеют.

Песцов вздохнул:

— Я понимаю.

— Не переживай, это всего лишь бал. А у нас в классе имеется ещё четырнадцать девочек, каждая из которых мечтает взглянуть на него хотя бы через окошко.

И Маша, легко соскочив с кровати, подошла и мимолетно коснулась губами его щеки.

Олег дошел до своей комнаты в состоянии полнейшего внутреннего хаоса. Ведь поцелуя практически и не было, а ощущение от него до сих пор осталось. Зато в голове не осталось ни одной связной мысли. Делать хоть что-то было решительно невозможно. Уйти, что ли, к песцу, помедитировать? Подышать размеренно, успокоить сердце и голову? Пожалуй, это был самый верный вариант. Но — не судьба: у дверей его комнаты стояла Лиза.

— Ты где ходишь? — сходу выкатила она предьяву. — Я стучу-стучу, а тебя, оказывается и нет на месте!

— Тебя искал, — нашелся парень. — Ты что делаешь в следующую субботу, на рождество?

— И где же это ты меня искал? — подозрительно прищурилась Лиза. — Я только что у себя была.

— Э-э-э...

Олег лихорадочно соображал, как бы ему отбрехаться, не накаляя обстановки, но тут на его беду мимо проходила одна девонька, подпевала заносчивых блондинок.

— Да он только что от Машки вышел, — беззастенчиво сдала она Песцова.

Разумеется, Лиза тут же разъярилась.

— Ты! К этой лахудре! Так вот знай: на ближайший месяц я для тебя занята.

— Как знаешь, — равнодушно пожал плечами Олег и повернулся к ябеде.

— Эй ты, — крикнул он вслед удаляющейся с довольным видом девочке.

Та обернулась.

— Как там тебя? Оля, да? Так вот: я это запомнил. И я этого не прощу.

Оля фыркнула и с гордым видом удалилась.

Минус три имени за один вечер! Похоже, выбирать спутницу на бал придется методом

исключения. Но этих двух клуш непременно надо наказать. Опять же, ходить и предлагаться каждой однокласснице — это себя не уважать. Но идея на этот счет имеется. И Олег постучался в соседнюю дверь.

Витя Полоз из славного города Орла характер имел лёгкий, внешность располагающую к общению, с людьми сходилась просто и числился в приятелях почти что у всего класса, вне зависимости от пола. Он и был выбран для реализации хитрого плана.

— Витя, — таинственным голосом начал Олег, — я предлагаю тебе поучаствовать в одном весьма опасном, но страшно интересном деле.

Улыбчивый пацан нордической внешности, классическая белокурая бестия, развернулся к Олегу вместе со стулом.

— Ну что ж, излагай.

— Сейчас я открою тебе одну тайну.

— Тайну черепахи Тортилле? — съехидничал Полоз.

— Бери выше! Тайну Олега Песцова. А твоя задача будет по секрету поведать о ней нашим девчонкам.

— И что потом?

— Увидишь. Но тебе, я уверен, понравится. Это будет такое представление — в цирк ходить не надо.

— Звучит многообещающе. Ну давай, открывай мне свою ужасную тайну.

— У меня имеется приглашение на императорский рождественский бал. Приглашение именное, но на двух человек.

— То есть, ты можешь привести с собой девушку.

— Именно.

— И твоя задача — провести отбор кандидаток.

— Умница.

— Но... ты представляешь, какой поднимется кипеш? Ты уверен, что тебе это нужно?

— Разумеется. Именно это мне и нужно. Потому, что желающих много, а пойдет лишь одна. Но я не могу сам выйти и об этом сказать. На меня тут же накинута всем скопом, и вместо отбора будет свалка и женская драка с выдранными волосами и расцарапанными лицами. А так — представь: все девчонки будут как бы невзначай ловить меня по углам и словно между делом интересоваться: нет ли у меня лишнего билетика. И каждая будет думать — по крайней мере, поначалу — что остальные еще не в курсе. Ну разве не здорово?

— Ага. А потом, когда они разберутся, то и меня разберут. На запчасти.

— Не, не разберут. Ты же им ни одним словом не соврешь. Скажешь только, что узнал некую информацию по секрету: мол, у Песцова есть приглашение, и он еще не выбрал спутницу. А остальное они сами себе надумают. Более того: ты будешь не всем подряд рассказывать, а только двум-трем, самым сплетницам. А уж те домыслят недостающие детали и разнесут информацию всем остальным.

— Вот этого я и боюсь, как бы чего лишнего не надумали. А у тебя это приглашение действительно есть?

— Разумеется. Хочешь — пошли, покажу.

— Конечно, хочу! Никогда не видел.

Утром среди девочек элитной группы Санкт-Петербургской гимназии для одаренных начались подозрительные переглядывания и перешептывания. Время от времени быстрые взгляды бросались в сторону Песцова. А он сидел за партой, как ни в чем не бывало, решал

задачи, отвечал у доски — все, как обычно.

Бурление среди женской половины группы постепенно нарастало, и на большой перемене, по дороге в столовую, Олег был отловлен парочкой блондинок.

— Песцов, есть разговор.

— Слушаю, девушки.

Олег остановился, повернулся и изобразил готовность к диалогу.

— Тут появились слухи, что у тебя имеется приглашение на рождественский бал.

— И что?

— Мы хотим узнать, правда это или нет.

— Хотите на здоровье. Я-то тут причем?

— Ты что, издеваешься? — не выдержала натуральная блондинка.

— А что, так заметно?

— Песцов!

— Ну, Песцов. И дальше что?

— Ты должен немедленно сказать...

— Ну уж нет, девочки, вам я точно ничего не должен. И вообще: идет обед, я есть хочу.

Пропустите.

— Пока не скажешь, никуда не пойдешь!

— И чем вы меня собираетесь удерживать? Грудью?

Олег поднял руки и потянулся к интимным местам сразу обеих блондинок.

— Дурак! — отскочила одна.

— Хам! — отпрыгнула другая.

Олег вышел из закутка, где его пытались допросить и повернулся к негодующей парочке.

— Знаете, что я вам скажу?

— Что? — насторожились девчонки.

— В любом случае вам не светит.

И пошел дальше, отмечая в уме: минус два, осталось десять.

На уроках девчонки перешептывались и перебрасывались записками, вызывая неудовольствие учителей. Строгое замечание восстанавливало порядок, но лишь на время. На переменах девичья половина класса собиралась кучками и что-то интенсивно обсуждала, а на уроке вновь начинались шепотки и записки. Время действовать наступило тогда, когда уроки завершились.

Олег шел в спальный корпус. Специально шел не спеша, помахивая планшетом. И совсем не удивился, когда его догнала рыженькая девушка по имени Сима Лисичкина. Догнала, подхватила под локоток, приноровилась к шагу и, прижимаясь к плечу мягкой пышной грудью, начала разговор.

— Олежек! — нежно проворковала она. — Тут среди девочек ходят слухи, что у тебя есть приглашение на императорский бал. Это правда?

Голос у нее был медовый, вкрадчивый, ни одна ворона не устоит. Вот только песец не ворона.

— Чистая правда, — сознался Олег.

— А кто с тобой пойдет?

— Еще не решил, — продолжал резать правду-матку парень. — Сейчас выкину в соцсетях объявление и к утру, наверное, определюсь.

— Ты что, с ума сошел? — ужаснулась Лисичкина. — Там же такие... э-э-э... стервы! Разведут, обдурят, до нитки разденут!

— А у тебя есть иное предложение?

— Разумеется. У нас в классе все девочки как на подбор. Вот хотя бы я. Чем не хороша?

Лисичкина пробежала несколько шагов вперед и крутнулась так, что подол форменного платья поднялся аж до середины бедра.

— Да всем хороша, — неуверенно согласился Песцов. — И си... то есть, и лицом, и фигурой. А в чем ты собираешься идти? Говорят, нужно, чтобы наряды у кавалера и дамы сочетались.

— Но это как раз на совести кавалера. Все знают, что настоящий мужчина должен свою даму к балу одеть, обуть, обеспечить достойными украшениями?

— Слышал. Но разве ты моя дама?

— А чья же? — растерялась Лисичкина.

— Понятия не имею. Вот пусть тот, чья ты есть, тебя и наряжает. Это ж немалые деньги, только за платье возьмут не меньше двадцати тысяч, про драгоценности и вовсе молчу. А еще стилисты, куаферы, спа-процедурщики, нейл-дизайнеры и прочая братия. У меня же доход полторы сотни в месяц и единственный приличный костюм подарен императором для церемонии награждения. Кто за тебя будет платить — жених, родитель — то не моя забота. А я пойду в соцсети. Там, поди, имеются дамы с готовыми нарядами.

Растерявшаяся девочка отстала. И, едва Песцов скрылся за поворотом, была окружена одноклассницами и засыпана вопросами?

— Ну что? Точно? Сам признался? И что? Куда?

И общий вердикт:

— Вот козел!

По ожиданиям Олега, заход с платьем должен был выбить из списка не менее четырех претенденток. Оставалось примерно шестеро, самых смелых и, по предварительной оценке, достаточно состоятельных. И прийти они должны были к нему в комнату.

Стук в дверь раздался примерно через полчаса.

— Аргус,пусти.

Ксюша Сорокина была тщательно причесана, покрашена, одета. Серьги, кольца, браслеты, кулон на цепочке — все присутствовало и должно было показать обеспеченность претендентки. А что всё это выглядит чуточку вульгарно и чуточку безвкусно, так ничего страшного. При подготовке к балу всем этим будут заниматься стилисты.

— Милка, — поинтересовался Олег. — А сколько еще кандидаток сейчас прихорашиваются?

— Трое. Одна из них вот уже почти готова.

Да уж, как бы с таким подходом и в самом деле не пришлось на поиск спутницы отправляться в соцсети. Не хотелось бы.

Песцов вздохнул и еще раз взглянул на девочку.

— Ксюша, я вижу, что ты провела большую подготовительную работу. Вынула из подружек информацию, учла их ошибки. Но у тебя еще по меньшей мере три конкурентки. Они тоже подготовились. И почему я должен выбрать именно тебя? Что получу в итоге лично я?

Сорокина сделала несколько шагов танцующей походкой и, приблизившись на четко выверенное расстояние — чтобы Олег не мог до неё достать, не поднимаясь со стула —

медленно потянула вниз «молнию» на блузке. Остановилась, когда «собачка» оказалась на ладонь ниже груди, и чуть прогнулась назад, от чего борта блузки разошлись в стороны, позволяя при желании рассмотреть кружевной лифчик телесного цвета.

Песцов глядел на это действие с некоторым интересом, не трогаясь с места и не пытаясь даже протянуть руку.

— Ну что же ты? Продолжай, — подбодрил он Сорокину.

— Что продолжать?

— Всё остальное. Вот кровать. Ты же за этим пришла?

— Все остальное будет после бала, — с вызовом сказала Ксюша.

— Понятно. Классическое динамо.

— Что?

— Застегивайся, говорю.

— А бал? — не сдавалась Сорокина.

— Бала не будет.

— Но почему?

— По трем причинам. Во-первых, ты на самом деле ничего такого делать не собиралась. Максимум — показать издали, а после заявить, что, мол, я тебя не так понял. Во-вторых, невинность важна лишь для брака, а для получения удовольствия в постели гораздо лучше подходят более опытные женщины. И, в-третьих, ты ведь дворянка, да?

Сорокина кивнула.

— И род не бедный. И случись у нас с тобой что-нибудь этакое, на другой день ко мне заявит твой отец с брачным контрактом и твоя мать с ревизией моего имущества. А теперь скажи: на кой мне всё это надо?

— Но тебе же нужна спутница!

— Но не ценой личной свободы. Кроме того, одной гимназией выбор не ограничивается.

— Но почему?

— Ты спрашиваешь, почему нет? Объясню. Потому что ты предложила мне фальшивый товар. То есть идя сюда, ты уже заранее готовилась к обману. Я бы оценил, если бы ты в ответ на мое предложение возмутилась и ушла, хлопнув дверью. Или начала торговаться за что-то реальное, что ты действительно можешь мне дать. Или просто сказала, что у тебя ничего нет. Честность, знаешь ли, достойна уважения. Иди, Ксюша, сегодня не твой день. И подумай на досуге о том, как называются женщины, предлагающие себя в обмен на ценности или услуги.

Сорокина раздраженно вжикнула «молнией», зашипела, прищемив «собачкой» кожу на шее и пулей вылетела из комнаты.

Олег вышел следом, оглядел собравшуюся у дверей троицу растерявшихся девочек, покачал головой и пошел в сторону лестницы. Вот за что ему такое наказание? Позвать, что ли, ту горничную? Она точно сумеет его отблагодарить.

Итак, в списке осталось двое. Резкая стриженная девица, к которой душа не лежала изначально, и черноглазая улыбашка, отмеченная Олегом еще в первый день её появления в гимназии.

— Милка, дорогая, не подскажешь номер комнаты той девочки из Череповца?

Комната № 7 женского этажа спального корпуса Санкт-Петербургской гимназии для одаренных

Алена Росомахина лежала на кровати, отвернувшись к стене. После уроков она даже не переделалась до конца, лишь сняла форменное платье и убрала его в стенной шкаф. Она изначально знала, что бал ей не светит. Уж больно шустрые и пробивные девчонки оказались в этом элитном классе, ей так не суметь. Не могла она ради получения желаемого угодничать, выпрашивать да хвостом крутить. Правда, приз нынче и впрямь велик. Кто из провинциалок не мечтает хоть раз в жизни попасть на бал во дворец? А уж на императорский рождественский бал тем более. Да только истории о том, как бедную девочку из провинции пригласил на бал богатый столичный дворянин бывают лишь в детских сказках.

Гимназистки элитного класса дурами не были, прекрасно понимая, что в реальной жизни им ничего такого не светит. Надежд не питали, планов не строили. И вдруг словно гром среди ясного неба: на ровном месте одноклассник совершает безумный подвиг и получает в награду орден и приглашение. И полтора десятка девчонок получают шанс. Нет, не так: ШАНС! Искушение? Безусловно. Будет ли она осуждать одноклассниц за их попытки до этого шанса добраться? Нет. Но подобно им она действовать не будет, а других способов привлечь к себе внимание, выделиться перед конкретным парнем, не знает.

От пасмурных мыслей Алёну отвлек стук в дверь.

— Кто там? — недовольно спросила она. Видеться с подружками не хотелось совершенно. Ни с неудачливыми, ни, тем более, с той одной, кому повезло.

— Можно войти? — послышался голос, совсем не девичий.

Ох! Кажется, сердце пропустило удар. Неужели?

— Одну минуту!

Алена слетела с кровати и бестолково закружилась по комнате, хватая в руки одно, другое, тут же бросая это и принимаясь за третье.

Наконец, взяла себя в руки. Наскоро расчесала волосы, переплела растрепавшиеся косы, стерла с глаз тушь вместе с черными потеками от слез, посмотрелась в зеркало — вроде, все. Собралась уже приглашать гостя и тут сообразила: да она же в одном белье! Сунулась в шкаф, вытащила лучший из халатиков, бесстыдно короткий — на целую ладонь выше колена, накинула, завязала поясик и с бешено бьющимся сердцем крикнула:

— Заходи!

Скрипнула дверь.

— Добрый вечер.

Песцов вошел, аккуратно закрыл за собой дверь и успокаивающе улыбнулся Алене:

— Расслабься, я не буду тебя есть.

Та фыркнула:

— Вот еще! Не бывало такого, чтобы песец росомаху скушал.

— Ну вот, уже лучше. Скажи, что ты делаешь в следующую субботу, примерно в шесть часов вечера?

От этого вопроса мысли у Алены заскакали в разные стороны. Ведь не может быть! А может, все-таки может?

— Наверное, ничего, — осторожно ответила она.

— Точно ничего?

— После такого вопроса уже не знаю, что ответить. Но для вас, сударь, — она почему-то сбилась на вычурную старомодную манеру речи, — я свободна.

— В таком случае, сударыня, я приглашаю вас сопровождать меня на рождественский

бал в императорском дворце.

У девушки перехватило дыхание. В глазах заблестели слезы. Она хотела ответить, но не смогла вымолвить ни слова. Да что там слова! Она сейчас и мычать-то была неспособна.

— Так ты согласна? — повторно спросил Песцов.

Алена часто-часто закивала, испугавшись, что ее молчание может быть принято за отказ. Ноги вдруг отказались её держать и, плюхнувшись на кровать, она позорно разревелась.

Олег давно уже приобрел иммунитет к женским слезам. Как правило, это тайное оружие использовалось так называемым слабым полом для того, чтобы вырвать из мужчины уступки, деньги, обещания, прощение, подарок и прочее, что было нужно женщине в этот момент. После достижения цели слезы магическим образом исчезали. Если же слезы не помогали и женщина не получала желаемого, то мужчина сразу становился бесчувственной сволочью, козлом и мужеложцем. Здесь же, он это ясно видел, девчонка просто чересчур сильно переволновалась. И, не дай предки, еще надумает себе по этому поводу всяких глупостей и распереживается еще сильнее. Комплексы себе какие-нибудь заведет. У них, у женщин, это запросто.

Он опустился на кровать рядом с Алёной, легко приобнял за плечи, притянул к себе и принялся утирать слезы своим платком, нашептывая в маленькое красивой формы ушко различные бессмысленные, но весьма успокаивающие глупости. Это средство действовало всегда, подействовало и сейчас.

Довольно быстро водопад слез превратился в ручеек, а потом и вовсе иссяк, оставив после себя лишь судорожные всхлипы, красные глаза и припухшее лицо. Еще несколько минут, и девушка вспомнит, что она после такого водоразлива жутко некрасива, а смущать едва успокоенную Росомахину Олегу не хотелось.

— Давай, приводи себя в порядок, и приходи ко мне, обговорим все детали. Тебе часа хватит?

— В... вполне, — выговорила Алёна между всхлипами.

— Тогда через час у меня.

Песцов поднялся и вышел, снова аккуратно прикрыв за собой дверь.

Алена посидела еще немного, потом подошла к зеркалу, ужаснулась своему виду, кинулась было умываться, но тут её догнало понимание: через две недели она с Песцовым идет на императорский бал.

— А-а-а-а!

Её счастливый вопль слышала, наверное, вся гимназия.

— А-а-а-а!

Она скакала по комнате, как сумасшедшая, не в силах сдержать рвущейся из груди безумной радости.

В дверь сунулись перепуганные соседки. Поглядели на одноклассницу и всё поняли без слов. Переглянулись меж собой и пошли к себе. Горевать.

Едва унялась первая радость, Алёна тут же схватила телефон и задумалась. Кому позвонить? Отцу или матери? Они оба порадуются, в этом нет никаких сомнений. Но мама лучше сумеет объяснить папеньке, насколько важно дочери достойно представлять род Росомахиных на императорском рождественском балу. И что ради этого можно даже немного поступиться финансовыми интересами.

Она набрала номер. Ждать пришлось довольно долго, и все это время девочка, сама того

не замечая, тихонько подпрыгивала. Наконец, в трубке раздался знакомый голос:

— Алло! Доченька, это ты?

И Алена, не в силах удерживать в себе эту потрясающую новость, выпалила на одном дыхании:

— Мама! Я иду на императорский бал!

До бала осталось меньше двух недель. Все вечера у Олега теперь были заняты уроками танцев. Так уж получилось, что ни он в прошлой жизни, ни бывший хозяин этого тела танцевать никогда не учились. Пришлось начинать сейчас. На удивление, наука эта давалась довольно легко, не труднее, чем запоминание новых конструктов. Блестящим танцором Песцов, конечно, не стал, но и позориться теперь не придется.

Новый Год отмечать здесь было не принято, да и рождество для Олега было странным. Религии в привычном для него виде здесь не было, поминали разве что абстрактных предков, и то, что называется, всуе. Но, судя по тому, что и нечисть, и первопредки-эфирники почти что все спали, то это было, скорее всего, лишь привычное выражение. На Рождество здесь отмечали не рождение божественного младенца, а появление доступной для людей магии, то самое Обретение. В этот день древний ученый по имени Крокус продемонстрировал ассамблее университета в Генуе первый магический конструкт. Все были настолько потрясены этим открытием, что со временем даже сменилось летоисчисление. До того магия вроде как тоже была, но среди людей владели ей очень немногие. Крокус же радикально улучшил ситуацию и, по сути, дал магию людям, подобно тому, как Прометей дал людям огонь. Но только факт Обретения магии был не мифическим, а вполне реальным.

Крокус, конечно же, стал всемирным героем. В его честь в день Рождества дома украшали не ёлками, а специально выращенными к этому дню цветущими крокусами. Люди веселились на всю катушку, накрывали праздничные столы, ходили друг другу в гости и пускали магические салюты. Подарки к рождеству было принято дарить так или иначе связанные с магией, так что Олег со своим даром императору попал прямо в точку.

Гимназия в качестве подарка на рождество преподнесла своим ученикам очередное тестирование рангов. На этот раз не была такого пафоса и такой секретности, как в Воронеже. Всех собрали в одной аудитории, водрузили на кафедру тестирующий артефакт и принялись вызывать гимназистов по алфавитному списку. Кто-то остался на своем ранге, кто-то прибавил один. Например, все, у кого был двенадцатый ранг, поднялись до одиннадцатого, а Алёна Росомахина допрыгнула аж до десятого.

Олег шел к артефакту с некоторым опасением. Все-таки размер его ядра стал намного больше, чем прежде. Но как это повлияет на результат? Деваться было некуда, и он прижал ладони к артефакту. Мгновенно возникло уже знакомое сосущее чувство в области солнечного сплетения: ядро опустело. А шар на подставке замельтешил разноцветными вспышками и выдал, в конце концов, зелено-голубое свечение.

— Восьмой ранг! — выдохнул шокированный класс.

Наступила тишина. И Песцов прекрасно понимал причину: одно дело, когда у него десятый ранг. Он вроде как лучший, но не единственный. И совсем другое, когда он враз очутился даже не на одну, а на две ступени выше остальных. Даже блондинки теперь глядели на него без обычной снисходительности. А у той, что крашенная, даже рот открылся. Лиза выглядела довольно жалко: еще бы — сама же отказалась от самого чудесного приключения всей жизни, а теперь выходит, что и от парня. Ведь за обозначенный ей месяц наверняка набегут другие! Сдавать же назад и признаваться, что сама виновата гордость не позволяет. А семнадцатилетние маги восьмого ранга где попало не валяются, их быстро к рукам

прибирают. Маша и Алёна зато смотрели на него весьма серьезно и, кажется, что-то для себя решали.

— Песцов, — нарушил всеобщее молчание проводящий тестирование куратор группы. — Вот тебе записка, подойди с ней в медпункт. Прямо сейчас.

Первым делом, выйдя в коридор, Олег развернул записку. Там значилось: «Придурок! Доктор получает уведомления о результатах проверки автоматически». Вот же зараза! Неужели все гимназисты настолько предсказуемы? А с другой стороны, вполне себе невинное развлечение. Олег представил, как сейчас ухмыляется куратор, еще раз мысленно назвал себя придурком и пошел туда, куда послали.

— А, Песцов? — приветствовал его врач. — Ну, проходи, раздевайся. Записку можешь оставить себе.

Олег вздохнул. Видимо, у куратора с врачом это старый прикол.

— А до какой степени раздеваться?

— До трусов. И давай вот сюда, в сканер.

Врач принялся выполнять сложные пассы вокруг медоборудования. Что-то зажужжало, засветилось. Из стоящего рядом артефакта-самописца поползла лента с непонятными каракулями.

— Так-так, — пробормотал себе поднос врач, разглядывая кривулины на ленте.

— Доктор, я буду жить? — дрожащим голосом спросил Песцов.

— Будешь, но недолго, — не принял шутки врач.

— Недолго? — уже всерьез обеспокоился Олег.

— Ну да. Лет сто, сто пятьдесят — не больше. Одевайся.

Ну, млин, приколисты!

— А можно чуть подробнее? — попросил Олег, застегивая рубашку.

— Можно и поподробнее. Смотри: вот видишь? — врач ткнул пальцем в закорючку на распечатке.

— Вижу. И что это означает?

— Это означает, что у твоего ядра размер несколько меньше, чем обычно требуется для восьмого ранга. В пределах допустимого, но по самой нижней границе. И оболочка у него более плотная.

— А каналы?

— Что каналы? Нормальные каналы, развитые вполне адекватно измеренной емкости ядра. В целом, отклонения от нормы минимальны.

— Рад это слышать. А что тогда ненормально?

— Сам факт ненормален. За два месяца ты прыгнул на два ранга. По идее, ты даже до девятого-то должен был лишь к концу гимназии добраться. Ну пусть даже до восьмого, но в любом случае не сейчас, а через полгода. Теперь мне и другим моим коллегам будет очень интересно, как такое стало возможным.

Олег запаниковал. Упрячут в закрытые институты, будут тыкать иголками, скачивать кровь, взамен шпигуя непонятными жидкостями сомнительного назначения. Надо срочно отмазываться.

— А, может, это тогда и случилось?

— Когда тогда?

— Ну, в ноябре, когда кто-то ночную побудку в спальнях устроил, — выдал Олег заготовленный заранее отмаз.

— А что, ты себя как-то особенно чувствовал?

— Ну да. Утром нехорошо было. Мутило и болело вот здесь, — Песцов ткнул себя в подвздошье.

— А что ж ты ко мне не пришел?

— Да я собирался. Но пока то да сё, пока поднялся-умылся-позавтракал, уже прошло.

— Очень интересно.

Доктор всерьез озаботился новой информацией, а Олег запаниковал еще сильнее: как бы подкинутая версия не привела к ещё худшим последствиям. Разумеется, врач это заметил и поспешил успокоить:

— Да не переживай ты так. Судя по итогам сканирования, у тебя все в порядке. Посмотрим динамику, съездим в академию. Там сканер помощнее стоит, у него разрешение лучше. Может, какие-то дополнительные детали увидим. Ты лучше вот что скажи: еще кто-нибудь себя плохо чувствовал?

— Не знаю. Вы ж понимаете — пока всерьез не придавит, никто ничего не скажет.

— Да, в этом ты прав. Ну ничего, разберемся. А ты пока ступай. Нет, погоди. Хотя... Иди, физруку я сам объясню задачу.

Тренировки у группы элитников проходили ежедневно. Под руководством грамотного тренера что пацаны, что девчонки бегали, прыгали, качали мышцы и вообще развивались физически. Но следующий урок физкультуры стал для Олега настоящим испытанием.

— Ну что, Песцов, — сказал физрук, скептически глядя на тощего тинейджера, — плохи твои дела.

Олег склонил голову набок.

— А в чем дело?

— А дело в том, что ранг ты взял, а как был глистой, так и остался. Тело должно по уровню развития соответствовать рангу. А твоя, с позволения сказать, мускулатура даже на твой прежний не тянет.

— И какие последствия возможны?

— Самые разные. Магия — это ведь не только огненными шарами швыряться, да сосульками пулять. Магия может много чего. Пойдешь в армию — ощутишь на себе. Там стандартный прием — магическое усиление тела. А у тебя мышцы-связки не готовы к такой нагрузке. Порвешься, поломаешься и в лучшем случае, инвалидом станешь. А в ломаном теле нормальных энергетических каналов быть не может, это давно известно. Так что придется тебе дополнительно заниматься, хочешь ты того или нет. Будешь жрать белковые коктейли и качаться до потери сознания. Сильная магия может существовать только в сильном теле.

— А если, к примеру, сильный маг забросит тренировки, ядро ведь не уменьшится?

— Ядро — нет. Но каналы будут усыхать вместе с мышцами, и при больших нагрузках могут не выдержать. И тогда в итоге будет ещё хуже: магия, вроде, имеется, а пользоваться ей невозможно. Я лично знаю многих, кто после такого реально свихнулся. Так что вперед, на тренажеры.

После усиленной тренировки были танцы, так что Олег до своей комнаты буквально дополз. Рухнул на кровать. А ведь есть еще договор с песцом, надо медитировать.

Войти в астрал на этот раз было довольно затруднительно: уставшее тело не давало расслабиться и отвлечься от реальности. Зато песец был на редкость довольным.

— Что грустишь? — радостно спросил он Олега. — А-а, заставили тело упражнять! Это правильно, давно пора. Песец должен быть сильным и ловким. И быстрым.

— Тебе легко говорить, а я шевелиться не могу. Как утром встать буду, даже не представляю.

Первопредок прищурился, явно что-то прикидывая.

— Ладно, так и быть, помогу тебе. Не бесплатно, за десять клоунов энергии. Но ты получишь реальное облегчение. И, заметь, энергию ты отдашь один раз, а использовать мою науку сможешь без ограничений. Ну что, по рукам?

— По рукам, — вздохнул Олег.

Сосредоточился и выдал в пространство десять оговоренных клоунов. В тот же момент интерьер пространства преобразился. Вернулась легкая деревянная веранда. А песец, сидя в удобном плетеном кресле, пил чай, бережно держа в лапах изящную кружку китайского фарфора, наполненную горячим чаем.

— Насколько я вижу, — начал предок менторским занудным голосом, у тебя неплохо развита система периферийных магических каналов. По правде сказать, я не помню, чтобы у моих потомков было что-то подобное. Все качают, как правило, руки, забывая про всё остальное. И даже не думают, что магии неважно, каким местом ты создаешь конструкт. Хоть хвостом, или что там у тебя болтается вместо него.

— Это не хвост! — буркнул Олег.

— Неважно. Важно то, что конструкты вообще необязательны. Ты можешь напрямую работать с миром, направляя ману в нужное место организма. Ну, или выпуская её из нужного места. Первостепенное значение имеет волевой посыл, твоё желание. И магия его выполняет, если ты потратишь достаточно энергии. Например, ты можешь сам себя лечить, или делать внутренний самомассаж. Отправь ману по периферическим каналам, только не сплошным потоком, а как бы пунктиром. И сможешь массировать хоть все мышцы своего тела одновременно. Между прочим, подобный массаж, если выполнять его регулярно, ускорит набор мышечной массы. Главное — обеспечивать организм достаточным количеством белка. Ну всё, вали на массаж, хе-хе.

Советы предка и впрямь помогли. Энергетический массаж получился не с первого раза, и даже не со второго. Энергии на него пришлось потратить немало. Но когда, наконец, удалось, это была просто песня! Пара минут — и как новенький, хоть вставай и снова беги на тренировку. Накормленная и перекормленная Милка на радостях от небывалой щедрости хозяина заварила ему лучший чай, приготовила, подала. И только Олег протянул руку к чашке, как раздался звонок.

— Добрый вечер. Олег Иванович?

— Да. С кем я говорю?

— Моё имя Владимир Тимофеевич Мурзик. Скажите, тот дом, в котором вы нашли малый императорский комплект вам нужен?

— Вообще говоря, нет. Но то, что там сейчас осталось, домом назвать трудно.

— Тем не менее, согласно всем законам, эти руины и земля на два метра в сторону от внешней границы фундамента принадлежит вам.

— Очевидно, да.

— Не могли бы вы мне его продать?

— Мог бы. А какую сумму вы хотите предложить?

— Учитывая нынешнее состояние здания, сто рублей.

— Господин Мурзик, это несерьезно. Если вам нужен именно дом, то используя имеющиеся стройматериалы вы можете восстановить дом в изначальном состоянии буквально за гроши. И затраты на последующий ремонт будут ненамного больше, чем они были в момент перехода собственности ко мне. А я выложил за него восемь сотен.

— Но вы уже многократно окупили сделанные вложения!

— Не до конца. Фактически, я обследовал чердак и стены. А в подвал еще даже не заглядывал. Кто знает, что там может найтись? Как я понимаю, вы хотите выкупить дом именно ради этого.

Мурзик замолчал.

— Хозяин, — осторожно вмешался хранитель, — в подвале разрушенного дома закопана жестяная банка с серебряными монетами. Общая стоимость клада около трехсот рублей на современные деньги.

— Спасибо, Аргус, — отозвался Олег и уже в трубку:

— Владимир Тимофеевич, думайте быстрее. Вы не один такой. Не сегодня-завтра позвонят другие умные люди, и предложат реальные деньги. А кроме того, сообразить это могут и местные уголовники. И они никого спрашивать не будут, а просто придут в одну из ночей, и если что-то найдут, то делиться не будут. Вы ведь знаете, что сгубило фраера?

Из трубки послышалось напряженное пыхтение.

— Имейте в виду, я согласен продать эти руины лишь потому, что в силу некоторых обстоятельств я не могу заняться ими лично.

— Ну хорошо, сколько вы хотите?

— Полторы тысячи.

— Это грабёж! — взвыл Мурзик.

— Это — разумное предложение. Вы ведь надеетесь обнаружить ценности на десятки тысяч рублей. И я всего лишь беру себе небольшой процент от этой суммы в качестве компенсации за упущенную прибыль.

В трубке снова запыхтели.

— Господин Мурзик, я деловой человек, и у меня нет времени прослушивать хрипы в ваших легких. Когда вы созреете для положительного решения, перезвоните.

Чай уже подостыл, но был еще вполне приемлем. Но, видимо не судьба. Едва Олег протянул руку к чашке, как в дверь постучали.

— Мария Кошкина, — предупредила Милка.

И тут же организовала еще одну чашку чая.

— Привет, Маш. Подсаживайся, угощайся. Рад, что ты зашла.

Девушка подошла к столу, присела, взяла чашку.

— О-о! Ты умеешь заваривать чай! — похвалила она после первого же глотка.

— У меня еще много талантов, — поскромничал Олег. — А вообще я рад тебя видеть. Мне приятно, когда ты заходишь просто так, безо всякой причины.

Маша как-то грустно усмехнулась:

— Сегодня я как раз-таки по причине.

— Что-то случилось?

— Еще нет, но если ты ничего не будешь делать, то случится. Ты в курсе, что маги, перешагнувшие десятый ранг, по достижении совершеннолетия непременно должны вступить в брак и в кратчайшие сроки оставить потомство?

— Вроде бы слышал. Ну, женюсь, раз так уж нужно. Хотя мне не слишком хочется губить молодые годы подобными глупостями.

— А на ком?

— Ещё не думал. Найду себе кого-нибудь.

Маша покачала головой.

— Ты ничегошеньки не понимаешь. Сильному магу нужна жена, которая тоже будет одаренной. И тоже приличного ранга.

— И что?

— А то, что все сильные маги находятся в сильных родах. Ты против них — тьфу, букашка. И пойдешь либо в род к жене примаком, либо твой род станет вассалом рода жены. А если ты не сможешь до совершеннолетия подобрать себе невесту, то её тебе назначит император. Не сам, конечно, у него целый штат генетиков имеется для таких вещей. Но после этого ты уже ничего сделать не сможешь.

— Маша, — осторожно начал Олег, — я очень ценю то, что ты вот так вот пришла и

разложила мне весь расклад. Тем более, что ты для меня намного интереснее, чем все остальные девчонки нашей группы. Я ведь правильно понимаю — её не случайно подобрали? Наверняка ведь императорские генетики и здесь руку приложили.

— Ты прав, — вздохнула девушка. — И даже в этой группе, даже против самых небогатых, ты не тянешь. Тем более, что и тебя к ним не тянет.

— Тогда... у тебя есть вариант решения этого вопроса?

— Есть, да. Но сделать это будет для тебя невероятно сложно.

— Но не невозможно?

— Да. У тебя есть шанс. Небольшой, но есть.

— И что для этого надо сделать?

— Надо к совершеннолетию добраться до пятого ранга. Тогда какого бы сильного рода не была твоя невеста, она пойдет к тебе, а не ты к ней. Правда, там есть другие заморочки, но сейчас это неважно.

Олег осторожно прикоснулся к Машинной руке. Она не стала её отдергивать. Тогда он взял ее ладонь в свою, осторожно погладил нежную кожу и заглянул девушке в глаза.

— Скажи, ты в самом деле хочешь выбрать именно меня? Почему?

Ту-тук! Ту-тук! Ту-тук!

Сердце трижды оглушительно стукнулось о ребра прежде, чем Олег услышал ответ.

— Ты мне нравишься, Олег. Ты не замечаешь, но среди наших мальчишек ты выделяешься как... как взрослый дядька в песочнице среди малышни. И если мне бы предоставили выбор из вас всех, я бы выбрала тебя. Ты не подумай, это не любовь, всего лишь осознанная симпатия, появившаяся в результате холодного анализа. Но ведь и у тебя не больше. По крайней мере, сейчас.

Девушка помолчала и, спустя несколько секунд, добавила:

— Если ты сумеешь совершить невозможное, ты получишь право выбрать себе в жены любую свободную женщину. И когда ты придешь ко мне, я скажу «да».

Маша легко поднялась, на секунду приблизилась к Олегу и так же, как и в прошлый раз, мимолетно коснулась губами его щеки. Дверь за ней захлопнулась прежде, чем он смог прийти в себя.

В голове у Песцова опять хаотично летали осколки мыслей, сталкиваясь и разлетааясь в разные стороны. Он схватил чашку, сделал плоток и чуть не выплюнул: чай успел остыть и стать противным. Но это, как ни странно, помогло ему успокоиться и собраться. Новости про женитьбу были хреновые. Не хотел он ни в какой род. Хотел быть сам по себе, чтобы над ним — только Император. Но без пятого ранга это нереально, тут Маша права. Придется рвать жилы и пробиваться наверх. А там будет Маша или какая другая подруга, но он выберет её сам.

Зазвонил телефон. Мурзик.

— Алло!

— Олег Иванович, я подумал и звоню сказать, что согласен.

— Хорошо, перечисляйте мне на счет две тысячи и я сегодня же отправлю документы на регистрацию сделки.

— Но вы говорили про полторы! — взвыл Мурзик.

— Вы слишком долго думали. Пять минут назад мне с ходу предложили тысячу восемьсот. Не согласны — я отдам эту кучу мусора другим.

— Я согласен, согласен! Сейчас же переведу деньги.

Еще через минуту браслет звякнул, уведомляя о прибытии перевода. Песцов ухмыльнулся:

— Ну хоть какая-то хорошая новость за сегодня!

Владимир Тимофеевич Мурзик вложил в покупку все свои средства до последней копейки. И когда в результате нашел лишь проржавевшую жестяную банку с почерневшими кружочками серебра, то был несказанно огорчен. Впрочем, Аргус ошибся в оценке. Отмыв и отчистив монеты, Мурзик выгодно распродавал их коллекционерам. А то, что они «из того самого дома» добавило им цены. В итоге он не только вернул свои деньги, но и остался в немалом плюсе.

Поразмыслив, он восстановил дом, установил на нем мемориальную табличку и добился внесения его в число памятников национальной истории и культуры. С тех пор и до самой смерти он с комфортом жил в своем собственном доме, время от времени водил экскурсии. И этого ему вполне хватало для безбедного существования.

За неделю до бала Песцов вырвал четыре свободных часа между тренировкой в качалке и уроками танцев. Нужно было съездить в ателье на примерку фрака и заодно посетить свои новые владения.

— Милка, — спросил Олег, собираясь. — Ты ведь можешь удалиться от своего дома на расстояние до пяти километров?

— Ага. А в чем дело? — с подозрением ответила домовая.

— Не хочешь прогуляться в мой новый дом?

— А у тебя есть новый дом?

— Вот уже целую неделю, как есть, — вздохнул парень. — Надо хотя бы разок сходить, посмотреть. Вдруг там жить невозможно, и придется вкладывать все мои деньги, чтобы он хотя бы не рухнул?

— А откуда у тебя взялся дом? Тот, свой, ты сперва разрушил, а потом и вовсе продал.

— Император подарил.

— Ну раз император, тогда вряд ли такие уж руины.

— Твоя правда. Ну что, идешь?

— Конечно!

К походу Песцов подошел серьезно. Добыл в Архитектурном управлении планы этажей, поглядел фотографии внешнего вида, почитал историю дома.

Построен он был давно, четыре сотни лет назад. Боярин Троицкий, от которого не осталось нынче ни имени, ни потомства, специально для этого выписал из Италии знаменитого архитектора. Заграничный мастер создавал своё творение чуть ли не двадцать лет. Собственно, трехэтажное здание можно было смело называть маленьким дворцом. Широкое парадное крыльцо с подъездной дорожкой, колонны, пилястры и прочие архитектурные украшения. Вокруг дома был разбит парк с дорожками, клумбами и фонтанами. И все шло нормально, но лет пятнадцать назад последовала череда перемены владельцев. Люди не успевали толком обжиться и сбегали, продавая дом пусть себе в убыток, лишь бы вернуть хоть что-то. И последние лет пять дом стоял пустым. Через какие-то бюрократические процедуры он ушел в казну, и теперь вот достался Олегу.

Наверняка это какая-нибудь проверка со стороны императора. Ждет Петр Четвертый: выкрутится ушлый гимназист или, как и все прочие, продаст дареное имущество. Может, даже, об заклад с кем-нибудь побился. Ну пусть ждет, пусть спорит. Олег продавать ничего не собирается.

В желтой прессе по поводу дома писали самые фантастические вещи. Чертей и прочую нечисть в этом мире не знали, но досужие сплетники поселили в него всю известную нежить скопом и порознь. Кто-то говорили про банду сумасшедших домовых, кто-то про буйных предков, которым плохо поклонялись потомки, а кто-то и вовсе сочинял такое, что и вслух-то произнести неудобно. В общем, навалили кучу всякой ахинеи. А из фактов было лишь то, что время от времени по дому начинали летать предметы и некоторые из них производили ужасный шум, не нанося, впрочем, вреда ни обстановке, ни жильцам.

Из прошлой жизни Олег смутно помнил о полтергейстах, но сильно подозревал, что здесь причина беспорядков намного более прозаическая. И надеялся, что могучая домовая с именем и магическим резервуаром сильно поможет ему в разборках с неведомыми

обитателями его нового приобретения.

Милке не терпелось поглядеть на новый большой дом, который вполне мог стать её жилищем. Песцову тоже было любопытно. Но домовая без хозяина соваться на незнакомую территорию не решилась, а Олегу пришлось битый час изображать манекен в «лучшем ателье столицы». Цены в этом ателье тоже были лучшими — в смысле, самыми высокими. И парень полагал, что минимум три четверти денег ателье берёт за вывеску. Его нынче обслужили бесплатно, отработали за рекламу. Но по своей воле в другой раз он сюда не пойдет.

Наконец, общие мучения завершились, и спустя пять минут такси остановилось у покосившихся ворот с облезлой чугунной решеткой. Да и вся ограда парка, заваленная сугробами, была в печальном состоянии.

Ржавая скрипучая калитка отворилась с большим трудом. А дальше до парадного входа пришлось шагать по снежной целине, проваливаясь где по колено, а где и по пояс. Тяжелые дубовые двери высотой в два человеческих роста разбухли. Чтобы их открыть, даже пришлось использовать магию.

Внутри, в самом доме, царило запустение. Нет, все вещи находились на своих местах. Вот только освещение не работало, а пыли вокруг было столько, что разобрать узор паркета Олегу так и не удалось.

— Мама дорогая! — ужаснулась Милка. — Сколько же здесь работы!

Домовая куда-то исчезла, а Олег, сверяясь с планом, принялся методично, комната за комнатой, обходить свое владение.

В общем, дом ему понравился. Планировка была удачной, интерьеры продуманными, мебель — удобной и функциональной. По крайней мере, с виду: прикасаться хоть к чему-нибудь сейчас было чревато. При этом обстановка не казалась старомодной. Нашлось место и для телевизора, и для компьютера. На потолке виднелись датчики противопожарной системы, а в углах прятались глазки видеокамер.

На первом этаже были гостиные и столовые комнаты, кухня и помещения для прислуги. На втором — личные апартаменты хозяев, гостевые комнаты, библиотека и кабинет. Вот здесь порядка было гораздо меньше и всё говорило о поспешном бегстве последних владельцев. Особенно явно это подчеркивал полураскрытый чемодан женского белья, валяющийся на полу у выхода из дамской опочивальни, из которого полупрозрачными змеями тянулись разноцветные чулки. Судя по количеству пыли, эти чулки пролежали в таком виде не менее пяти лет. Особенно грустно было в детской: кучи игрушек, некогда разноцветных, а сейчас уныло-серых из-за всё той же пыли.

Зато третий этаж порадовал. Он был неполным, этакая башенка в середине здания примерно на треть его длины. По обеим сторонам башенки открывался выход на устроенные на крыше второго этажа площадки. Хочешь — кофе пей, хочешь — загорай, если удастся выловить в Питере солнечный день. Окна на третьем этаже были огромные, от пола до потолка. И даже сейчас, в зимний пасмурный день, большой зал был прекрасно освещен. Да еще и вид на город на редкость хорош. Олег тут же решил, что здесь он устроит студию. Наташит мольбертов, холстов, красок и примется рисовать. Он уже начал прикидывать планировку этажа, как снизу раздался оглушительный грохот, ударивший по ушам даже здесь.

Песцов кинулся вниз, на разборки. Ориентируясь на звук, сбежал второй этаж, потом на первый и принялся тыкаться в двери. Не здесь, не здесь... Вот! Он влетел на кухню и увидел,

как здоровенный мясницкий нож колотит в древний медный таз. И все бы ничего, но нож будто бы держал в воздухе некий темный сгусток. А таз — Милка. Домовая ловко уворачивалась от жуткого ножики, подставляя под него таз. Тогда-то и раздавался тот адский грохот. А еще на кухне стояла жуткая ругань.

— Ты чего тут шастаешь? Чего выглядываешь? — возмущенно скрипел незнакомый голос.

Олегу сразу представился сутуловатый опирающийся на палку дедок.

— Тебя еще не спросила, где мне шастать! — весело отвечала Милка. — Может, я здесь жить собираюсь.

Ба-бам!

Нож в очередной раз грохнулся о тазик.

Домовая, очевидно, дразнила какую-то местную нежить и делала это вполне успешно.

— Жить? Да от тебя провинцией за версту несет. Понаехали тут! — отвечал невидимый дед.

И опять: ба-бам!

— Должен ведь кто-то заменить в столице маразматичное старичье! — веселилась Милка.

— Что ты о себе возомнила, жалкая девчонка!

Ба-бам!

Курощение местных жителей явно набирало обороты.

— Совсем из ума выжил, пенек старый? Я солидная домовая в самом расцвете лет! Не то, что некоторые ископаемые.

— Да ты... — начал было старичок-невидимка, но это представление Олегу уже надоело.

— Что за дела? — рявкнул он. — Прекратить немедленно!

Ба-бам! — грохнулся на пол таз, подняв в воздух облако пыли.

Дзинь! — звякнул ножик. От него пыли образовалось поменьше.

— Милка! Что за хрень тут происходит?

В центре кухни тут же материализовалась домовая.

— Хозяин, тут остался местный хранитель. Старый-старый, едва живой и, видимо, спятил. По крайней мере, поговорить с ним у меня не вышло.

Что-то в этом роде Олег и подозревал.

— Хранитель! — обратился он к пустому пространству кухни. — я новый хозяин этого дома. Почему ты устраиваешь безобразия?

В ответ — тишина. Хранитель решил хранить молчание. Правда, и тазик больше не грохотал.

— Мне понравился этот дом, — продолжал Песцов. — Я хочу поселиться здесь и жить долго и счастливо. Но у дома явно есть проблемы. Ограда разваливается, парк запущен, да и ты еще безобразничаешь. У меня есть один знакомый хранитель, серьезный и вменяемый. Он-то не стал бы тазами греметь. Думаю, мы с Аргусом сумеем тебя отсюда выгнать.

— Кто такой Аргус? — раздался наконец надтреснутый стариковский голос. — Не знаю никакого Аргуса. Здесь я хозяин.

— Э-э, нет! Хозяин здесь один. И это совершенно точно не ты. Что же до Аргуса, то ты и не можешь его знать. Я дал ему имя совсем недавно.

— Что?! — Местный дед явно был крайне изумлен услышанным. — Ты дал имя

хранителю? Ты настолько могучий маг, что в состоянии дать хранителю имя?

Похоже, старикашка был поражен известием настолько, что даже вернулся в рассудок.

— Нынешние жалкие людишки даже домовому имя дать не в силах, а ты смог дать имя хранителю!

— Ха! — встряла Милка. Хозяин и мне имя дал, если ты не заметил! И она гордо крутанулась вокруг себя, демонстрируя висящий на шее светящийся шарик накопителя.

Хранитель издал невнятный звук.

— Прости, человек, — выдал он, наконец, — я не сразу распознал в тебе достойного владеть этим домом и спрятанным в нем сокровищем.

Сокровище! Эти слова отозвались в душе Песцова отголосками романа Стивенсона. И пока он грезил наяву о несметных богатствах, на почтительном расстоянии от Милки вновь появилось мутное темное облако.

— Я приветствую нового хозяина в стенах этого дома! — произнесло облако. — Какие будут приказания?

— Прежде всего верни вещи на свои места, — велел Песцов.

Тазик уплыл к умывальнику, нож встал на свое место в стойку.

— А теперь рассказывай, для чего ты устроил весь этот цирк.

— Эти жалкие людишки! Они не хотели меня слушать. — опять завел шарманку хранитель.

— Стоп. Докладывай коротко и по существу.

— Слушаюсь, хозяин. Дело в том, что накопитель дома почти иссяк. Энергии в нем осталось не более, чем на два дня. И тогда я усну, как прежде уснули все остальные, сперва рассыплется кристалл накопителя, а затем и дом начнет постепенно разрушаться. Я пытался рассказать об этом предыдущим хозяевам, но они меня или не слышали, или отправлялись на прием к психиатру. А это — на секунду таз и нож взмыли в воздух — просто попытка привлечения внимания.

— Хорошо. Я тебя услышал. Как можно пополнить накопитель?

— Первый хозяин мог делать это из любого места в доме, у него был для этого специальный артефакт. Сейчас же придется действовать через непосредственный контакт. Накопитель находится в подвале, я покажу путь.

Облако, изображавшее хранителя, двинулось к черному ходу. Олег с Милкой последовали за ним.

В подвале было темно и холодно. Пришлось светить магией. К счастью, нужный конструкт был подробно описан в книге Недольмана: практически фэйрбол, но пара узлов конструкта направлена в другую сторону. В итоге температура этого самого фэйрбола становилась намного ниже, светимость выше, а время существования на два порядка больше. Секунда — и в воздухе повис светящийся шарик.

— Непорядок, — отметил Олег.

— Отопление отключено, — доложил хранитель. — за неуплату.

— А что еще отключено?

— Да всё. Вода, электричество, газ — всё. Только канализация работает, но без воды в ней смысла нет.

— Ну да, ну да, — покивал Песцов, и компашка двинулась дальше.

— Это кладовые, — на ходу показывал хранитель, — это бойлерная, но она сейчас отключена из-за отсутствия воды и газа. Отключили, знаете ли, за неуплату. Впрочем, об

этом я уже говорил. Это винный погреб, это сейфовое хранилище, а вот это...

— Хранилище? — прервал Песцов разглагольствования хранителя. — То самое, с сокровищем?

— Да. Но первый хозяин установил хитрую систему доступа, и когда он скончался, никто так и не смог войти в него.

— А что там лежит? Ты-то ведь должен знать.

— На меня наложен запрет. Я могу говорить об этом лишь с тем, кто получит доступ к хранилищу.

Олег несколько сник. Ему уже мерещились тяжелые сундуки, полные золота и драгоценных камней, и тут такой облом. Ну да ничего, время есть, а способ открыть дверь он найдет.

— Ладно, где накопитель-то? — спросил он.

— Вот здесь, — засуетился хранитель. — Уже почти пришли.

И он принялся открывать тяжелую дверь.

Накопитель представлял собой здоровенную глыбу кварца, размером с хороший арбуз. Огранкой он повторял бриллиант из императорского перстня. «Видимо, способ огранки определяет назначение камня», — решил Олег.

— И как его следует заряжать? — спросил он хранителя.

— А вот, — подсуетился тот. — вот приемник.

На отдельной подставке рядом с накопителем стоял шарик. Примерно такой же, как артефакт для определения ранга, только меньшего размера.

— Ну, здесь я примерно понимаю, что нужно делать, — облегченно вздохнул Олег. Он приложил ладони к шару приемника, ощутил сосущую пустоту в ядре и тут же оказался в крошечной тьме.

— Эй! Кто-нибудь!

В первую секунду Песцов не на шутку перепугался. Но после сообразил: он слил всю энергию из ядра в накопитель, и не осталось ни одного клоуна, чтобы освещать ему подвал. И вправду придурок!

— Хранитель! — позвал он. — И как мне отсюда выбираться?

— Минуту! Сейчас я обеспечу аварийное освещение, — отозвался тот.

В подвале, помимо крошечной тьмы, повисла изрядно действующая на нервы мертвая тишина. Впрочем, это продолжалось недолго. Где-то вдалеке послышались шаги, шорох одежды и, наконец, сверкнул огонек.

Огонек приближался, шаги становились отчетливей, и вскоре у дверей комнаты с накопителем появился пожилой мужчина в красной шитой золотом ливрее, белых чулках, башмаках с золочеными пряжками и завитом напудренном парике. В руках у гостя был древний-предревный керосиновый фонарь.

— Хозяин, — предупредительно поклонился ливрейный, — прошу следовать за мной.

Наверху, в кухне, хранитель задул огонь в фонаре и поставил его на полку. Повернулся ко мне, поклонился.

— Благодарю, хозяин. Теперь накопитель заполнен на десять процентов. Этого хватит на ближайшие полгода. Кроме того, теперь я в состоянии поддерживать свой видимый образ и, соответственно, исполнять обязанности дворецкого в присутствии вас и ваших гостей. Каких слуг из числа нежити мне следует разбудить?

Олег задумался.

— Давай пока домового.

— Всех?

— А их много?

— Пятеро. Дом большой, меньшим числом управляться трудно.

— Одного. Здесь пока буду появляться только я один, и то нечасто. Так что работы у него будет не лишку. Пусть пока убирает в доме и, первым делом, займется третьим этажом. Потом кабинетом, моей спальней и библиотекой, а дальше как захочет.

— Будет исполнено, хозяин.

— Да, еще надо бы двери да ворота исправить, дорожку от калитки до крыльца расчистить. Кто будет этим заниматься?

— Это обязанности дворового. Может, и его разбудить? Он много энергии не возьмет.

— Буди. И раз уж такое дело, пусть он оградой озаботится. Чтобы аккуратно все было, чтобы подправить, где надо, подкрасить, почистить. А в другой раз ты мне полный список нежити выдашь, и я подумаю, кто еще может быть нужен.

— Когда ждать вашего появления, хозяин?

— После рождества, то есть, примерно через неделю. Но...

Олег прикинул варианты.

— Давай лучше так: к рождеству то, что я перечислил, успеете?

— Успеем.

— Тогда чтобы к рождественской ночи всё было готово. Всяко может случиться. Вдруг понадобится место для того, чтобы отоспаться.

На улице просигналило прибывшее такси.

— Хранитель, — вспомнил Олег напоследок. — а как ты получил вот этот образ?

— Мне предоставил его первый хозяин как награду за десять лет службы.

— Ты его сам выбирал или просто пользуешься тем, что тебе дали?

— А что, можно выбирать?

— Если честно, не знаю. Но было бы интересно попробовать.

По дороге в гимназию Олег долго размышлял, потом спросил домовую:

— Милка, а у тебя твой образ был изначально, или тебе его тоже кто-то дал?

— Разумеется, дали. Одна из моих хозяек, милейшая старушка Розалина Львовна, очень любила кошек.

Где-то в Санкт-Петербургской гимназии для одаренных

За два дня до рождества в гимназии начались каникулы, и у Олега внезапно появилось свободное время. Физрук решил, что ему следует передохнуть, чтобы не ползать по бальной зале подобно сонной мухе. А учитель танцев просто взял и объявил занятия оконченными. И вот теперь Песцов валялся на кровати и читал бальный этикет. Прежде бывать на балах ему не приходилось, и стоило хотя бы в теории узнать, что делать можно, а что — нельзя.

Можно, как выяснилось, танцевать, приглашать девушек, умеренно угощаться с фуршетных столов, а также прогуливаться по залам и прилегающему парку. В списке запретов было гораздо больше позиций. Нельзя было выглядеть хмурым или озабоченным. Напротив, следовало улыбаться и веселиться. Нельзя отказывать в танце без действительно веской причины. Например, дама может отказать, если кавалер решит пригласить её на второй танец подряд. Или если в её бальной книжке на этот танец уже записан другой. Нельзя нарушать приличия, нельзя спорить с распорядителем бала, нельзя допускать умаления своей чести.

Последним пунктом Олег озаботился особо. У него в голове откуда-то, наверное, еще с прошлой жизни, застряла тесная связь балов и дуэлей.

Почерпнутые из Сети сведения эту связь подтверждали. Практически, не было ни одного бала, обошедшегося без хотя бы пары поединков. Дуэли проводились строго магические, ибо считалось, что дуэль — прерогатива аристократии, а каждый аристократ непременно обязан владеть магией в мере, достаточной для защиты своих чести и достоинства.

Получив эту информацию, Олег успокоился. С серьезными взрослыми магами ему делить нечего. А среди ровесников, и даже молодых людей на год-два старше, у него соперников быть не может. В гимназии проводили учебные спарринги, и Песцов неизменно побеждал с сухим счетом. Никому из элитных гимназистов не удалось даже слегка задеть его магическим конструктом. А некоторые и конструкт-то создать не успевали.

Накатило желание порисовать. Противиться ему Олег не стал. Взял планшет и, отодвинувшись в угол кровати, принялся набрасывать эскизы. Свой особняк, вид из окон третьего этажа, образ хранителя-дворецкого...

В дверь постучали.

— Войдите! — крикнул Песцов, не прекращая работать карандашом.

К его удивлению, в гости решила зайти не Маша, та с началом каникул уехала к родне, не Алёна, и даже не Лиза. Посетить его решила натуральная блондинка, та, что прибыла из Карелии. Кажется, её звали Снежана.

— Привет! Чем занимаешься?

Вопрос был глупым. Занятие Олега и без того было очевидным.

— Можно посмотреть?

Песцов, не отвлекаясь от очередного эскиза, пододвинул Снежане свежие наброски. Та присела на краешек кровати и взяла в руки пачку рисунков.

— Классно! — восхитилась она почти что искренне. — Ой, я этот дом знаю, мы с девчонками проходили мимо. Красивый, только неухоженный. Я бы в таком пожила.

Олег никому не рассказывал о своем владении, но эта фразочка заставила его

напрячься. «рисовальное» настроение ушло, причем настолько, что он даже не стал заканчивать последний эскиз. Кинул планшет на кровать и поднялся.

— Будешь чай?

— Разве что зеленый.

С Милкой всё было удобней и быстрее. Но Песцов и без неё вполне мог обойтись. Он заварил «гостевого» зеленого чая, достал из шкафа «гостевые» сладости, сервировал стол и пригласил даму:

— Чай готов!

Снежана поднялась с кровати, и тут её взгляд упал на неоконченный рисунок.

— Что, на принцессу запал?

— На какую принцессу?

— Ну вот же, — она указала на планшет.

Олег при сильной необходимости мог держать лицо. А сейчас такая необходимость была ну очень сильная.

— Вообще-то я никого специально не рисовал. Так, совокупный женский образ, навеянный подростковыми фантазиями.

— Я и говорю, запал на принцессу, — соизволила хихикнуть блондинка.

Она с полчаса посидела с Олегом за столом, похвалила чай, сделала вид, что без ума от сластей, поулыбалась, попринимала выигрышные позы, а потом заявила, что ей пора. Олег был с ней полностью согласен.

Едва за блондинкой закрылась дверь, Песцов кинулся к ноутбуку. Императорский род не публиковал сколь-нибудь обширных сведений о своих членах, но генеалогическое древо можно было найти без проблем. Фото и краткая биография тоже присутствовали.

Маша нашлась в младшей ветви рода. К счастью, дочь императора она не была. Её отец, Сергей Львов, приходился Петру Четвертому всего лишь двоюродным братом, так что перспектив занять трон у нее не было никаких. Кроме того, очевидно, у нее была серьезная размолвка с родителями, иначе зачем бы она стала брать себе фамилию бабушки.

Итак, Мария Сергеевна Каракалова, семнадцать лет, десятый ранг. Входит в императорский род, но мечтает сбежать из-под опеки родичей. Да-а, угораздило его... С другой стороны, как там говорят? Целовать, так королеву? Ну, принцесса тоже пойдет. А миллион воровать не придется, ему его принесут. На блюдечке с голубой каёмочкой.

Для очистки совести Песцов поглядел фотографии элитного класса на сайте гимназии. И на них — он так и не смог к этому подготовиться — под именем Маши Кошкиной была совершенно другая девочка. Сразу вспомнились слова предка: дар видеть сквозь магические личины. Так вот оно что! Девочка из императорского рода Маша Каракалова учится в обычной гимназии под именем Маши Кошкиной. А чтобы ее не узнали, каким-нибудь хитрым конструктом или артефактом изменяет свою внешность. И только он один из всего класса видит её настоящее лицо. Нет ли в этом какой крамолы? Кто знает!

А ведь он спалился. Спалился перед самой Машей, когда рисовал её с натуры. То-то она так поспешно утащила этот рисунок. И что теперь делать? Наверное, жить дальше и постараться больше никому не засветить эту свою особенность.

Утро следующего дня Олег планировал провести лениво и расслабленно. Все запланированные дела уходящего года были сделаны. Даже подключены вода, электричество и газ к новому дому. Пришлось, правда, поругаться с предоставляющими услуги компаниями на предмет долгов прошлых лет, пригрозить судами и даже императором. Но теперь в

особняк возвращалась жизнь.

Накануне он заходил в дом и был буквально поражен. Перемены впечатляли. Исчез многолетний слой пыли, засияли хрустальные люстры в гостиной, засверкали надраенные кастрюли и сковородки на кухне, и даже раритетный медный таз отсвечивал красноватыми боками.

Олегу захотелось подурачиться. Он взял древнюю посудину, грохнул в нее черпаком и грозно произнес запомненное в прошлой жизни заклинание:

— Карабарас!

В тот же момент перед ним возникли две одёжные щетки. Песцов чуть тазик не уронил от неожиданности. Еще немного и начал бы заикаться, но тут голос местного домового спросил:

— Что будем чистить, хозяин?

— Фу-ух, — выдохнул с облегчением великий колдун. — Ничего, это я так, детство вспомнить решил.

Домовой молча исчез вместе со щетками, а Олег задумался: все эти детские сказки, насколько они всё-таки сказки? И откуда Корней Иванович мог знать такие вещи?

Но это было вчера. А сейчас было спокойное предрождественское утро. За окном светило яркое солнце, искрился снег, и даже возникал соблазн выйти на улицу и размяться. Подышать свежим воздухом, побегать, даже поваляться в снегу. Это жирному дядьке возрастом за полтинник такое срамно, не по статусу. А пацану в неполные восемнадцать сам Предок велел! Но не успели мысли оформиться в действие, как в комнату к нему стукнулся Витя Полоз.

— Олег, там твоя Алёнка ревёт.

— А что случилось?

— Не говорит. Иди, разбирайся, а то придется идти на бал без подруги.

В комнате № 7 женского этажа спального корпуса Санкт-Петербургской гимназии для одаренных

У Росомахиной была практически истерика. Она лежала ничком на кровати и рыдала. Подушка лишь немного приглушала громкость звука. По комнате кружили любопытные девчонки, под видом утешения пытающиеся выпросить причины и подробности. Другие любопытные особы оккупировали ближайшие подоконники в коридоре, надеясь на свежую информацию. Иные из них периодически заглядывали в комнату — видимо, проверить, как идет процесс.

Песцов, едва увидев эту картину, понял: Витька был прав, дело худо. Надо спасать девчонку, бал и себя. Ибо кто знает, воткнут ему приказом императора непосредственно перед входом какую-нибудь гримзу и заставят с ней танцевать, да еще и улыбаться. Как говорится, добровольно и с песнями.

Он вошел, громко хлопая в ладоши.

— Так, попрошу всех на выход. Посторонние, па-акиньте помещение!

Действуя где словами, а где и руками, он выпихал всех сочувствующих и переживающих в коридор и запер дверь.

— Милка, можешь обеспечить тут звукоизоляцию? — попросил он. — Жестко. Так, чтобы подслушивать даже не пытались.

— Легко!

Домовая на миг проявилась, зверски оскалилась и исчезла выполнять поручение. Олег

усмехнулся: наверняка сегодня в медпункте будут пациенты. Но это не его проблемы, пресекать назойливое любопытство можно и нужно.

Подсев к девушке, он принялся ее тормозить — безрезультатно. Она даже не отмахивалась. Просто лежала, обхватив голову руками, и усиленно пропитывала подушку раствором солей.

Пришлось применять сильнодействующее средство.

Олег набрал в рот воды, рывком перевернул Росомахину на спину и прыснул ей в лицо, как из пульверизатора. Шок? Несомненно. Зато слезы мгновенно прекратились.

Алёна теперь напоминала вытасченную из воды рыбу. Широко раскрыв глаза, она открывала и закрывала рот, пытаясь что-то сказать. Наконец, несколько придя в себя, размахнулась, явно намереваясь вклепить пощечину. Но Песцов легко перехватил её руку.

— Ну вот: спасаешь её, спасаешь, а она дерется.

— А я... — с вызовом начала девочка.

— Ну да. Не просила и вообще, — перебил её парень. — Но у меня имеется в этом деле свой интерес. А теперь рассказывай, что случилось, и топай умываться. Давай-давай, не куксись. Ну? Обещаю: никто ничего не узнает.

Росомахина медленно села на кровати, опустив голову. Пару раз шмыгнула носом.

— У меня...

У Алёны на глазах навернулись слезы, она снова принялась всхлипывать.

— Ладно, пойдем иначе. Я буду называть причины, а ты — мотать головой. Хорошо?

Девочка кивнула.

— На, держи пока в качестве гуманитарной помощи, — Олег протянул свой носовой платок. — Портные платье испортили?

Аленка замотала головой.

— Мыши туфли сгрызли? Тоже нет? Затяжка на чулках? Закончилась тушь? Парикмахер сбежал в Гренландию? Как, и даже не это? Ну, тогда колись.

— Я... у меня...

Росомахина собралась с силами и, наконец, выговорила:

— Мне украшения доставят только завтра!

И снова попыталась разреветься.

— Не-не, хватит, — пресек эти попытки Олег. — Шагом марш в ванную, и чтобы через четверть часа была у меня. И не задерживайся, у тебя сегодня еще куча дел: спа-салоны, стилисты и прочие дармоеды. Да, закрой за мной дверь, чтобы чрезмерно любопытные заклятые подружки не развели тебя на новый слезопад.

Где-то в Санкт-Петербургской гимназии для одаренных

Из немалого списка драгоценностей, что хранились в тайниках и подвалах гимназии, Олег отобрал несколько гарнитуров. На его взгляд, к бледно-розовому шелку платья подойти мог любой из них. Но требовалось одобрение потенциального носителя.

Стук в дверь раздался через десять минут. За это время Алена переделась в сухое, умылась, причесалась и слегка накрутилась. Рекордный результат!

— Ведь можешь, когда хочешь! — одобрительно отозвался Песцов. — Подсаживайся к столу, бери чай, наслаждайся изысканным вкусом и ароматом и попутно выбирай.

С этими словами он выложил на стол одну за другой три шкатулки.

В первой лежал изящный гарнитур с мелкими гранатами. Мастер искусно выполнил золотые веточки, на которых вместо листочков укрепил соответствующим образом

ограненные камни. Алёна лишь взглянула на работу и убрала футляр в сторону, как, собственно, и ожидалось. Олег резонно полагал, что выбор Алёны падет на роскошное бриллиантовое кольцо, лежавшее в третьей по счету шкатулке. Он прекрасно помнил истину о лучших друзьях девушек. Но, едва открыв футляр номер два, Росомахина буквально застыла.

Олег не понимал, в чем причина. Ну, рубины. Ну, довольно крупные. Но работа грубоватая, огранка примитивная, наверняка и проба золота не слишком высока. Да, судя по характеру огранки, возможен встроенный защитный конструкт. И что? Но Алёна смотрела на эту поделку так, словно перед ней на винного цвета бархате лежал, по меньшей мере, бриллиант «Красный крест» в две с лишним сотни карат.

— Можно мне это примерить?

— Пожалуйста, — пожал плечами парень.

Девушка моментально вдела в уши серьги, нацепила на палец перстень, молниеносно расплела косы и закрепила пук волос на затылке причудливой заколкой, защелкнула на запястьях парные браслеты.

— Помоги! — протянула цепочку с подвеской.

И едва замкнулся миниатюрный замочек, как все камни на мгновение вспыхнули внутренним огнем. А когда Олег проморгался, вместо розоватых камней увидел огненно-рыжие, внутри которых лениво колыхались языки пламени.

Росомахина резко повернулась к парню:

— Откуда это у тебя? — сухо и требовательно спросила она.

— Полегче, девонька. — Олегу был неприятен этот внезапно поменявшийся тон. — Я не обязан отчитываться перед тобой в чем-либо. Я спасаю тебя от психотравмы, вывожу из истерики, а ты в ответ пытаешься устроить допрос? Ну нет, так дело не пойдет. Давай, снимай камешки. Я, в конце концов, и один схожу на бал.

Алёна мгновенно сникла.

— Прости, — пробормотала она. — Просто эта парюра для меня очень много значит. И даже не только для меня, но и для всего рода. Её давно уже считали безнадежно утраченным, и вдруг такое!

Девушка подняла голову, сложила руки в умоляющем жесте:

— Пожалуйста, скажи: откуда она у тебя? Как она к тебе попал?

— Скажи мне, Алёна Росомахина, почему каждый раз выходит именно так? Почему пока я как следует не поругаюсь, нормального разговора не выходит? Я думал, ты действительно не такая, как все. А ты... А-а!

Олег махнул рукой.

— Нашел я её. Обнаружил чью-то захоронку, часть отдал императору, часть оставил себе.

— А почему так? Почему одно отдал, а другое оставил?

— Я был о тебе лучшего мнения, Росомахина. Неужели сама не сообразила? Или у тебя от родовых камней мозги помутились? Я отдал то, что нельзя продать, нельзя использовать и нет смысла хранить.

— Так тот дом был спектаклем?

— Слушай, зачем так говоришь! Никакого спектакля, всё взаправду. Но я же не дурак — держать такие ценности в полуразрушенном доме. А ну как еще один везунчик появится! Я их прибрал в безопасное место, а в нужный момент вернул туда, где они были изначально найдены.

Олег врал вдохновенно и правдоподобно. Ведь уже есть официальная версия. И зачем её портить? Разве что так, подкорректировать.

Девушка помолчала, глядя в пол, потом вновь подняла глаза на парня.

— Скажи, что ты собираешься дальше делать с этим набором?

— Ничего. Он мне, как таковой, не нужен. Тут ведь, если я правильно понимаю, есть привязка к родовым способностям?

— Конечно, — кивнула Алёна.

— Мне вообще деньги нужнее, чем подобные безделушки. Так что если твой отец выйдет на меня с реальным предложением, я продам этот гарнитур вашему роду. А на бал, как я и говорил, ты можешь сходить в нем. Только в таком виде, как мне кажется, он совершенно не подходит к розовому шелку.

— Ничего, подойдет, — заулыбалась девушка. — Ты увидишь. Я могу сейчас взять его?

— Нет. Через час придет ювелир и письменно засвидетельствует факт передачи тебе этих вещей. Завтра в присутствии этого же ювелира я их у тебя приму. А он проверит, что мне вернули ровно то, что взяли.

— Но зачем такие сложности? Разве я давала повод думать обо мне настолько плохо?

— Ты — нет. Но в твоей семье наверняка имеется дубликат этого комплекта. Может даже, из настоящего золота и с настоящими камнями, но без магической составляющей и родовой привязки. Твой отец, когда ты ему обо всём расскажешь, обязательно предложит побыстрому подменить вещички. А, может, метнётся в столицу и за ночь организует какую-нибудь гадость. Так вот: не стоит. Попытка обмануть меня обойдется вашему роду очень дорого, причем как в деньгах, так и в репутации.

Все эти заморочки отняли время и силы. Но, всё-таки, в половине десятого вечера Олег, в черном фраке с белой жилеткой, тщательно причесанный и благоухающий дорогим парфюмом, с орденской лентой через плечо постучался в дверь комнаты номер семь на женском этаже общежития. И тут случилось чудо! Из-за двери не послышалось ни «сейчас, еще минуточку», ни «вот уже почти все». Нет. Изнутри комнаты процокали уверенные шаги, и дверь распахнулась.

Олег внутренне ахнул: где та миленькая позитивочка? Где косички? Где ямочки на щеках? Перед ним стояла юная красавица, безупречная в своей элегантности. И почему он решил, что платье было розовым? Нет, оно всё переливалось черно-рыжими огненными языками, словно сотканное из самого пламени.

Песцов поклонился:

— Вы неотразимы, сударыня. Позвольте вас проводить.

Элитная группа Санкт-Петербургской гимназии для одаренных глядела, раскрыв рты, на это потрясающее зрелище. И едва пара исчезла за поворотом лестничного марша, как все тут же кинулись к окнам.

Вот охранник открыл двери гимназии, и на чисто выметенную дорожку ступили стройный юноша во фраке и красивая девушка в необычном платье. Другой охранник открыл дверцу взятого напрокат лимузина. Молодой человек помог своей даме войти в салон, сел сам, и машина тронулась. Гимназисты побежали к телевизору смотреть прямую трансляцию бала. И только две девочки не принимали в этом участия. Они сидели каждая в своей комнате и ревели от сознания того, что сами, хоть и по разным причинам, лишили себя даже шанса на то, чтобы ехать сейчас на бал в императорский дворец.

Где-то во дворце императора

Дорогие машины подъезжали к парадному подъезду дворца каждую минуту. Подъезжали, высаживали раздобывших приглашение счастливчиков и тут же уезжали прочь, освобождая место для следующих. Было довольно прохладно, но Алёна не ощущала холода, хоть и была одета лишь в тончайшее вечернее платье. Она поднималась по ступеням крыльца с прямой спиной, гордо подняв голову, снисходительно кивая прислуге, а хотелось скакать и прыгать. Но удержаться от такого пустяка было несложно. Достаточно вспомнить, чего ей стоило не позвонить домой и не рассказать о найденных драгоценностях. Поостыв и как следует подумав, она признала, что Олег прав. И, значит, не стоит искушать отца.

— Я до сих пор не верю, что я сюда попала — шепнула она Песцову. — Кажется, это просто волшебный сон.

— Наслаждайся, пока дают.

— Ты посмотри! Какая красота, какие наряды!

— Подумаешь! — равнодушно пожал плечами Олег, удерживая на лице совершенно неестественную улыбку, больше смахивающую на оскал. — Это всё шелуха. Обдери её — и что останется?

— Какой ты циничный! Фу! Зачем ты вообще на бал поехал?

— Когда император лично вручает тебе именное приглашение, это всё равно, что приказ. А если он еще и напоминает, что приглашение на двоих, значит, один я прийти никак не могу. А так я бы с гораздо большим удовольствием рисовал сейчас какой-нибудь пейзаж. Или тренировался в создании конструкторов. О, главное, от этого действительно была бы польза.

— Да ну тебя!

Алёна обиженно замолчала, но тут же отвлеклась на проходившую мимо даму. Вернее, на её туалет.

Разговаривая, гимназисты прошли через вестибюль и очутились у входа в бальную залу. Их остановил слуга, взглянул на приглашение и в тот момент, когда они проходили через распахнутые настежь двери, объявил:

— Дворянин Олег Иванович Песцов с дамой!

Надрывать глотку, чтобы оповестить всех присутствующих о появлении новых гостей, ему не пришлось. Магия-с!

В имени Росомахиных под Череповцом

Все домашние собрались в гостиной перед экраном большого телевизора. Дочь гордились все без исключения. Еще бы! Умница, красавица, отобрана в элитный класс столичной гимназии, а теперь вот сумела попасть на главный бал империи. Разве не чудо?

Телевизионщики показывали всех прибывающих на бал гостей. На каждого — лишь несколько секунд и пара слов. Но это ерунда. Ведь сейчас добрая половина череповецких дам смотрят эту трансляцию, и каждая из них увидит, на какую высоту чего смогли подняться Росомахины!

Вот камера показала, как из лимузина вышел худощавый юноша с лентой Станислава через плечо.

— Песцов! Песцов! — зашептались младшие дочери.

— Тихо! — шуганула их мать, не отрываясь от экрана. На парня ей было наплевать. Но вот он нагнулся, подавая руку, вот на ковровую дорожку опустилась изящная ножка в остроносой туфельке на длиннющем каблуке, а потом из салона выпорхнула девушка в потрясающем платье, по которому, словно живые, переливались рыжие языки пламени.

Глава рода сдержал грубое слово. Его жена лишь ахнула, прижимая ладонь ко рту. Камера переключилась на кого-то другого, но это было неважно, главное они уже увидели.

В своем кабинете Евгений Росомахин набрал номер начальника службы СБ рода.

— Тревожную группу к самолёту, вылетаем в Питер. Немедленно. Я буду через десять минут.

И кинулся одеваться.

Зазвонил телефон у его супруги.

— Привет, Мариночка. Я все видела! Твоя девочка самая лучшая, правда-правда. Только есть один момент: ты ведь говорила, что родовая парюра утеряна. А что я вижу теперь? Твоя дочка в ней щеголяет? Теперь не отвертишься, вся империя это видела! Ну, что молчишь? Когда делили наследство, её в списке не было. А теперь, значит, объявилась? Готовь деньги, милочка. И помни, я знаю, сколько она стоит на самом деле!

Где-то во дворце императора

В бальном зале было еще шикарней. Больше людей, больше шума, больше блеска.

— Ну как ты можешь быть таким кислым? — теребила Олега Росомахина. — Посмотри только, как здесь чудесно! Я просто на седьмом небе от счастья.

— Ничего, сейчас тебя быстро вернут с небес на землю, — ответил тот. — Погляди на тех вон дамочек. Видишь, как они глядят на твой наряд? С таким видом, словно ты пришла в грязном картофельном мешке. И даже если бы ты была одета в лучшее платье в этом мире, они глядели бы точно так же. Более того, чем лучше ты будешь выглядеть, тем гаже они станут о тебе говорить.

— Но почему?

— Они завидуют. Завидуют тому, что ты моложе и красивее, завидуют твоему наряду и, без сомнения, твоим украшениям. Не сомневайся, они знают настоящую цену таким вещам. И сейчас скрипят зубами от злости и брызжут ядом лишь потому, что у тебя они есть, а у них — нет.

— Что у тебя за талант — во всём видеть только плохое!

— Это называется реализм. Когда-нибудь ты сможешь это оценить, а пока не бери в голову. Просто наслаждайся балом.

Никто не обратил на парочку особого внимания. Неудивительно: кто такой Песцов? Все уже и забыли историю двухнедельной давности. Кое-кто, правда, косился на красно-белую ленту «Станислава» у чересчур молодого юноши и на необычный наряд его спутницы, но это был лишь мимолетный интерес.

Олег фланировал по залу, избегая выходить в середину. Знакомых лиц он, разумеется, не видел, их здесь просто не могло быть. Правда, однажды ему показалось, что впереди мелькнул белый китель господина Пастухова, но встречаться с генералом совершенно не хотелось. Росомахина усмотрела в толпе гостей каких-то дальних родственников. Песцов подвел её к нужной компании, сдал на руки многоюродной тётушке и, условившись забрать её через полчаса, отправился дальше.

В одном из залов, примыкающих к бальному, он среди группы молодых людей заметил знакомое лицо.

— Маша! — узнал девушку Песцов и притормозил.

Девушка тоже заметила одноклассника. Изобразила легкое удивление, чуть улыбнулась и указала глазами на место рядом с собой.

Получив столь явное приглашение, парень решительно направился вперед. Аристократы же освободить дорогу не торопились. Напротив, несколько человек выстроились на его пути плотной группой. Олег попытался их обойти, но они сдвинулись, вновь преграждая ему путь.

— Да, — громко высказался Песцов, не обращаясь ни к кому конкретно, — современная молодежь совершенно забыла о том, что такое манеры и приличия. Что уж говорить о таких мелочах, как честь и совесть. Видимо, современные молодые люди возомнили себя солью земли, а также цветом нации, хотя на самом деле они не более, чем зажавшиеся жлобы.

— Ты что-то вякнул? — свел вместе брови один из парней. Он выглядел постарше других и, судя по всему, числил себя неформальным лидером «золотой» группы.

— Вот и наглядное подтверждение моих слов, — продолжил свою речь Олег. — Полное пренебрежение всеми правилами этикета до единого. Одно слово — бескультурщина.

Парень побагровел.

— Как ты смеешь...

— Ну хватит уже себя накручивать, — оборвал его Олег. — Давайте, вызывайте меня на дуэль, я вас быстренько убью и пойду танцевать. Меня, между прочим, девушка ждет.

— Кто ты такой, чтобы тебя еще на дуэль вызывать? — не унимался «золотой мальчик».

— С этого воспитанные люди, как правило, начинают. Узнают имена друг друга, социальные статусы, положение в обществе и прочее. Вы же, неизвестный мне сударь, хам и невежа.

— Довольно! — вскипел парень. — Дуэль, немедленно!

— Буду счастлив отправить вас на свидание с Предком, — шутовски раскланялся Олег.

Группа молодых людей срулила — видимо, в направлении дуэльной площадки, открыв тем самым доступ к Марии. Та стояла, не в силах сдержать удивление.

— Добрый вечер, Ваше высочество, — поклонился ей Олег. — позвольте засвидетельствовать вам своё почтение. Скажите, у вас еще остался для меня хоть один танец?

— Увы, господин Песцов, вы несколько опоздали.

— А тот нахал, он записан в вашу книжку?

— Да, за ним одна из мазурок.

— Тогда всё в порядке. Я сейчас быстренько отправлю его на больничную койку минимум до утра, и он не помешает нам насладиться совместным танцем.

— Вы редкостный нахал, господин Песцов. Но идемте уже к арене, иначе вас могут посчитать трусом за неявку на поединок.

Каракалова двинулась по залу, рядом с ней — Песцов, а следом — вся остальная молодежь, тусовавшаяся рядом.

— Зачем тебе это было нужно? — зашипела Мария, старательно удерживая лицо и холодно поглядывая вокруг.

— Ну как же? — вполголоса ответил Олег, — Меня пригласила подойти понравившаяся девушка, а эти олухи не дали бы мне не то, что заговорить с ней, но даже приблизиться. И это несмотря на все мои регалии. Я понимаю, что недельной давности события уже забылись. Но Станислав первой степени даже самому простому простолыдину дает

наследственное дворянство. Так что я в любом случае по меньшей мере равен по статусу этим молодым людям. А к правящей семье они не принадлежат, я вчера специально заучивал всех Львовых.

— Но они старше тебя! И наверняка сильнее. По крайней мере, год армейской подготовки чего-то стоит!

— Эх, Маша-Маша, ты забыла как минимум две вещи. Сейчас я о них говорить не стану. Ты просто увидишь всё своими глазами.

В дуэльном зале императорского дворца

Дуэльная арена размерами примерно соответствовала хоккейному корту. Только по периметру её стояло восемь камней знакомой огранки: явно защита зрителей. Кстати сказать, трибуны уже были полны. Даже в императорской ложе было заметно несколько фигурок. Видимо, дуэли и впрямь неслабое развлечение на подобных балах.

Группа молодых оболтусов уже была здесь, беседуя о чем-то с импозантным мужчиной в форме. Олег приблизился.

— Господин Песцов? — обратился к нему мужчина.

— Он самый.

— Надо полагать, вы прибыли для участия в дуэли. Рановато вы начали.

— Спешу выполнить обязательную программу до начала танцев.

— Где ваш секундант?

Олег обернулся.

— И вправду, где? — с деланным удивлением спросил он. — Наверное, его просто нет. А можно обойтись без этой маленькой формальности? Секунданты ведь нужны для согласования правил поединка, а правила вот уже лет сто, как не менялись.

Мужчина поморщился.

— Есть ли у вас кто-то, кто мог бы исполнить эту роль?

— Здесь и сейчас — никого.

— В таком случае, в виде исключения я разрешаю участие без секунданта.

И, обратившись, к обоим, задал обязательный протокольный вопрос:

— Имеется ли возможность примирения сторон?

Олег улыбнулся:

— Я не настаиваю на дуэли, если этот молодой человек принесет мне соответствующие извинения.

— Ни за что! — ожидаемо среагировал молодой человек.

— В таком случае, пройдите на арену.

Олег снял фрак и орденскую ленту. Подумав, скинул и жилет: белый цвет очень марок, а жилет всяко дороже сорочки. Осмотрел себя: блестящие туфли, идеально отутюженные брюки, кипельно-белая рубашка с алмазными запонками и галстук-бабочка. Прекрасно!

Не торопясь, вразвалочку, Песцов прошел на своё место. Огляделся, потопал по земле, слегка размялся и замер, повернувшись лицом к противнику.

Его поединщик не стал тратить время на подготовку. Прямо как был, так и вышел на арену. Встал, сложив руки на груди, и с вызовом глянул на Олега.

— Вы готовы? — Спросил мужчина в форме.

— Готов, — ответил Олег.

— Готов! — выкрикнул его противник.

Восемь помощников в униформе заученными пассажами активировали защитные

артефакты. Запахло озоном. С легким треском над ареной появилась дымчатая плёнка защитного поля.

— Итак, — принялся объявлять мужчина, — состоится дуэль между дворянином Олегом Ивановичем Песцовым и виконтом Борисом Александровичем Ростопчиным. Правила стандартные. Бой продолжается до тех пор, пока один из противников не признает себя побежденным или не сможет продолжать сражаться. Итак...

Он поднял вверх руку.

— Бой!

Из императорской ложи всё было прекрасно видно. Вот махнул рукой распорядитель, давая знак к началу дуэли. Вот Ростопчин в три движения сформировал боевой конструктор. Довольно большой, клоунов на десять, файрбол полетел в Песцова. Тот же стоял, не предпринимая никаких действий.

У Маши сжалось сердце. Но ведь не мог Олег, насколько она его знала, вот так сразу сдаться! Она прикрыла глаза, не желая глядеть на то, что сейчас неминуемо должно было произойти.

Бабахнул взрыв, вокруг взревела толпа. Ведомая любопытством, девушка открыла глаза. Песцов стоял, как ни в чём не бывало, а площадка арены вокруг Ростопчина выглядела изрядно закопченной. Что произошло?

Виконт создал еще один файрбол, метнул. Огненный шар стремительно летел через арену. А Песцов вдруг сделал быстрый шаг в сторону и сильным пинком отправил шар обратно. Через полсекунды файрбол рванул, напорвшись на защиту Ростопчина. Щит не смог сдержать всю энергию взрыва, и на черном фраке появились рыжие подпалины.

Что было дальше, никто не понял. Песцов лишь лениво махнул рукой в сторону своего противника и, повинувшись этому жесту, в сторону Ростопчина метнулись рыжие молнии: Шшурх! Шшурх!

И тут же: Бах! Бах! Бах! — прозвучала одна за другой цепочка небольших взрывов. Виконта окутало облако пыли, сквозь которую пробивались огненные сполохи. Правда, длилось это недолго, не более пары секунд. А когда пыль, повинувшись пущенной всё тем же Песцовым воздушной волне, рассеялась, то всем присутствующим предстал виконт Ростопчин в крайне жалком виде. Полностью дезориентированный, он затравленно озирался по сторонам. Штанины брюк отсутствовали ниже колен, а края ткани были опалены. На спине же превратившегося в лохмотья фрака красовался выжженный на ткани песок.

Трибуны ахнули, и Мария ахнула вместе со всеми. Победитель был очевиден.

Олег вопросительно взглянул на распорядителя. Тот, поморщившись, объявил:

— В поединке чести победил дворянин Олег Песцов!

Хлопнул, отключаясь, купол защитного поля, и гимназист неторопливо пошел туда, где оставил свои вещи.

— Что это было, Песцов? — раздался рядом возмущенный голос Алёны. — Стоило тебя на минуту оставить, как ты уже во что-то ввязался!

— Уймись, Росомахина, — отмахнулся от неё Олег. — Во-первых, еще вопрос, кто кого оставил. Во-вторых, ты не в том статусе, чтобы делать мне подобные выговоры. А в-третьих, рассказывай, что там у тебя случилось?

— Откуда ты...

— Логика. Ну так что?

Олег застегнул смокинг и сейчас тщательно прилаживал орденскую ленту.

— Мама звонила. Они видели нас по телевизору.

— Ну и что?

— Ты не понимаешь. Они видели камни!

— А-а, теперь понятно. Твой папочка уже мчится сюда с группой головорезов, чтобы отнять и увезти фамильную реликвию. Не переживай, у него ничего не выйдет. Живут же люди сиротами. Взять хотя бы меня.

— Как ты можешь так говорить!

Росомахина даже топнула ногой.

— А еще камни видела тётя, мамина сестра. Когда бабушка умерла и делили наследство, она хотела забрать их в счет своей доли, но камней тогда не нашли. Теперь она обвиняет мать в том, что она их спрятала, чтобы не выплачивать её долю.

— Эти разборки, — Олег закончил с орденом и повернулся к девушке, — целиком и полностью внутренние дела вашего рода. Я к ним касательства не имею, и иметь не собираюсь. Но, возможно, эта информация поможет образумить твоего папашу. Спасибо, что предупредила, ибо кто предупрежден, тот вооружен. Кстати, твоя тётка может заслать сюда свою группу захвата?

— Не знаю, но она реально свихнулась на тему этой парюры.

Договорить не получилось: Алёна ойкнула и опустилась в реверансе. Олег обернулся, поклонился.

— Ваше высочество, — произнес он, — позвольте вам представить Алёну Евгеньевну Росомахину, которая любезно согласилась сопровождать меня на этот бал.

— Добрый вечер, Алёна Евгеньевна, — кивнула Мария девушке. — У вас потрясающий наряд. В чем ваш секрет?

— Никакого секрета, ваше высочество. Это всего лишь действие родовых камней.

— Интересный эффект. Вам, безусловно, очень к лицу.

— Благодарю вас, ваше высочество, — вновь присела Алёна.

Мария повернулась к Песцову.

— Олег, ты смог меня удивить. Не забывай, вторая мазурка за тобой.

И она удалилась в сопровождении свиты.

Этот короткий разговор напрочь вышиб из головы Росомахиной и звонок матери, и грядущее прибытие отца.

— Это ведь была сама Каракалова? — округлив глаза спросила она у Олега.

— Ну да, — ответил тот.

— И ты с ней знаком?

— Ну да. А что в этом такого? — ответил Олег вопросом на вопрос.

— И ты ничего мне не сказал?

— А почему я должен тебе об этом говорить? Росомахина, включи мозги, пока мы не разругались прямо на императорском балу. Мне, между прочим, еще предстоит как-то тебя отсюда вытаскивать, причем вместе с камнями. Просто так отдавать их твоему папаше я не собираюсь. А если он решит применить силу, я тоже стесняться не стану. Впрочем, об этом поговорим после. Сейчас мы идем танцевать. Ты готова?

Гости активно потянулись в зал, молодые люди двинулись следом. И едва они успели вернуться, как церемониймейстер объявил:

— Его величество император Петр Четвертый с семьей!

Затрубили фанфары, открылись высоченные двери, и в центральный зал вступил император под руку с супругой. За ним следовали братья с женами и с десятков подходящего возраста молодых людей и чуть более молодых девушек.

Весь зал, все до единого, склонились в приветствии.

Под звуки торжественного марша императорская семья прошествовала к возвышению, на котором были установлены строго ранжированной высоты кресла. Львовы расселись по местам. Гости выпрямились.

— Дамы и господа! — разнесся по залу голос императора, в должной мере усиленный магией. — Согласно многовековой традиции, сегодня состоится...

Олег отключился, размышляя о том, как он будет выбираться из создавшегося положения. Всё сходилось к тому, чтобы отсидеться в своем доме. Хранитель там взбодрился, после вчерашнего визита накопитель заполнен примерно на четверть. Против огнестрельного оружия, и даже против гранатомётов этого вполне хватит. И против магии... тоже хватит, ненадолго. Но есть же еще он сам! Как показала сегодняшняя дуэль, такой прыти от него никто не ожидает. Почему-то не могут местные маги делать настолько маленькие конструкторы, чтобы они, согласно всем законам физики, превращались в магические пули. Или просто не пытаются?

— Ты что, заснул?

Врезавшийся под ребра острый локоток вырвал Олега из потока размышлений.

— Это же речь императора!

Яростное шипение Алёны путало мысли. Олег озлился:

— Вот что, Росомахина: больше я тебя никуда с собой брать не буду. Как только доедем до гимназии, так сразу и разбежимся. И с того момента я буду старательно делать вид, что мы не знакомы.

— ... рождественский бал объявляю открытым! — закончил речь император. А ответные слова Алёны заглушил гром аплодисментов.

Церемониймейстер вышел в центр зала.

— Вальс! — объявил он.

— Сударыня, — с полагающимся поклоном обратился Олег к своей спутнице. — Разрешите пригласить вас на обязательный танец.

— С удовольствием, сударь, — ритуально присела девушка.

Подала руку, позволила вывести себя на более-менее открытое пространство и — раз-два-три, раз-два-три!

В танце, в быстром кружении, платье Алены казалось еще более фантастическим. Порою у Олега возникала ощущение, что он держит в руках девушку, одетую в живое пламя. На них смотрели, ими восторгались, им завидовали. И едва закончился танец, как рядом с Росомахиной выстроилась целая очередь желающих с ней танцевать.

— Добрый вечер, судари, сударыня.

Олег взглянул на подошедшего и поклонился: Алексей, младший сын императора. По

возрасту как раз подходящая пара для Росомахиной, всем хорош. Один изъян — неисправимый бабник. Если верить сплетням в Сети, он активно пользовался своим статусом для охмурения девушек. И, согласно тому же источнику, ни одна не задерживалась у него более, чем на две недели.

— Разрешите представиться: Алексей Львов, — обратился к Росомахиной Алексей Львов.

Разумеется, имя его было и без того было всем известно, но этикет требовалось соблюдать.

— Алена Росомахина, — ответно представилась девушка, хотя и подозревала: прежде, чем подойти, принц узнал о ней всё, вплоть до детских болезней и размера ноги.

— Надеюсь, — Львов-младший обвел взглядом столпившихся рядом кавалеров и вновь обратился к своей добыче, — у вас найдется для меня свободный танец?

Сплавив на несколько минут Росомахину, Олег отошел подальше, чтобы музыка не мешала разговору, достал телефон и принялся подготавливать эвакуацию из дворца. Он даже успел вернуться к окончанию танца, чтобы принять девушку из рук августейшей особы.

Разумеется, её тут же увели снова, но приближалась вторая мазурка, и пора было искать принцессу. Она обнаружилась примерно там же, где и в первый раз. Пила лимонад, принесенный кем-то из воздыхателей, и болтала с девушками из свиты.

На этот раз никто не решился заступить Песцову дорогу.

— Мария, — поклонился он Каракаловой. — Вы обещали мне танец.

По сравнению с Машей, Олег танцевал чудовищно. Но грубых ошибок не делал и на ноги партнерше не наступал — уже хорошо.

— Песцов, ты несносен, — принялась выговаривать ему Каракалова во время танца. Было совершенно непонятно, в шутку говорит она или всерьез. — Ты зачем спровоцировал Ростопчина?

— Ты же сама поощрила меня побороться за танец. Или это было подставой?

— Никакой подставы. Мне просто хотелось увидеть тебя в естественной среде, вне гимназии.

— И для этого ты выбрала зверинец?

— Ха-ха-ха, — рассмеялась Каракалова, — зверинец! Очень метко.

— Но от естественной среды это максимально далеко, — проворчал Олег. — Не ближе, чем гимназия.

Лицо Маши на мгновение отобразило сожаление.

— Не сердись, прошу. Я была неправа, и подобных ошибок больше не допущу.

— Хорошо. Я принял твоё обещание. Но имей в виду: в следующий раз я просто развернусь и уйду.

— Ты слишком серьезен, песец.

— А ты чересчур игрива, степная кошка.

— Что поделать, такова моя натура, — улыбнулась Мария

— А я — по жизни зануда. И еще лентяй и собственник. У тебя есть время до моего совершеннолетия, и ты еще можешь передумать.

— Ты что, уже записал меня в список своего имущества?

— Неудачная шутка. Мои принципы не позволяют считать женщину имуществом. Но я начинаю привязываться к тебе, и мне не хотелось бы разочарований в последний момент.

— Обещаю: если я передумаю, ты узнаешь об этом первым.

— Договорились.

Несколько тактов они танцевали молча, потом Маша не выдержала:

— А как ты смог отбить фэйрбол?

— Ничего сложного. В книге Недольмана есть подходящий бытовой конструкт, магическая резинка. Я его немного доработал и получилось что-то вроде теннисной ракетки с упругой мембраной. Шар взрывается только при контакте с материей, а этой штукой его запросто можно отбить. Оставалось нацепить ее на ботинок и точно попасть.

— Действительно, ничего сложного, если не считать того, что доработкой конструктов занимаются на старших курсах Академии. Но как эффектно!

— Рад, что смог произвести на тебя впечатление, — удовлетворенно произнес Песцов.

Он был с Каракаловой абсолютно честен, и позволил себе лишь немного умолчать. Памятуя о лекции предка, он формировал нужный конструкт сразу на пальцах правой ноги.

В общем, танец удался. Но после него не меньше двух десятков молодых аристократов посмотрели на гимназиста как на опасного конкурента. А конкурентов, как известно, нужно устранять заранее.

Графу Ростопчину доложили о результатах дуэли с некоторым запозданием. Он рванул было на разборки, но тут началась речь императора, потом первый танец рождественского бала... Можно не сомневаться — Петр отметит поведение каждого из приглашенных, и сделает выводы. Поэтому граф не кинулся отрывать голову наглому недорослю сразу. А после поостыл и поразмыслил. Нет, он всё сделает иначе. Пусть двумя часами позже, но наглец получит своё. Надо лишь отдать несколько распоряжений.

Бал шел своим чередом. Миновал перерыв на отдых и перекус, подходила к концу вторая половина танцев. Потом должен был состояться салют, еще одна речь императора и — по домам. Росомахина разошлась, и утешить её с танцев не было никакой возможности. Но во время салюта обязательно нужно будет слинять. Любой ценой. Пусть даже связать поехавшую крышей девку и увести силой. Уже была договоренность со слугами, уже ждало у черного входа неприметное такси. Дело было за малым: вправить мозги одной девчонке.

— Росомахина!

Девушка лениво обмахивалась веером, отдыхая после танца.

— Чего тебе, Песцов?

— Ты ничего не забыла?

— О чем?

— О твоих фамильных камнях.

— А что с ними не так?

— С ними всё не так. Знал бы — выкинул бы в Неву. В итоге всем было бы проще.

— Ты чего? Все же хорошо идет!

— Ага. Идет хорошо, а кончится плохо. Ты забыла, что сейчас по Питеру катаются как минимум две команды элитных бойцов, целью которых являешься ты и твои камни?

— Они не посмеют напасть в столице!

— Вот же дура, прости господи! Им и нападать будет не нужно. Пальнет с крыши снайпер из бесшумной винтовки, соберут с твоего хладного трупика золотишко — и прости-прощай. Так что давай, собирайся и пошли. Пока все будут смотреть в небо, самое время смотреть в будущее.

— Песцов, ты что, не дашь мне увидеть салют?

— Не дам. Впрочем, пожалуйста: снимай парюру и вали. Без камней ты нафиг никому

не нужна.

— Я никуда не пойду! И вообще, мне Лёша обещал показать салют с крыши дворца.

— Что, Львов для тебя уже Лёша? Поди, уже и сама во Львовы захотела, императрицей себя представила? Так я тебя разочарую: ему ты без фамильных рубинов тоже никуда не упёрлась. Пошли, говорю!

— Не пойду!

— Тогда пиши. Вот тебе бумага и ручка. Я, Росомахина Алёна Евгеньевна, снимаю с Песцова Олега Ивановича ответственность за свою жизнь и здоровье. Написала? Хорошо. Пиши дальше: а также за утрату девства.

— Ты что, в своем уме?

— Еще как в своем. Думаешь, куда тебя Львов после крыши потащит? Этот самец добычу из когтей не выпустит, пока не наиграется. Ну что, написала? Замечательно. С новой строки: в случае утери мной взятых у Песцова Олега Ивановича родовых камней Росомахиных, о чем составлена расписка от... число поставь сегодняшнее... и невозможности вернуть их в оговоренное время, мой род обязуется выплатить Песцову Олегу Ивановичу миллион рублей в качестве компенсации за неисполненные обязательства.

— Ты что? Какой миллион?

— Обычный. Ты что, не знала, сколько эта парюра стоит? Даже в Сеть не глянула? А у меня миллионы по карманам не валяются. Я, если помнишь, полунищий сирота. Подпись поставь и дату. Все, давай бумагу сюда и вали к своему Лёшику. Счастливо пообжиматься.

— Ты что, Песцов, ревнуешь?

— Да мне чихать на тебя! Но я тебя из гимназии забрал, и должен обратно доставить в целости и сохранности. А там, как только камни вернешь, вали на все четыре стороны, я за тебя больше не отвечаю. Всё, я пошел.

— погоди, а я?

— А ты — на крышу, к своему принцу. Потом матушке в подоле львеночка принесешь. Кстати, вот и он, чтоб ему провалиться. На то, чтобы убежать у тебя осталось ровно десять секунд. Ну? Девять, восемь...

Олег уже практически смирился с поражением. Росомахина колебалась, и колебаться могла еще долго. А время истекало.

— Семь...

— Беги, девонька, — прошамкал рядом старческий голос. — Беги, спасай свою честь и честь своего рода.

Совершенно незнакомый старик, оказывается, слышал весь их разговор и посчитал нужным вмешаться. Песцов глянул на деда с благодарностью и постарался запомнить лицо. При случае, оплатит добром.

— Пять, четыре...

— Пошли.

Алёна, наконец, приняла решение. Скинула туфли — хоть на это мозгов хватило — и, ухватив Олега за руку, побежала вместе с ним в противоположный от принца конец зала.

Они нырнули за портьеру, скользнули в дверь для прислуги. Проскочили через комнату, потом еще через две и Олег с облегчением увидел, наконец, поджидающего их слугу. А где-то позади слышался голос Львова:

— Алёнушка! Сладкая моя!

Алексей Львов был взбешен: девушка, которую он наметил себе на этот вечер, исчезла.

Хотя он был красноречив и обольстителен, как никогда. И девчонка, казалось, вполне уже поддалась его обаянию, и согласилась смотреть салют с крыши. Ну а там до его спальни буквально два шага, у нее просто не было бы шансов ускользнуть из ловушки. Разумеется, через недельку он бы эту Алёну отпустил. Разумеется, без её удивительных камней. Какие-то там Росомахины не посмели бы даже вякнуть против императорской семьи. Отец бы, конечно, поругался, но мать бы его, как и в прошлые разы, утихомирила. Но где добыча? На полу, на том месте, где он видел её в последний раз, валялась пара женских туфель. Она что, издевается? Хочет в Золушку поиграть, стерва? Ну нет, она от него не уйдет. Не сегодня!

Слуга быстро шагал по коридорам служебной части дворца. Гимназисты следовали за ним. И все было хорошо до тех пор, пока не пришло время выйти на улицу. Часть парка, где проходил бал, была укрыта магическим куполом, под которым поддерживалась комфортная температура. Здесь же царствовала питерская зима, и Алёне предстояло пробежаться босиком по снегу примерно двести метров до маячившего за оградой такси.

Фрак лег на обнаженные плечи девушки, пятидесятирублевая купюра отправилась в карман слуги.

— Ну что, росомаха, побежали?

— Побежали, песец.

Им почти удалось. Они даже успели миновать пост у калитки — приглашение на бал сработало пропуском и на вход, и на выход. Беглецы уже садились в такси, как позади раздался рёв обманутого принца:

— Стоять! Охрана! Задержать этих двоих! Именем императора! Покушение на жизнь наследника!

Охранники бросились было к машине, но Олег мгновенно сотворил конструкт и плеснул служивым под ноги водой. В следующее мгновение приличных размеров площадка в районе поста охраны оказалась покрыта идеально гладким льдом. И пока преследователи медленно скользили под уклон вниз по пешеходной дорожке, захлопнул дверцу таксомотора.

— Шеф, гони. Плачу вдвойне.

— Куда ехать-то? — обернулся таксист.

— Езжай...

Олег осёкся. Свой адрес он еще не выучил.

— Где безумный дом знаешь?

— Тот, что боярин Троицкий строил? Знаю, конечно.

— Вот туда.

Где-то в Санкт-Петербурге

Мужчина в неприметном седане поднес к губам рацию:

— Песцов с девушкой сел в такси у служебного входа. Направляются вдоль Невы.

— Понял. Двигайся следом.

Мужчина завел мотор и тронул машину с места.

Недалеко от ворот Санкт-Петербургской гимназии для одаренных стояло три темно-серых наглухо тонированных минивэна. В каждом из них помимо водителя находилось шестеро бойцов в полной экипировке. Что предстоит сделать, понимали все. Ждали только сигнала.

— Господин!

Один из бойцов поднял голову от планшета с картой города.

— Ваша дочь покинула дворец.

Над крышами небо расцветилось фейерверком.

— Вот как? Не стала дожидаться окончания бала? Разумно. Что ж, скоро мы её увидим.

— Она движется в противоположную от гимназии сторону.

Что случилось? В голове главы рода Росомахиных начали стремительно прокручиваться варианты. Её похитили? Она отправилась на частную квартиру к какому-нибудь лоботрясу? В любом случае, нужно было реагировать.

— Одна машина на всякий случай остается здесь. Остальные на перехват сигнала.

Два микроавтобуса сорвались с места и полетели по ночному городу туда, где на карте двигалась, мигая, отметка маяка.

— Госпожа, они куда-то рванули! — доложил боец одетой в камуфляжный костюм женщине. — Одну машину оставили здесь на дежурстве.

— Видимо, что-то узнали, — задумчиво произнесла женщина.

Нескольких секунд ей хватило для принятия решения.

— Вперед, за ними.

Еще два мини-вэна рванули следом.

— Где они? — кричал Алексей Львов. — Упустили? Дармоеды!

Охранники попытались было встать, как полагается уставом, но подняться даже на четвереньки было затруднительно. До края ледяного поля оставалось три метра неторопливого скольжения.

— Вы все уволены! Машину мне!

Принц кинулся к калитке и с неизбежностью ступил на лёд.

Кожаная подошва дорогой обуви скользит прекрасно. Ноги "охотника" взлетели вверх, а тело, напротив, рванулось вниз. Львов успел увидеть стремящиеся к небу носки туфель, и тут его голова пришла в соприкосновение с землёй. Бесчувственное тело младшего сына императора следом за охранниками плавно заскользило вниз по пешеходной дорожке.

Таксист гнал. То есть, ехал настолько быстро, насколько это было возможно в большом городе с соблюдением всех правил. И, как бывает всегда при сильной спешке, все светофоры на пути загорались красным светом.

— Стреляют, что ли? — спросил водила.

Где-то позади прозвучали сухие щелчки, и вправду похожие на выстрелы. Олег прислушался: вроде, тихо.

— Да вряд ли, кому мы нужны.

— Ну не скажите, кому-то нужны. Кто-то же за вами бежал, раз девушка даже туфли потеряла.

Таксист поймал в зеркале заднего вида взгляд Алёны и подмигнул ей.

— Вы, барышня, сняли бы свои камешки. Уж больно ярко светятся. Сейчас, ночью-то, издалека будут видны.

Песцов ругнулся про себя: очевидная же вещь! Росомахина же ойкнула и стала поспешно снимать с себя драгоценности. Видимо, работали они только вместе. Едва перстень соскочил с пальца, как эффект пламени исчез. Теперь на заднем сиденье машины сидела не загадочная и прекрасная покорительница мужских сердец, а испуганная юная барышня в бледно-розовом платье. В общем, на этом можно было бы и остановиться, но Алёна старательно сняла все украшения, включая серьги. Передала горсть драгоценностей Олегу и уселась в позе примерной школьницы, опустив голову и положив руки на колени. Песцов же, бормоча под нос ругательства, принялся распахивать части парюры по тесным карманам, надеясь, что они не изомнутся и не потеряются. Ведь отсутствие даже одной детали фатально для всего комплекта.

Волевым усилием заглушив голос жабы, Олег принялся глядеть в окно машины. Ночной Петербург — прекрасное зрелище, но ему сейчас было не до того. Сперва они окажутся в безопасности, а уже потом он сможет расслабиться.

— А все-таки гонятся за вами, — выдал вдруг таксист. — Далеко пока что, но минут через пять догонят.

Песцов обернулся. Улица в этом месте шла под уклон, и было хорошо видно, как летят, перестраиваясь из ряда в ряд, два темных автомобиля.

— Наверное, это папа! — обрадовалась девушка.

— Точно? Или это твоя тётка?

— Точно, вон гербы Росомахиных на боках!

Олег огляделся по сторонам.

— Шеф, останови здесь. Пусть девочку родитель забирает. Вот тебе за беспокойство. Алёна, верни фрак.

— Твой дом там, — махнул таксист на ту сторону Невы. Перейдешь реку, и еще два квартала прямо по улице.

Таксист остановился, как было велено: у спуска к Неве. Песцов сбежал по ступенькам, на ходу натягивая фрак, и присел в густой тени за парапетом. Насторожился, прислушиваясь к звукам наверху.

Вот с визгом шин остановилась машина. Вот затопали тяжелые армейские ботинки. Клацнул замок двери.

— Уй — голос таксиста. — Вот нахрена бить? Я и сам... Уй!

— Здесь только девка! — раздался деловитый доклад.

— А пацан где? Искать! — отдал приказ другой голос, посолидней и потверже.

Это были явно не Росомахины. И нужен им был именно Олег. Кто? Очевидно: Ростопчины. Больше он никому не успел оттоптать мозоли. Бежать уже поздно, заметят. Придется принимать бой здесь. Ну так что ж, резерв полон. Если повезет, двоих-троих он завалит в первую секунду. А потом — на удачу. Все зависит от того, сколько людей в числе нападавших.

Песцов напрягся, готовясь выскочить из укрытия, и тут наверху снова завизжали шины.

— Всем лежать! Мордой в землю! Бросай пушку! Бросай, говорю!

На этот раз людей наверху прибыло больше, и предыдущую партию нападавших обезоружили буквально за пару секунд.

Открылась дверка такси.

— Господин Росомахин, Алена здесь, с виду в порядке.

— А парень? Камни?

— Никого нет.

— Ведите её...

Господин Росомахин не закончил приказ. Снова завизжали колеса, только на этот раз никто не выскакивал, никто ничего не приказывал. Подъехавшие просто и незатейливо принялись поливать из автоматов всех подряд. Закричали раненые, началась ответная стрельба.

Самое время было валить. Именно сейчас, пока все заняты перестрелкой, Олег должен успеть перебраться через Неву. А там — ищи ветра в поле.

— Ай! Мамочка!

Это уже Росомахина. Вот что за девка? Сплошные проблемы! Лучше бы взял с собой ту блондинку, Снежану. Она, конечно, не слишком умна и чересчур самоуверенна, но чутье у нее прекрасное. Что на выгоду, что на опасность.

Олег осторожно выглянул. Выстрелы стали реже, но в дверке такси было видно несколько пулевых отверстий. Сейчас бы выдернуть девчонку из машины, да бежать с ней сломя голову через Неву. Но далеко ли она убежит зимой, в бальном платье и босиком? А до дома не меньше километра по снегу и через сугробы. Что же делать?

Один из микроавтобусов перегородил таксомотору дорогу. Но при желании, если наплевать на зеркала, можно было вырулить по тротуару. Вот только сперва нужно попасть в машину. Ползти — не самая лучшая идея: стреляли, по большей части, по низу, и нарваться на пулю в таком варианте было проще всего. Оставался лихой бросок с надеждой на удачу. И ещё на то, что за грохотом выстрелов, матюками и криками его заметят не сразу, и он получит хотя бы метров пятьдесят форы.

Чего уж там говорить: было страшно. Олег начал отсчет сам для себя: три, два, один. Пошел! И рванул вперед, очертя голову.

Ему чудовищно повезло: мотор у такси работал, и водительская дверь была приоткрыта. Песцов прыгнул на сиденье, и тут ему повезло в третий раз: коробка-автомат была практически такой же, что и на его старом «Опеле» в другом мире. Только буквы русские.

Песцов передвинул ручку коробки на букву «Г», обозначавшую, по-видимому, городской режим. Утопил в пол педаль газа. Закрутились впроворот колёса, завизжала резина. Машина довольно резво взобралась на поребрик и рванулась вперед по пустынному

тротуару, пару раз хряпнувшись правым бортом о гранитный парапет. Не было слышно ни криков, ни выстрелов. Все заглушал рев мотора.

— Росомахина, ты как? Цела? Не ранена?

— Вроде, нет.

Голос у девушки дрожал, она была, как минимум, напугана.

— Кто это был?

— Бандиты, конечно. Сама ведь слышала, камни искали.

— И что теперь будет?

— Не дрейфь, прорвемся.

Ни с того, ни с сего разлетелось вдребезги левое зеркало. Стреляют!

— Росомахина! Ложись на пол между сиденьями и не поднимайся, пока не остановимся. Ясно?

— Ясно.

За спиной зашевелилось, потом затихло.

— Все, легла?

— Угу.

Тук! Тук-тук-тук!

В багажник принялись впиваться пули. Разошлось трещинами заднее стекло, сделав бесполезным центральное зеркало. Кто там сейчас за ним гонится? Кто стреляет? Теперь уже не увидеть, не понять.

Скорей бы уж мост. Черт, светофор! Не успеть, он вот-вот переключится на красный. Но останавливаться нельзя, это — смерть. Олег вдавил кнопку клаксона, отчаянно замигал фарами, стараясь привлечь внимание водителей, и под возмущенное бибиканье других машин лихо повернул направо, лишь взвизгнула позади Алёна.

Первыми на старт Песцова отреагировали неизвестные налетчики. Короткая команда:

— Догнать!

И неизвестные бойцы, расчетливо подавляя росомахинских гвардейцев и прикрывая друг друга, запрыгнули по машинам и рванули следом.

— Доложить о потерях! — потребовал Росомахин, едва прекратилась перестрелка.

— Четверо раненых, трое убитых.

— Где Алёна?

— Очевидно, в такси.

Вот же гадство! Кулак главы рода оставил на металле минивэна солидную вмятину.

— Двое остаются здесь, помогают раненым и ждут полицию. Четверо со мной.

Евгений вытащил из-за руля тело убитого водителя и сел на окровавленное сиденье. Двигатель работал без перебоев.

— Все внутри! — доложил боец.

— Тогда вперед.

И Росомахин ударил по газам.

Чудом уцелевший водитель такси, услышав, что стрельба прекратилась, поднял голову. Два человека в экипировке с гербами перевязывали раненых. Недалеко от него лежали связанные налётчики из первой партии, до них никому не было дела. Таксист еще раз огляделся и подполз к ближайшему. Запустил руку в карман, в другой и вскоре вытащил солидную пачку денег. Обшарил второго, третьего. На его лице появилась улыбка: на новую машину точно хватит. Быстро засунув деньги за пазуху, он откатился в сторону и,

убедившись, что никто на него не смотрит, юркнул за парапет.

С завыванием сирен подлетело несколько патрульных экипажей. Перекрыв улицу и полукругом охватив место недавней битвы, полицейские выскочили из машин и навели табельные пистолеты на лежащие на асфальте тела.

— Всем оставаться на своих местах! Бросить оружие и выходить по одному!

— Эй, палисандр, ты бы уже определился: выходить или оставаться на месте, — раздался голос из-за темно-серого тонированного минивэна. — Лучше скорую помощь вызови, штук шесть машин. И труповозку.

Светофор на выезде с моста горел красным. И машины впереди собрались — не прорваться. Проскочить по встречке тоже не выходило. Оставалось только выпрыгивать из машины и бежать-таки через город голяком и босиком. Олег затормозил. Сзади послышалось трепыхание — Росомахина. Девочка четко выполнила инструкцию: лежать, пока такси не остановится.

— Алён, глянь назад. Есть кто?

— Нет, пусто.

— Ну хорошо, тогда сидим. Посматривай пока. Если те появятся — говори, будем уходить огородами.

— Хорошо.

Песцов нервно смотрел на светофор, Росомахина — назад. Наконец, загорелся зеленый. Очередь машин лениво тронулась с места. Тронулся и Олег. Повернул, перестроился в левый ряд и принялся разгоняться. Погони, вроде, пока не было видно, но медлить не стоило. Враги могут появиться в любой момент.

Песцов ждал атаки сзади, поэтому не сразу среагировал, когда из идущей по встречной полосе машины высунулась рука с пистолетом.

Бах! Бах! Бах! Бах!

Несколько выстрелов прозвучали один за другим. Одна из пуль пробила переднее колесо, другая что-то повредила в моторе. Машину закрутило по дороге, в салон потянулся дым. Олег пытался крутить руль, тормозить — бесполезно. В какой-то момент машину вынесло на разделяющий полосы бордюр и она, проскрежетав по бетону, остановилась. К счастью, двери не заклинило. Песцов выскочил наружу, выдернул девушку и потащил её за собой.

В потоке летящих по встречке машин образовалась пауза. Беглецы перебежали на другую сторону улицы. Фрак снова переключал на плечи Росомахиной. К сожалению, на ноги надеть ей было нечего.

Олег встряхнул спутницу:

— Ты цела?

Ответа он не дождался. Очевидно, девушка была в шоке. Беглый осмотр показал, что критических повреждений нет, синяки и ссадины не в счет.

— Бежим!

И Песцов снова потащил Алёну по улице. Нужно было не только убежать от всевозможных бандитов, которые внезапно решили, что нынче ночью других целей для разбоя и грабежа во всём Питере нет. Еще было необходимо как можно быстрее попасть в тепло. Олег и сам изрядно подмерзал. Что уж говорить о девушке в рваном вечернем платье на босу ногу?

Мало-помалу к Алене возвращалась возможность соображать. И теперь она бежала уже

сама, но ладонь парня всё равно не выпускала. Ощущение руки человека, явно знающего, что делать, добавляло ей уверенности в себе и надежды на благополучный исход. На бегу Олег мысленно возносил благодарности учителю физкультуры, безжалостно гонявшему всю элитную группу в целом и его в частности. Пожалуй, в Воронеже он бы не потянул такую перебежку. Да что там! Он бы и такси угнать не рискнул бы.

Евгений Росомахин глядел из окна микроавтобуса, как на другом берегу Невы полыхает издырявленное пулями такси. И в планшете отметка трекера, показывающая местоположение его дочери, находилась как раз в том самом месте. Глава рода скрипнул зубами: сейчас не время поддаваться слабости. Впереди, у въезда на мост, была жуткая авария. Два минивэна неизвестной группы не смогли проскочить на красный и устроили совершенно непроезжий завал. Кто-то из тех бойцов остались в своих машинах, зажатые смятым металлом. Но двоих из тех, кто сумел выбраться наружу, росомахинские гвардейцы аккуратно упаковали и уложили отдохнуть на полу своей машины.

Росомахин взял в руки рацию.

— Третий, ответь первому.

— Третий в канале.

— Как обстановка?

— Все тихо.

— Добро. Сейчас снимайся и поезжай к Неве по координатам трекера. Задача — осмотреть на набережной сгоревшую машину такси. Оставайся там, я подъеду, как только смогу.

— Выезжаю. Отбой.

Росомахин убрал рацию и плавно тронул машину с места. Теперь спешить было уже бессмысленно.

— Вот они, — раздался позади крик.

Олег оглянулся, оценил преследователей. Четверка мужиков и с ними какая-то тетка. Все с оружием. Далековато, метров пятьдесят. На такое расстояние он еще не пробовал метать конструкторы. Но и для прицельной стрельбы из пистолета далековато. Значит, надо поднажать. По его прикидкам, до дома оставалось пробежать лишь пару кварталов. Но зачем изображать из себя мишень на пустой улице, когда можно попытаться срезать через двор?

Воронежский авторитет был ужасно зол: телефонный звонок выдернул его из-за праздничного стола. Звонил местный коллега, а это могло означать только одно: проблемы с тем пацаном.

— Нападение на твоего подопечного, — коротко обрисовал местный злодей. — Сейчас он уходит дворами к своему дому. Запиши адрес. Следом пятеро со стволами. Моих близко нет. Я, конечно, пошлю ребят, но им добираться не меньше пятнадцати минут.

— Мои ближе. Спасибо за помощь.

— Ты её оплатил, — хмыкнул коллега и отключился.

Бугай и Бритый тоже были не слишком счастливы. Но приказ шефа есть приказ шефа. И если даже ты в этот момент находишься в совершенно неудобьсказуемом положении, изволь идти и сделать. И вот теперь они рысью топали на указанный адрес. Задача — отследить пацана с девкой и отсечь погоню.

Усталость наваливалась все сильнее. Пусть и на морозе, но нужно было хоть чуть-чуть отдышаться. Хорошо было бы забежать в подъезд, там и теплей, и обороняться проще: сразу впятером враги не полезут, а с одним-двумя Олег вполне может потягаться. Но все подъезды,

как назло, были с кодовыми замками. Один из дворов, куда они с Алёной попытались забежать, и вовсе был огражден решетчатой изгородью. Вот же: мир другой, а нравы всё те же.

В конце концов Олег завернул за угол одного из домов. Выждал несколько секунд, выглянул: дистанция двадцать метров, оптимум.

Пи-и-иу!

Разом стартовало два десятка конструкторов. Двое упали, вокруг остальных вспыхнул на миг контур магического щита. Но эта стычка несколько напугала неизвестных бандитов. Они тоже отскочили за угол. А Олег, схватив за руку Алёну, понесся дальше.

Девушка бежала на чистом упрямстве. Ни рук, ни ног она уже не чувствовала.

— Все, почти прибежали, еще сто метров — и в безопасности.

— Ххорр...

Замерзшими губами она не смогла выговорить слово полностью. Но бежать пока ещё получалось. Под ноги попала какая-то кочка. Алёна споткнулась и плашмя полетела на снег, обдирая локти и колени о колючие кристаллы. Это падение, наверное, её спасло.

Бах! Бах!

Сзади раздались выстрелы.

Над головой что-то тоненько свистнуло. И тут же оглушающее: Пи-и-иу!

Кто-то сильно потянул за руку.

— Вставай, мы почти на месте! — сказал знакомый голос.

Девушка собрала остатки сил, поднялась на ноги и побежала. Вернее, это ей казалось, что бежала. На самом деле, она брела, едва переставляя ноги.

Росомахина упала. Видимо, у девчонки совсем закончились силы. Но и тащить на себе Олег её бы не смог, он тоже вымотался почти до доньшка. Хотя... есть же конструктор, уменьшающий вес! Лизка его все-таки показала, а он запомнил и отработал. И тут позади начали стрелять. Вот же сволочи!

Воздушный конструктор с одним квантом маны, судя по глубине отверстия в бетонной стене, соответствовал примерно пуле из АКМ. Такой же конструктор с полуклоуном энергии, наверное, был эквивалентом гранаты из РПГ. Существовал магический щит или нет — после одновременного попадания десятка конструкторов от преследователей осталось лишь разбросанные вокруг куски тел.

Алёну удалось поднять. Каким-то чудом она еще могла передвигаться, но и до калитки оставалось не больше десяти метров. И тут Олег почувствовал взгляд. Холодный взгляд профессионального убийцы, глядящего ему в спину. Он мгновенно обернулся и сразу их узнал: на другой стороне улицы стояли двое с пистолетами в руках. Те самые качки, что ловили его в Воронеже, у входа в Магический Архив. Реакция была мгновенной:

Пи-и-иу!

Два обезглавленных тела рухнули в снег. И Росомахина тоже рухнула, видимо, окончательно потеряв сознание. Все-таки конструктор уменьшения веса сегодня пригодится.

Глава 26

Евгений Росомахин уладил все дела с полицией и с целителями. Погибшие будут похоронены на родине, раненые — излечены за счет рода. Оставалось одно, самое важное и, возможно, горестное. О предполагаемой гибели дочери не хотелось даже думать. Но пока что все говорило за это. Даже погасший значок трекера на планшете. И когда по рации пришел вызов, он не сразу нашел в себе силы ответить, страшась услышать черную весть. Но, все-таки собрался, взял в руки микрофон и нажал кнопку передачи.

— Первый третьему!

— Первый здесь.

— Осмотр такси обнаружил обгоревшие детали сотового телефона. Человеческих останков не найдено.

С души упал камень весом с хорошую гору. А командир третьей группы продолжал докладывать:

— Рядом с машиной обнаружены характерные следы. Отправил тройку бойцов проверить. Жду результаты в течении получаса.

— Понял, за полчаса я к вам подъеду. Благодарю за службу!

Глава рода отключил связь, не дожидаясь полагающегося по форме ответа. Спешить нужды не было, но он всё же поэнергичней надавил на газ, и минивэн шустро побежал по пустым улицам выстуженного предутреннего Питера.

Двери особняка открылись сами, едва Олег поднялся на крыльцо. Он шагнул вперед и едва не застонал от блаженства: тепло!

— Хранитель!

— Слушаю, хозяин.

— В списке нежити, кажется, была горничная?

— Да, хозяин.

— Буди. Готовь одну из гостевых комнат, и в ней теплую ванну для девушки. И пусть домовый поглядит в вещах прежних жильцов что-нибудь подходящее для нашей гостьи. Мне — домашнюю одежду, камин, ужин, постель.

— Будет исполнено.

Через пару секунд тело Алёны поднялось из его рук и плавно поплыло по коридору.

— Горничная!

— Слушаю.

Алёна зависла в воздухе. Вышла этакая сюрреалистическая картина в духе лучших иллюзионистов XX века.

— Поступаешь в распоряжение девушки на все то время, пока она гостит в моем доме. Забота о её здоровье тоже входит в твои обязанности.

— Я всё сделаю, хозяин!

Ну вот, основные распоряжения отданы. Можно расслабиться и даже отдохнуть.

Росомахин остановил минивэн рядом с машиной третьей группы, невдалеке от еще дымящегося такси.

— Что с поисками?

— Жду людей с минуты на минуту.

— Хорошо, подождем.

Тройка бойцов вынырнула из предутреннего сумрака. Евгений ответил на приветствие главе рода и с нетерпением приступил к расспросам.

— Господин, судя по всему, ваша дочь вместе со своим спутником двигались в известное им убежище. Их преследовали несколько человек. Беглецы отбивались и, насколько можно судить, успешно. Вся группа преследователей уничтожена. Возле дома их ожидала засада, но тоже безрезультатно. И девушка, и сопровождавший её молодой человек благополучно добрались до дома.

— А чей дом?

— На фронто́не крыльца герб Песцовых.

Особняк Песцовых в Санкт-Петербурге? Росомахин подзавис, размышляя.

— Добро. Я еду туда, а вы разберитесь с нападавшими. Кто, откуда, зачем. Ну, вы знаете. И трофеи, если они будут.

В особняке рода Песцовых

Темно-серый минивэн с гербом Росомахиных на борту остановился перед литыми чугунными воротами. За ними, отделенный от шумного проспекта приличных размеров парком, стоял трехэтажный особняк, построенный в духе позапрошлой эпохи. Красивое здание, даже изящное. Евгений и сам бы не отказался пожить семьей в таком вот домике. Его череповецкое владение было, пожалуй, поскромнее. А тут этакий домина, да в центре Петербурга, да с парком... Бешеные деньги! Знать, Песцовы не так уж бедны, как это принято считать.

В окнах было темно. Логично: беглецы благополучно добрались и легли спать. По-хорошему, надо бы подождать утра, а лучше — рассвета. Но... там его дочь! И этот Песцов. Маловероятно, что после таких приключений у них достанет сил на что-нибудь этакое. Но отцовский инстинкт был сильнее, и Росомахин вышел из теплой машины на улицу. Поежился от пронизывающего ветра, поглядел на снег, ища те самые специфические следы. И нашел: отпечатки узких девичьих ступней. Этот Песцов, он что, девку босиком поволок? Евгений решительно толкнул калитку и зашагал по дорожке к парадному крыльцу.

Перед солидной дубовой дверью он задержался, поискав глазами кнопку электрического звонка. Не нашел и стукнул привешенным на шарнире молотком с наверху в виде не то лисы, не то еще кого в начищенную латунную пластину. Вышло неожиданно громко. В тот же момент отворилась дверь и на пороге воздвигся — иначе не сказать — дворецкий в одежде времен постройки дома.

— Что вам угодно, сударь? — строго спросил дворецкий.

— Мне угодно войти.

— Прежде назовите своё имя.

Росомахин подумал, что требование слуги вполне уместно. Он и сам бы не пустил в дом незнакомца, тем более ночью.

— Евгений Росомахин.

Кажется, слуга несколько смягчился. Он отступил в сторону, впуская позднего гостя.

— Насчет вас хозяин дал мне указания. Входите и следуйте за мной. Оружие оставьте в прихожей. Не бойтесь, его никто не возьмет.

— Со мной мои люди.

— О них мне хозяин никаких распоряжений не давал. Думаю, они вполне могут провести несколько часов в машинах. Или, если невмоготу, воспользоваться любой ближайшей гостиницей. Вы вольны войти в дом или остаться со своими ратниками.

Евгений, поколебавшись, отдал по рации приказание и вошел. Скинул разгрузку и бронежилет, вынул из набедренной кобуры пистолет, снял с пояса ножны с ножом. Но дворецкий не торопился вести его в дом.

— Оставьте оружие, — повторил он. — Иначе вам придется уйти.

Росомахин скривился, достал из потайного кармана малокалиберный пистолетик и добавил его в общую кучу.

— Вам напомнить, где и что у вас находится? — спросил слуга.

Евгению в его интонации почудилась издевка. В кучу оружия и амуниции легло еще два ножа.

— Прошу вас, — приглашающим жестом повел рукой дворецкий и сам пошел впереди, показывая дорогу.

Он привел гостя в небольшую гостиную, отделанную в нежных кремовых тонах.

— Могу я увидеть вашего хозяина? — спросил Росомахин.

— Разумеется. Но не прямо сейчас. У него сегодня выдались тяжелый вечер и еще более тяжелая ночь. Он лег только час назад и велел не будить его по меньшей мере до утра, а лучше до рассвета, разве что придет посланец императора.

— Тогда скажите: моя дочь находится в этом доме?

— Да.

— Но с ней-то я могу увидеться?

— Разумеется, но не прямо сейчас. Она отдыхает. У нее было сильное переохлаждение, бедняжка уснула прямо в ванне. Думаю, будить ее ради вашей прихоти было бы чересчур жестоко.

— В таком случае, может, вы раскроете секрет: какие распоряжения отдал ваш хозяин на мой счет?

— Никаких секретов, господин Росомахин. Вы вольны дожидаться его в этой гостиной. Здесь бар с напитками. Если потребуется перекусить — вот шнурок для вызова прислуги. Если захотите прилечь — к вашим услугам этот диван и целая стопка пледов. И постарайтесь никуда не выходить из гостиной. Удобства вот за этой дверью.

Евгений посмотрел туда, куда указывал слуга. А когда повернулся обратно, в комнате уже никого не было. Галлюцинации?

Побродив по комнате, Росомахин открыл бар, оценил выбор и качество напитков, закрыл. Пить сейчас не стоило. Есть тоже не хотелось. Зато усталость накатывалась с каждой минутой всё сильнее. Он позвонил жене, успокоил её, потом плюнул на всё, скинул берцы, улегся на диван, укрылся первым попавшимся пледом и через минуту уже спал.

Как было здорово после ужаса ночной погони, после сумасшедшего бега босиком по зимнему Петербургу, проснуться в тепле, на большой мягкой кровати, на белых простынях и под толстым одеялом. Алёна потянулась, прислушалась к себе. Конечно, бесследно вчерашняя пробежка не прошла. Местами болело, местами саднило, но в целом все было удовлетворительно. Полчаса у целителя — и она будет как новенькая. Последние минуты прошлой ночи она помнила уже смутно. Кажется, Песцов привёл её в какой-то дом. Главное — в нем было тепло! Что было после, она помнила скудно и отрывочно, будто во сне: мягкие руки умелой горничной, горячая ванна, выгнавшая из тела остатки холода, любимый шампунь с ароматом луговых трав и теперь вот это замечательное пробуждение.

За окном уже рассвело. Ради разнообразия, в первый день нового года солнце решило порадовать жителей столицы ярким светом. Алёна села на кровати, босые ноги зарылись в

мягкий пушистый ворс ковра. Она подбежала к окну, раздёрнула шторы: красота! Какой потрясающий вид! Соседние дома невысоки, и не закрывают панорамы. Везде снег. Он искрится, блестит, и от того всё вокруг делается ярким и радостным.

От созерцания девушку оторвал осторожный стук в дверь.

— Алёна Евгеньевна, хозяин просит вас одеться и спуститься в столовую. Через полчаса подадут завтрак.

— Хорошо, передайте своему хозяину, что через полчаса я буду.

— Спасибо, я передам Олегу Ивановичу.

До Алёны слова слуги дошли далеко не сразу. Она всю плескалась под душем, и тут только сообразила: Олег Иванович — это же Песцов! Что получается? У простого гимназиста такой домина посередь столицы? И он еще говорил о нищете и сиротстве?

Два главы родов сидели в гостиной, в мягких удобных креслах и вели непринужденную беседу. То есть, так казалось. На самом деле между ними шел жесткий торг. Обе стороны уже неоднократно обозначили свою позицию, изложили свои аргументы, и теперь заходили на следующий круг.

— Миллион, Евгений Павлович. И это еще по нижней планке. Вы прекрасно понимаете что выставь я эту парюру на аукцион, то вполне могу получить в полтора, а то и в два раза больше.

— Но у рода Росомахиных сейчас нет таких денег! Нам и поездка дочери на бал далась тяжело.

— Ничего. Деньги же поступают регулярно? Ну вот. Постепенно расплатитесь. Мы с вами составим договор, в котором зафиксируем цену, и как только вся оговоренная сумма поступит ко мне на счет, я в тот же день передам вам камни. Я могу даже подписать обязательство не продавать эти драгоценности никому другому, если вы сами не откажетесь от покупки.

— Но выплаты такой суммы могут длиться и десять, и двадцать лет!

— Ничего, я имею возможность ждать.

— Зато я, боюсь, такой возможности не имею.

— Это ваши проблемы, дорогой Евгений Павлович.

— Дочь хорошо о вас отзывалась, Олег Иванович. Вы могли бы взять её в жены.

— И подарить вам эти камни просто так.

— За Алёной будет неплохое приданое.

— Ага, Эта же самая парюра. При чем нужна она будет не мне, а лично вам и вообще Росомахиным. Но что тогда будет с родом Песцовых?

— Вы могли бы войти к Росомахиным вассальным родом.

— Ну нет, вы плохо знаете песцов. Они звери независимые, и в ярмо не пойдут даже ко львам, не то, что к росомахам. Ведь если я стану вашим вассалом, вы сможете отдавать мне приказы. Так?

— Ну... так, — признал Росомахин.

— А теперь скажите, зачем это мне? Вы сейчас пытаетесь заставить меня оплатить ваши интересы и действовать в ущерб себе. Давайте заморозим этот вопрос. Скажем, на неделю. Вы как следует всё обдумаете, посоветуетесь с супругой, подготовите разумные обоюдовыгодные предложения. А после мы вернемся к этой теме на новом уровне.

Росомахин с самого начала понимал: у него нет весомых аргументов. Но надеялся, что сможет задавить подростка авторитетом, харизмой, показной уверенностью, но всё впустую.

Песцов раз за разом разбивал все его доводы самой элементарной логикой. И выходило, что он даже делает одолжение, выдвигая свои условия. Разумные, это надо было признать, но совершенно не приемлемые для рода. Да, взять паузу — это лучшее, что можно было сейчас сделать.

— Пожалуй, вы правы, Олег Иванович.

Эта фраза далась Росомахину нелегко. Пришлось изрядно придавить гордость.

— Давайте и впрямь отложим этот вопрос.

Песцов поднялся.

— Рад, что вы решили принять мое предложение. Ну а сейчас давайте пройдем на завтрак.

В комнате Алёны, в стенном шкафу обнаружилось множество различной одежды. Вся, судя по всему, новая, но разных размеров, разных стилей и даже разных времен. Тем не менее, ей быстро удалось подобрать себе джинсы, футболку и даже кроссовки. Спускаясь вниз, она услышала два мужских голоса. Один явно Песцова. А другой — не менее знакомый, но гораздо более родной.

Алёна влетела в столовую. У накрытого стола спиной к ней стояли двое. Услышав шаги, они одновременно обернулись. Песцов — само собой разумеется, как же без него, и...

— Папка!

С криком девушка кинулась отцу на шею. От него пахло бензином, оружейным маслом и пороховой гарью. Был и еще один запах. Страшный. Раньше бы Алёна обязательно спросила, но теперь она и сама знала: так пахнет кровь и смерть. И понимание того, что вчера она прошла по самому краешку, что жива осталась лишь чудом, вдруг накрыло её с головой. Тут же, перед глазами за одну секунду пролистались все события прошедшей ночи. И оказалось, что каждый раз, когда смерть подступала вплотную, рядом оказывался Песцов и спасал её. Если бы не он, где бы она сейчас была? Лежала на берегу Невы, насквозь пробитая пулями вместе с машиной или обугленной тушкой в сгоревшем такси? Валялась в закоулке какого-нибудь двора с простреленной головой или просто окоченелым трупом в сугробе?

Девушка вздрогнула всем телом, отстранилась от отца. И прежде, чем кто-то что-то успел понять, повернулась к Олегу и внятно произнесла:

— Я, Росомахина Алёна Евгеньевна, признаю долг жизни перед Песцовым Олегом Ивановичем, и да будет Предок свидетелем моей клятве.

Тот словно бы и не удивился. Лишь согласно кивнул и ответил в тон:

— Я, Песцов Олег Иванович, принимаю долг жизни Росомахиной Алёны Евгеньевны, и да будет Предок свидетелем моей клятве.

Алена протянула вперед руку, Олег принял рукопожатие. А потом произошло нечто такое, что Евгений Павлович Росомахин даже рот раскрыл. Обоих, и Олега, и Алёну, накрыл возникший в один момент полупрозрачный купол. Только в этом куполе вместо девушки и юноши стояли, смутно угадываемые по очертаниям тел, Предки: росомаха и песец. Что они делали, рассмотреть было нельзя, но продлилось это недолго. А когда купол исчез, когда вернулись в столовую гимназисты, на плече у Алёны четкими черными линиями был прорисован щерящийся песец. У Олега же, соответственно, оскаленная росомаха.

Неловкую паузу прервал телефонный звонок. Росомахин вынул телефон из кармана, глянул на абонента.

— Супруга, — сказал он извиняющимся тоном. — я отвечу.

И направился в дальний угол комнаты.

Супруга говорила так, что ее слова, несмотря на порядочное расстояние, были слышны всем.

— Женя! Со мной сейчас говорил Предок. Сам Предок, ты понимаешь? Уже сколько поколений с ним не общались, а сейчас он мне такое сказал! Что там у вас происходит?

Слов Росомахина, смущенно бормочущего в трубку слышно не было. Зато супруга гремела на всю комнату.

— Долг жизни? И ты еще торгуешься?

Еще минута неразборчивого «бур-бур-бур» и снова:

— Что? Да плевать! Он сказал — любой ценой. В конце концов, предложи обменять. У нас в особом хранилище есть немало достойных вещей. Что? Да, уверена. Все, жду тебя завтра с камнями. И купи ребенку новый телефон, мне с девочкой нужно посекретничать.

Евгений Павлович обернулся и понял: все уже всё слышали. Олег же решил, что лучше всего переменить обстановку.

— Давайте завтракать. Прошу всех к столу.

Дворецкий чинно вкатил сервировочный столик. Комната сразу наполнилась такими ароматами, что слюнки у всех троих потекли сами собой.

— У вас прекрасный повар, Олег Иванович, — заметил Росомахин, подкладывая себе на тарелку очередную порцию.

— Да, мне вместе с этим домом достался целый штат великолепных слуг.

— Этот дворецкий, — хихикнула Алёна, — он такой забавный — в этих чулках, в парике, в ливрее. Олег, из какого он века?

— Ему просто нравится эпатировать гостей. Но согласись, обязанности свои он выполняет безукоризненно.

— А откуда у тебя этот особняк? — продолжала выпытывать девушка. — Секрет?

— Никакого секрета. Императорская благодарность. Дом за дом, всё по-честному.

— Достойный отдарок, — оценил Евгений Павлович.

— Да, мне тоже понравилось, — кивнул Песцов. — И Алёна, у меня к тебе преогромнейшая просьба: не рассказывай об этом в гимназии.

— Но почему?

— Все просто. Ко мне уже на другой день будут подкатывать. Девочки — с предложениями романтического вечера, парни — с расчетом на бурную вечеринку. И зачем мне это? Придется всем отказывать и этим портить с ними отношения.

— Какой ты скучный, Песцов! — от души высказалась Алёна.

— Напротив, очень продуманный молодой человек. И, я думаю, весьма перспективный. Намек был настолько прозрачный, что девушка покраснела.

— Папа!

— Твоя мать того же мнения. Но не переживай, насильно тебя под венец никто не погонит.

— Хоть на этом спасибо, — буркнула дочь. — Поехали лучше в гимназию, там меня уже, наверное, потеряли.

— Подождите две минуты, — попросил Олег. — Я сейчас напишу записку завучу. Я намереваюсь провести каникулы в этом доме, и тоже не хочу, чтобы меня теряли.

— Конечно, — заверил его Росомахин. — я лично передам. И еще: Я сейчас перекину на ваш телефон некий список. Ознакомьтесь, пожалуйста. А через пару часов, когда я

вернись, мы еще раз поговорим о родовых камнях Росомахиных.

Олег Песцов и Евгений Росомахин сидели в кабинете за большим столом друг напротив друга. Рядом с Песцовым стояла чашка кофе, рядом с Росомахиным — стакан виски. Главы родов работали.

— Вот смотрите, Евгений Петрович, что я отобрал из вашего списка. Разумеется, я возьму лишь несколько пунктов, да и ровную сумму подобрать не выйдет. Так что давайте обсуждать. Кстати, я уверен, что вы мне предложили далеко не все, что могли.

— Я отобрал действительно достойные гарнитуры, сравнимые по стоимости с родовой парюрой. Да и вам будет проще обменять наши камни на два-три лота, чем на пригоршню сравнительно мелких вещей.

— Как знать. Я вот совершенно не ожидал, что найденный мною комплект, ценой, ориентировочно, не более ста — ста пятидесяти тысяч, вдруг окажется настолько ценным. Вдруг и из тех вещей, что вы не оценили, найдется нечто такое, что сможет меня заинтересовать.

— Что ж, извольте.

Росомахин открыл на своем телефоне другой список. Олег принялся его неторопливо листать. Брошь, кольцо, серьги, браслет, еще браслет... Слов нет, вещицы красивые. Настоящие шедевры ювелирного искусства. Но что-то не то, не цепляет. Олег пролистнул мужской перстень черного серебра с лунным камнем, потом фероньерку...

— Бери! — долбануло в голову.

— Песец? Ты откуда?

— От верблюда! Перстень, говорю, бери!

— Ты скажи сперва, что это за штука, — возразил Олег, меланхолично пролистывая список.

— Ты что! — возбужденно орал Предок. — Это же родовой перстень Песцовых!

— А что он дает?

— Да кучу всего дает! Я потом тебе расскажу. Бери!

— Возьму, не ори. И не мешай торговаться.

— Все, все, ухожу.

Олег долистал список до конца.

— Ну что, давайте окончательно определимся с обменом. Вот смотрите, эта полная парюра с бриллиантами из пятнадцати предметов, согласно вашим записям, тянет на шестьсот тысяч. Серьезная вещь, ничего не скажешь. Я понимаю, что специально для этого торга вы, Евгений Павлович, прибавили к ценам пять-десять процентов. Это нормально, я сам бы сделал так же. Теперь вот этот гарнитур с бериллами: серьги, подвеска и диадема. Еще сотня. Мужской бриллиантовый комплект: перстень, зажим для денег, булавка для галстука. Сто пятьдесят, поскольку перстень является накопителем. Всего восемьсот пятьдесят. Вы согласны?

— Пока что да, — кивнул Росомахин.

— Идем дальше. Вот это кольцо и серьги с черными бриллиантами. Сто двадцать. Теперь давайте из другого списка. Диадемка с аметистом — пятнадцать, браслет — золотая змейка с изумрудным глазком, пять, Бриллиантовая сетка на волосы — тоже пятнадцать.

— Выходит уже больше миллиона.

— Но мы ведь помним о десяти процентах? Вы же не стали меня поправлять, значит, я угадал. Но не переживайте, вы таки останетесь в плюсе. Давайте добавим к общему списку инкрустированную перламутром шкатулку — сущий пустяк, две тысячи, нитку жемчуга и вот этот мужской перстень. Буду носить на каждый день. В итоге по вашим ценам чуть больше миллиона, но при том вы сэкономили не меньше пятидесяти-семидесяти тысяч.

— Шустрый вы человек, господин Песцов.

— На том стоим, господин Росомахин. Но и у вас хватка железная. С какими-нибудь Барсуковыми мне было бы намного проще.

Росомахин усмехнулся:

— Рад, что мы оба остались удовлетворены итогами сделки. Я сейчас отдам распоряжение, и к вечеру курьер доставит выбранные вами вещи. Тогда и произведем обмен.

В дверь кабинета постучали:

— Господин, — вошел дворецкий, — к вам офицер из СИБ.

— Пригласи его.

Вошел подтянутый мужчина средних лет. Черный мундир, орденская планка, нашивки за ранения.

— Майор Службы Имперской Безопасности Баранов! — представился он, протягивая удостоверение.

— Что имперской безопасности понадобилось от бедного гимназиста?

— Нам бы хотелось из первых рук получить сведения о событиях вчерашнего вечера. Согласитесь, реальный участник может поведать намного больше.

— Прекрасно. Евгений Павлович, не хотите поучаствовать в беседе? Это, майор, господин Росомахин, тоже непосредственный участник вчерашнего безобразия. Какие-то моменты он знает лучше меня.

— Это намного больше, чем я надеялся. Я могу включить диктофон?

— Конечно. Присаживайтесь, господин Баранов и начнем.

В дверь снова постучали.

— Господин, к вам человек из дорожной полиции.

— Пусть подождет или придет через... час? — взглянул Олег на майора СИБ.

— Лучше через два, чтобы наверняка, — ответил тот.

— Так вот, пусть приходит через два часа.

Дворецкий вернулся через пять минут.

— Господин, полицейский настаивает и грозитя.

— Олег Иванович, давайте узнаем, в чем дело. Если что, я буду на вашей стороне, — улыбнулся Баранов.

— Хорошо. Приведи полицейского.

Еще через минуту в кабинет ворвался здоровенный капитан в казенной шинели, штанах с красными лампасами, меховой шапке и сапогах.

— Песцов! Следуйте за мной! — приказал он Росомахину.

— На каком основании? — поинтересовался Олег.

— Вы обвиняетесь в превышении скорости, опасном вождении, езде без прав, проезде перекрестка на красный свет, провоцировании аварии, а также парковке в неподобающем месте.

— И что, за это положен арест?

— Это не ваше дело. Следуйте за мной, иначе к этому списку добавится неподчинение

законным требованиям представителя власти.

— А ордер у вас имеется? — спросил Песцов.

— Пацан, не влезай!

Олег решил обидеться:

— Значит, так, капитан: вы вошли в частное владение дворянина, не представились, не предъявили в развернутом виде документ, удостоверяющий ваши полномочия, не озаботились ордером. Иными словами, вы нарушили все пункты служебной инструкции, какие только можно. Перечисленные вами нарушения караются только штрафами. Так что пришлите мне предписания о взыскании, я их изучу и оплачу, либо опротестую в суде. Сейчас же вы можете быть свободны.

— Ты что себе позволяешь, молокосос! И вообще, я сейчас говорю не с тобой!

Росомахин во время разговора старательно прятал улыбку, а майор откровенно веселился. Полицейский, входя в кабинет, проигнорировал его присутствие, и сейчас ИСБшник сидел позади него с широкой ухмылкой.

— Капитан! — голос Песцова был предельно холоден. — За то, что вы сейчас наговорили, я имею полное право выгнать вас из моего дома пинками. Я даю вам последний шанс уйти самому и сохранить лицо и задницу. Даю вам пять секунд.

Полицейский оперся на столешницу широкими ладонями.

— Да что ты мне сделаешь, сопляк?

— Я отдам приказание. Дворецкий, я приказываю выпинать этого человека из моего дома и запрещаю впускать в дальнейшем.

— Господин, это потребует много энергии., - неслышно для других предупредил хранитель.

— Ничего, я добавлю. К концу недели у тебя будет почти полный накопитель.

— В таком случае я готов исполнить приказание.

Капитан был донельзя удивлен, когда пожилой с виду дворецкий ухватил его за шиворот, с легкостью толкнул к двери и добавил ускорения пинком.

Когда крики и угрозы капитана затихли где-то внизу, Росوماхин, утирая слёзы, сказал:

— Вы страшный противник, Олег Иванович. Это ж надо было придумать — выпинать!

Он еще хохотнул.

— Но у вас не будет проблем из-за этого?

— Никаких, — ответил Олег. — Вот господин майор свидетель. Вы ведь записали всю беседу?

— От начала и до конца. Думаю, Пастухов будет рад послушать.

— А со мной не поделитесь?

В жилом крыле императорского дворца

Император Петр Четвертый орал так, что в спальне младшего принца дребезжали стеклопакеты. Непутевый отпрыск скакал по комнате в чем мать родила, пытаясь увернуться от мощного ремня с кованной пряжкой. В углу застыла бледная как мел девчонка, прикрывая наготу наспех содранной с постели простыней. В конце концов молодость уступила опыту. Голова принца оказалась прочно зажатой меж батюшкиных коленей. Петр взмахнул было ремнем, но углядел ту самую девчонку.

— Чего стоишь? Брысь!

Та, не помня себя от страха, пулей выскочила в дверь вместе с простыней.

Император замахнулся и первый двуглавый лев с хлестким шлепком отпечатался на

августейшей заднице.

— А-а-а-а!

Вопль шалолая разнесся по всему жилому крылу дворца.

— Это тебе за Росомахину!

— А-а-а-а!

— Это тебе за камни!

— А-а-а-а!

— Это тебе за Песцова! За охранников! За простреленную задницу! За покушение на наследника!

— А-а-а-а!

— А-а-а-а!

В спальню заглянула супруга императора, матушка Алексея свет Петровича.

— Петенька, что ты делаешь?

Она трагическим жестом схватилась за голову.

Император приостановился. Принц получил передышку и надежду на прекращение порки.

— Не видишь, что ли? Мозги вправляю. Через уши не доходит, пусть через зад влетает!

— Но ведь это непедагогично, так нельзя!

— А девок, значит, портить можно?

— Но мальчику же нужно как-то сбрасывать энергию. Он ведь еще ребенок!

— Ребенок? — рассвирепел Петр. — Как девок охмурять, так взрослый, а как ответ держать, так ребенок? От него гимназистка бежала так, что туфли по дороге потеряла! Уйди с глаз моих, ради Предка, а то и тебе прилетит за компанию!

Супруга посчитала за благо удалиться. Слово у Петра с делом обычно не расходилось, а перспектива светить львами на филее была для неё не слишком привлекательной. Спать на животе она тоже не любила.

Чуть позже, когда экзекуция была завершена, а главный Львов чуть поостыл, собрался семейный суд: император с братьями да их жены. Ответчик, морщась стоял перед высокой коллегией и не ждал ничего хорошего.

— Давай по пунктам, — провозгласил средний брат. — Что ты, Петя, сегодня вменял этому оболтусу? Росомахину? А что с ней не так?

— Да с ней всё не так. Простолюдинок, вишь, ему мало, дворянок портить захотел. А девка несовершеннолетняя, ей даже ещё и восемнадцати нет. Ты ведь знаешь, что я должен буду сделать, если род Росомахиных потребует суда?

— Можно подумать, прежде такого не было. Откупились бы.

— И до каких пор я буду откупаться? Впору в бюджете отдельную строку заводить: на баб младшего наследника. На те деньги, что я отдал, отмазывая сыночка, можно полк истребителей закупить. Дорогой — в буквальном смысле.

— Понятно. А камни что?

— Всё то же. Эта Росомахина пришла на бал в родовых камнях. И нашему дитяте восхотелось их прикарманить. Двух зайцев одним ударом: девицу в постель, а камни в сейф. Только он не знал, что Росомахиной они не принадлежат.

— Как не принадлежат? — вскинулся императревич Алексей.

— Вот так, — язвительно ответил Петр. — Она взяла их у Песцова сроком на сутки. Передача драгоценностей зафиксирована нотариально. Представляешь, какой был бы

общественный резонанс? Песцов дарит мне ценностей на бешеную сумму, а я, в лице дорогого сыночка, отжимаю у него еще миллиончик. Замечательно, правда?

— Я не думал... — пролепетал подсудимый.

— А стоило бы! — отрезал император.

— А сам Песцов при чем здесь? — продолжал выпрашивать братец.

— А при том. Эта Росомахина пришла с ним, и он по всем законам обязан вернуть её целую и невредимую туда, откуда взял. Но у Песцова — вот незадача — именно приглашение. Он мой личный гость. И, значит, Росомахина тоже попадает в этот статус. Получается, что я позволяю на своем балу оскорблять моих личных гостей. Это уже прямая пощечина мне лично. Тебе не кажется, что это чересчур?

Император повернулся к отпрыску:

— А тебе? По-хорошему, это уже тянет на госизмену!

Парень побледнел. Что бывает после подобного обвинения, он знал очень хорошо. Водили его на экскурсии.

— Ну ладно, с этим понятно, — вступил младший брательник. С охраной тоже: они подчиняются только своему командиру, а командир — лично императору. Пытаться им приказывать — тот еще идиотизм. А уж увольнять... С покушением идиотизм ещё больший. Такое сообщение автоматически включает у дворцовой охраны особый режим несения службы. Со всеми вытекающими последствиями. И лицо, сообщившее заведомо ложные сведения, несет за это ответственность. Насколько я помню, за подобные выкрутасы полагается десять лет каторги. А что с задницей?

— Так этот придурок, едва очухался, отобрал винтовку у одного из охранников, тут же поскользнулся, снова грохнулся и, падая, пальнул. Пуля рикошетом вернулась ему же задницу.

— Младший брат некультурно заржал.

— В задницу? Ха-ха-ха!

— Смеешься, да? — вновь начал заводиться император.

— Так смешно же! Себе... в задницу! Ха-ха-ха!

— Вот именно, смешно. Весь дворец смеется. Надо Львовыми смеются! Вы это понимаете?

Петр обвел грозным взглядом всех присутствующих.

— Не уважают, не боятся. Смеются! Император и его семья не могут себе позволить быть смешными! Никто не станет добровольно подчиняться паяцу на троне. И тогда нам всем, каждому из нас, придется долго и кроваво доказывать право рода на власть. А этот ушлепок, едва целитель заделал ему лишнюю дыру в зад, первым делом притащил к себе в койку очередную девку. От него нормальные вменяемые девушки сбегают, роняя на ходу тапки, над ним смеется весь Петербург и половина империи, а ему лишь бы свежую девицу попользовать. Всех заслуг — только нездоровая потенция. Тоже мне, кролик-энерджайзер. Куча людей вынуждена бегать, дерьмо за ним подчищать, а царевич в это время развлекаться изволит. Может, кастрировать этого бычка, а? Что скажете, родичи?

Петр сейчас не шутил, и до Лёшеньки дошло, наконец: он перешел-таки черту. Он побледнел и, забыв про поротую задницу, прикрыл обеими руками пах. Среди судей раздались смешки.

Император обернулся:

— Даже сейчас ты смешон! Видимо, единственное что тебе дорого в жизни — это орган

размножения. Тьфу! Смотреть противно.

Петр снова повернулся к родне.

— Разумеется, я исключил этого дармоеда из числа наследников трона. Сегодня подписал указ и отдал на исполнение. Но так оставлять ситуацию невозможно. Не дай Предок, хоть часть этого выплывет в интернет!

— А как это может выплыть? — влезла супруга, матушка непутёвого принца. — Что этот Песцов сможет доказать? Может, втихую устранить, и дело с концом.

— Сыночка выгораживаешь? Не пройдет нынче твоя хитрая комбинация. Уверен, у Песцова все доказательства собраны, подкреплены свидетельствами, и так, что не вывернуться. Про графа Орлова все слышали? А то, что началось всё с того, что он Песцова убить пытался, знаете? Тоже, кстати, из-за непутевого этожеребеночка. Нынче графу Ростопчину пришла пора мощну растрясать. Обиделся граф, что какой-то там Песцов его сынка на дуэли победил, послал людей. Теперь ответит по закону.

— А там же еще какие-то были? — уточнил брат средний. — Росомаховских постреляли, Песцов с девчонкой едва смогли спастись.

— Наемники. Пару человек из них Росомахин отловил и допросил. Задание у них было — убить гимназистов и забрать камни. Вот заказчика узнать не удалось. Командира отряда Песцов в распыл пустил.

— Как в распыл? — удивился младший брат.

— Каком! Ручки в одну сторону, ножи — в другую, потроха — в третью. Мелкими клочками в радиусе десяти метров.

— Это какой же у него ранг? — поинтересовался средний.

— Восьмой. И это он ещё даже до восемнадцати не добрался. Так что забудьте о нём, этот парень мне нужен. И к моменту совершеннолетия он должен быть безусловно лоялен престолу. Всем понятно?

— Я слышала, — вставила свои пять копеек одна из жен, — что вчера был уничтожен отряд наемников «Буря» вместе с командиром, некоей Жанной Бойцовой. Они взяли дорогой заказ, сто пятьдесят тысяч. Я с утра в чате посидела, мы с девочками о новостях потрепались. Вот и...

— Против Песцова как раз «Буря» и работала, — задумчиво произнес император и взглянул на супругу.

— Дорогая, ты вчера просила у меня сто пятьдесят тысяч на какие-то цацки. Купила?

— Н-нет, я передумала.

— Тогда верни деньги.

— Я... я уже...

— Потратила? — вкрадчиво поинтересовался Петр.

— Да, — закивала женщина.

— А на что? На найм «Бури»?

— Нет, что ты!

Жена императора улыбалась, но в глазах была полнейшая паника. Говорить дальше смысла не было, и без того всем всё было понятно.

— Хор-роша семейка! — прорычал Петр. — Один сдуру косяк за косяком лепит, другая, тоже от большого ума, людей убивает, чтобы сыночку по попке не перепало.

Он прошелся по комнате, нервно сжимая и разжимая кулаки.

— Все, совет окончен. Ты, — он указал на жену, — едешь к маменьке в Новосибирск.

Сегодня же! Чтобы через полчаса духу твоего во дворце не было. Завтра к тебе придет чиновник, подпишешь документы о разводе. Приданое твое верну всё до копейки кроме Воронежского поместья, оно уйдет Песцову в качестве виры. У него там по соседству какие-то родовые болота, как раз в тему будет.

— Но ведь...

— Я твою дурость и подлость оплачивать не собираюсь. И радуйся, что легко отделалась. За такое тебе полагается публичное повешение на площади. И не сомневайся, я бы это сделал. Но твой сыночек мне подгадил, репутацию семьи испакостил. Я сейчас не могу позволить еще одного скандала. Но если не уймешься, решишь в оппозицию податься, я к тебе в гости Песцова пришлю. И подробно расскажу ему, кто заказал его и Росомахину и почему. Чего сидишь? Время пошло! Через полчаса тебя в чем будешь, в том и выставят. Да, фамильные камни Львовых забирать не смей!

Женщина всхлипнула и, на ходу вытирая слезы, выбежала из комнаты. Следом за ней направилось двое гвардейцев.

— Теперь ты.

Палец императора нацелился на принца. Тот, видя крутое решение судьбы матери, не знал, чего и ждать. На всякий случай, приготовился к худшему и крепче прижал руки к причинному месту.

— Из дворца прочь! Борделя здесь я не допущу. Это первое. Второе: ты женишься. Свадьба через неделю. Мне давно уже губернатор Чукотки Моржов намеки делает, что не прочь породниться. Так что поедешь в Магадан, пойдешь в примачи, хрен моржовый. Твой самолет завтра утром. Иди, собирайся.

Впервые за многие годы Олегу действительно стало любопытно. Настолько, что он с трудом дождался вечера. Силы воли насилу хватило, чтобы удерживать вежливое выражение лица при разговоре с Росомахиным, во время проверки камней и при обмене. И едва за гостем закрылась дверь, парень выхватил из кучки изумрудов и бриллиантов серебряный перстень с простым лунным камнем, нацепил на палец и принялся ждать чего-то особенного. Не случилось ничего. Абсолютно ничегошеньки! Не пронзила мозг кристальная ясность ума, не налилось тело богатырской силой, не внедрились в память знания могучих цивилизаций. Писец! Если это была шутка, то довольно злая! Олег уселся на кровать в своей спальне, велел в ближайший час не беспокоить и отправился в гости к Предку.

Где изящные беседки? Где гамаки, кресла, пледы и чай? Деревянный помост — и всё. И еще песец, сидящий в позе лотоса. То еще зрелище!

— Ага, явился — не запылится! — выдал Предок, не меняя позы.

— И тебе здоровьица. Тренируешься? — хихикнул потомок.

— И тебе рекомендую, — отрезал песец. — А то совсем занятия забросил.

— Ой-ой-ой! Можно подумать, ты причины не знаешь.

— Неважно. Пока ты спишь, бегаешь, танцуешь и девок спасаешь, враги качаются.

Олег оскорбился:

— Ты, песец, кончай пургу гнать. Лучше про перстень рассказывай.

— Ишь ты, шустрый какой! А выразить сочувствие? А удивиться обстановке? А спросить, куда девалась вся эта красота?

— Ну и куда ты дел все свои запасы?

— До тебя, олух, докричаться пытался! Еле пробился. Ну и с росомахой поделился чуток. Так, чтобы ему до своих можно было дозваться и потом еще на недельку хватило.

— Но пробился же! Правда, ты, старый жулик, не стал бы так стараться без выгоды для себя.

— Не для себя, а для рода!

— Ну-ну! — прищурился Олег. — Хорошо, я сделаю вид, что поверил.

— Для себя, конечно, тоже — так, немного. А поскольку я твой предок, то всё, что идет на пользу мне, идет на пользу и всему роду.

— Тоже мне, словоблуд несчастный!

— Ну почему несчастный? Вполне даже счастливый.

— А росомаха тут причем?

— Тебе помогал. Старался, чтобы эти скряги меньше торговались.

— И чтобы тебе было с кем поболтать.

— И для этого тоже. Тем более, что самочку твою никто за язык не тянул. Сама клятву дала, сама силу вливала. Ну и ты помог.

— То-то у меня чуть не половину резерва в один момент вынуло. Ладно, хорош трепаться. Что с перстнем-то?

— Во-первых, он носится на среднем пальце правой руки, а не на безымянном левой. Во-вторых, глянь на руки.

— Ох ты ж!

Прежде Олег попадал к предку в некоем абстрактном кимоно, или вовсе в одноразовых

трусах. Никаких вещей из реального мира вместе с ним в пространство эфира не попадало. А теперь — перстень. Вот он, на руке, и его даже можно потрогать.

Недолго думая, Песцов сдернул перстень с левой руки и надел на правую, на рекомендованный предком средний палец.

— А в реале он тоже переместится? — задал он пришедший в голову вопрос.

— Сам посмотришь, — буркнул песец. — Лучше про перстень слушай.

— Слушаю!

— Во-первых, это печать. Родовая печать, если ты не понял. Оттиск можно поставить на любом материале, включая стекло и железо. И не тыкай её где попало, уж потерпи. Потому, что это либо подтверждение обязательств рода, либо заявка на определенные притязания, либо метка своих людей и своего имущества. И твоя сила должна соответствовать твоим хотениям. А то поставишь сдуру метку где-нибудь на заборе, и подохнешь от магического истощения. Просто потому, что забор принадлежит другому роду и охраняется тамошним хранителем. Ясно?

— Ясно. А что еще?

— Он усиливает действие родовых умений.

— Это про видение сквозь магию?

— В том числе. И про маскировку.

— Маскировку?

— Ну вот когда ты недавно прятался в тени за каменной стенкой, это разве не маскировка?

— Так стена меня и закрывала.

— А вот и нет! Ты сидел в тени, старался в ней спрятаться, и в итоге слился с этой тенью. Потому тебя и не обнаружили, потому и побег твой удался. Враги твои поначалу видели не тебя, а лишь клочок тени. А так — пальнули бы, и привет.

Олег задумался: хорошо бы это как-то проверить. Но тогда нужен помощник. И помощника придется вводить в курс дела, знакомить с родовыми секретами. То есть, тесты маскировки лучше отложить до совершеннолетия и обзаведения супругой. Зло, однозначно. Но — неизбежное. И местами даже может быть полезным. Но как же не хочется надевать это ярмо!

— А еще что? — спросил он, закончив скорбеть о несовершенстве мира.

— Хватит тебе, это бы освоил в полной мере. И вообще, вали. А я буду строить свой мир в отдельно взятом эфире.

Неделя. Много это или мало? Как посмотреть. Олег целую неделю отъедался и расслаблялся после кошмарного бала и всех последующих событий. Жить в собственном шикарном доме, быть избавленным ото всех бытовых и хозяйственных забот, кушать отлично приготовленную еду. Всех дел — раз в день спуститься в подвал и слить в накопитель запас энергии. Ну и ещё помедитировать у предка, полюбоваться на новую версию веранды в японском стиле. И рисовать столько, сколько захочется. Неудивительно, что когда наступило время возвращаться в гимназию, он совершенно не испытывал энтузиазма.

— Где тебя носило? — встретили его одноклассники и одноклассницы.

Уже запытанная насчет подробностей бала Росомахина смотрела с явно выраженным сочувствием.

— Да так, домой сгонял, — ответил Песцов и одобрительно взглянул на Алёну.

— И что?

— Да ничего. Дом как дом.

— У-у-у, — протянули одноклассники, — ты всё пропустил. Тут такое было! Стрельба на набережной, погоня, одна машина вообще сгорела.

— Как хорошо, что я ничего этого не видел, — искренне сказал Олег. — Не люблю таких приколов.

— А как бал? — оживились одноклассницы. — Ты, говорят, даже на дуэли побывал.

— Скучотища страшная. Только и думаешь, как бы чего лишнего не сказать или не сделать. Если прикинуть, сколько денег было потрачено на сам бал, да на наряды к нему, можно всех голодающих Африки целый год мясом кормить. Только на балу об Африке никто даже не вспоминает, там все только и думают, как бы круче других выступить. Ярмарка тщеславия.

— А как принцесса? — снова накинулись одноклассники. Ты же с принцессой танцевал, мы видели.

— А что принцесса? Две руки, две ноги. Голова, что показательно, вообще одна. Кушает ртом...

— Всё-всё, мы поняли! — закричали одноклассницы. — А хоть что-то тебе понравилось?

— Понравилось. Салют.

— Салют — да, это было круто! — закатили глаза одноклассники и одноклассницы. — Как тебе повезло!

На перстень внимания никто не обратил.

Прошел целый месяц, наполненный исключительно учёбой, тренировками и медитациями. Время от времени по вечерам к нему забегала Маша. Просто так, на чай. И обязательно притаскивала с собой какую-нибудь вкусняшку на двоих. Сидеть с ней было комфортно. Комфортнее, чем раньше с Лизой. Можно было весело потрепаться о чем-нибудь, перекидываясь полуприличными полунамёками, а можно — просто молчать. И никому не было от этого молчания неловко.

Порою такое молчание случалось в то время, когда оба сидели с чаем на кровати. Тогда Маша пододвигалась вплотную и откидывалась спиной Олегу на плечо. Просто так, безо всяких намеков. И это тоже было хорошо.

А потом на выходе из раздевалки, мокрого и уставшего после тренировки, его поймала Алёна Росомахина. Вид у девчонки был виноватый и немного пришибленный. Весь месяц Олег не то, чтобы её избегал, но, свел общение до минимума: привет — пока. В точности, как и обещал. Но вот что-то, видимо, назрело.

— Олег!

Было видно, что Алёна хочет что-то сказать, но не может решиться. Такое бывает, Песцов это по себе знал. Но устраивать разборки прямо здесь, у дверей, не хотел.

— Отойдем в сторонку, — предложил он.

И первым пошел к окну в небольшой нише. Кинул сумку со спортивной формой на подоконник, повернулся.

— Слушаю.

— Олег, — снова начала Росомахина.

Запнулась, замолчала и, с видимым усилием преодолев некую преграду внутри себя, начала говорить. Сбивчиво, путано, неловко, то и дело останавливаясь и продолжая лишь после изрядной паузы:

— Я после бала, после всего, часто вспоминала. Всё вспоминала, каждую минутку, от самого того момента, как ты меня встретил у моей комнаты, и до тех пор, пока меня папа не забрал.

Олег молчал, не вмешиваясь и не комментируя: раз уж человек решился высказать наболевшее — не надо ему мешать.

— Понимаешь, тогда, на балу, я казалась себе такой холодной, неприступной королевой, которая снисходительно позволяет другим оказывать ей знаки внимания. Это было какое-то помрачение рассудка. И этот Лёшик, Львов... Теперь я понимаю: он прекрасно всё это видел и развел меня как последнюю дурочку. Я воспринимала все его ухаживания как должное: ведь я же самая лучшая на этом балу! Придумала себе романтику, чувства, а это был банальный съём.

Начав говорить, Алёна постепенно успокаивалась и речь её звучала более спокойно.

— А теперь, когда я вспоминаю всю ту дичь, что я творила, мне становится ужасно стыдно. Так, что хочется убежать от себя той куда-нибудь очень далеко и никогда не возвращаться. И еще я очень стыжусь того, что я тебе тогда наговорила. Ты дал мне возможность побывать там, куда мечтает попасть любая девчонка, а я строила из себя невесть кого. Потом ты хотел меня спасти. И от Львова, и от всех остальных, а я вела себя как последняя идиотка. А потом...

Росомахина всхлипнула.

— Если бы не ты, я бы... меня бы уже не было. А я... Девушка окончательно запуталась и выпалила главное:

— Олежек, прости меня. Я, наверное, еще что-нибудь смогу выкинуть. Такое, за что потом опять станет стыдно. Но за то, что я уже натворила, прости меня. Пожалуйста.

Слезы все-таки прорвались наружу. Но не изливались бурным потоком, а тихими струйками стекали по лицу.

— Ну-ну, это уже лишнее.

Песцов привлек Алёну к себе. Та уткнулась лицом ему в спортивную куртку, наверняка пропахшую потом, и молча плакала. А Олег гладил её по голове и, как и в прошлый раз, шептал ей на ухо разные успокоительные глупости.

Всё уже почти закончилось, но тут мимо проходила та самая Оля. При виде романтической сцены глаза её расширились. На лице появилось выражение предвкушения. Она заторопилась было, но Олег молча показал ей кулак. Не очень внушительный. Но девчонка сразу вспомнила свой недавний пролёт с отбором на бал. И желание рассказать об увиденном у неё сильно убавилось.

Когда Росомахина в достаточной степени успокоилась, отстранилась от олеговой куртки и увидела у него на груди большое мокрое пятно, то засмушалась.

— Я... — начала было она.

— Ничего страшного, — перебил её Олег. — Лучше умойся.

Он кивнул в сторону душевой.

— Не стоит в таком виде идти к девчонкам. Напридумывают всякого, что было и чего не было. Сами насочиняют, и сами же в это поверят. А после и всех остальных убедят.

— Хорошо, — кивнула Алёна и опять замялась.

— Говори уже, хватит ломаться.

— А ты... можно я вечером приду к тебе? Просто так.

— Приходи, конечно, — усмехнулся парень.

— А как же Маша? Она ведь к тебе ходит.

— Она ходит именно что просто так. Выпить чаю, поболтать, подурачиться. Я никому ничего не обещал. И никакими обязательствами не связан. И не думай, что твои вечерние посещения что-то там означают. Никаких прав на меня они тебе не дадут, так же как не дают той же Маше. А то будет, как с Лизаветой. Она, как раз, решила, что несколько совместных чаепитий что-то такое означают. Не повтори её ошибки.

На другой день грянул гром: пришел курьер, принес гимназисту Песцову вызов аж в Имперскую службу безопасности к самому генералу Пастухову. Игнорировать подобные вещи не позволяет никто, даже инстинкт самосохранения. И Олег поставил в известность куратора группы, сел в такси, назвал адрес и поехал.

К указанному в повестке времени он успел даже с небольшим запасом. Доложился секретарю в приемной, поскучал несколько минут и вошел, наконец, в кабинет одного из самых могущественных людей империи.

Вставать навстречу генерал не стал. Правда, не стал и тянуть время, делая вид, что занят делами.

— Здравствуйте, — поприветствовал Олег хозяина кабинета.

— Здравствуйте, Олег Иванович. Навели вы шороху в столице в ночь после бала.

— Вы преувеличиваете, Илья Андреевич. Я лишь в меру сил защищал себя и доверившуюся мне девушку от нападавших. Они бы не нападали, и я бы никого не тронул.

— Но вы ведь предполагали нечто такое, эдакое.

Пастухов неопределенно покрутил кистью.

— Предполагал, разумеется. И, к сожалению, мои предположения оправдались более, чем полностью. Впрочем, мы всё это уже обсудили с майором вашей службы Барановым. И я полагал, что на этом разбирательство в отношении меня было завершено.

— В отношении вас — действительно, все было ясно еще на другой день после Рождества. Но в отношении прочих фигурантов следствие завершилось буквально накануне. Вина графа Ростопчина полностью доказана. Он уплатил в казну немалый штраф за организацию нападения на дворянина и стрельбу в столице. Это же причитается вам.

Пастухов пододвинул Песцову прямоугольник банковской карты.

— На счете находится двести тысяч рублей. Вира от рода Ростопчиных роду Песцовых.

— Я принимаю виру и считаю долг крови уплаченным.

При этих словах лунный камень в перстне на секунду сверкнул красным и тут же вернул себе изначальный цвет.

— Что это? — удивился генерал. — Никогда не видел ничего подобного.

— Родовой перстень, — внутренне поморщившись, объяснил Олег.

— Можно посмотреть поближе? — протянул руку начальник ИСБ.

— Вынужден отказать. Перстень именно что родовой, и не подлежит передаче даже младшим членам рода. Ну а вам и подавно.

— Жаль, — не стал настаивать Пастухов. — Тогда подпишите вот эту бумагу.

Олег пробежал глазами листок: я... обязуюсь ни при каких обстоятельствах не разглашать полученные мною сведения секретного характера.

— А это необходимо? — уточнил он. — я прекрасно обошелся бы без этих сведений. А то примутся меня допрашивать, а я боли боюсь и все расскажу после первого же удара.

— Увы, необходимо.

— Тогда давайте скорректируем формулировку. А то перстень зафиксирует

обязательство, и что мне потом делать? Мне не нужна тайна, которая способна меня убить.

— Хорошо. Давайте сделаем такую формулировку: «не разглашать добровольно».

— Тогда пойдет.

Через пару минут вошла секретарша с подправленным вариантом подписки. Олег проглядел, подписал в двух местах и перстень действительно мигнул желтым, подтверждая обещание. Пастухов в свою очередь просмотрел бумагу и подвинул Олегу папку.

— Это — ваша вира за второе нападение. Теперь в вашем распоряжении приличных размеров поместье в Воронежской губернии по соседству с вашими родовыми землями.

Песцов просмотрел бумаги, обратил внимание на имена в документах перехода права собственности. Действительно, без подписки было не обойтись. Он кивнул, закрыл папку. Перстень отреагировал красной вспышкой.

— Это всё или у вас есть что-то еще?

— Помимо этого император просил передать вам, Олег Иванович, извинения за действия своих бывших родственников.

— Я принимаю извинения, — вновь кивнул Олег.

Перстень вновь мигнул, на этот раз бледно-зеленым. Пастухов покосился на интересную штуковину, но ничего не сказал.

Провожая Песцова, начальник Имперской службы безопасности поднялся, перегнувшись через стол пожал гостю руку и задержал в своей.

— Олег Иванович, мне собрали все данные о ваших похождениях что в Воронеже, что в Санкт-Петербурге. Вы, конечно, влипали знатно, но каждый раз выходили из ситуации с прибытком. И чем дальше, тем больше. И ситуации становятся опасней, и враги сильнее, и компенсация значительней. Я надеюсь, что вы не схлестнетесь однажды с императором.

— Илья Андреевич, я рад был бы обойтись безо всех этих опасных приключений. Поверьте, я сумел бы обеспечить себе достаточно комфортную жизнь. Единственное, что мне хочется узнать — это имя человека, который пытался убить меня там, в Воронеже.

— Увы, мне оно неизвестно. Все поиски — а искали, надо сказать, очень серьезно — ни к чему не привели.

— Жаль. Ну, до свидания, Илья Андреевич.

— До свидания, Олег Иванович.

Олег вышел на улицу, поймал такси и велел везти себя к своему дому. Ехать было довольно далеко, и он позволил себе расслабиться. Откинулся на спинку сиденья, прикрыл глаза. Поведение перстня его напрягло. Это что же, теперь даже и не соврать? Придется отвечать за каждое слово? Кошмар! Во что втравил его чертов предок!

Такси остановилось, Песцов открыл глаза. Еще не дом, просто какой-то ИАИшник становил его машину и сейчас проверял документы водителя. Олег попытался снова расслабиться, но ему не дали. Открылась дверца. Рядом с ней стоял человек в форме.

— Инспектор Императорской автодорожной инспекции сержант бурбурбурцев, — неразборчиво представился человек. — Выйдите из машины.

— В чем дело, сержант?

— Выйдите из машины. У водителя просрочены права, машина будет отправлена на штрафную стоянку.

Олег, поморщившись, вышел.

— Сядьте, пожалуйста, в служебный автомобиль. Мы доставим вас по адресу.

Песцов прошел следом к стоявшей чуть поодаль машине с мигалками, гербами и

надписями. Сел в открытую перед ним дверцу и тут же был впечатан в сидящего с другой стороны машины бугая. С переднего сиденья обернулся знакомый капитан и радостно оскалился.

— Ну что, Песцов, от правосудия не уйдешь.

Олег вздохнул.

— Знаешь, капитан, никогда ты не будешь майором. В прошлый раз тебе просто напинали по задку, а нынче будут иметь на всю стратегическую глубину. И я об этом позабочусь.

В подтверждение этих слов, перстень мигнул тревожным красным светом.

Олега грубо втолкнули в кабинет. Следом зашел, бухая берцами, капитан, положил на стол перед начальством отобранные вещи. Отступил на шаг, козырнул:

— Господин майор, нарушитель Песцов доставлен.

— Песцов, значит!

— Тот самый! — гордо добавил капитан.

— Значит, тот самый Песцов, — повторил майор. — и что же теперь с тобой делать?

— Сами привезли, сами и решайте, — хмыкнул Олег. — А в каком статусе я здесь сейчас нахожусь? Арестованный, задержанный или доставленный, просто так, безо всяких на то оснований?

— Умный, что ли?

Майор пристально посмотрел на гимназиста.

— Да уж не дурнее паровоза. Вам нужно найти и примерно наказать виноватого, отчитаться перед начальством, улучшить показатели. Для этого требуется козёл отпущения, который добровольно во всем сознается и всё подпишет. И вы не придумали ничего лучше, как похитить несовершеннолетнего и хорошенько попрессовать его, чтобы по-быстрому подписал всё, что вы заготовили. Я думал, у вас только капитан такой альтернативно одаренный. Но вы, оказывается, ещё круче. Значит, будете с ним на пару до самой пенсии движение регулировать.

— Ты смотри, какой разговорчивый! — взбеленился майор. — Давай, капитан, своих оглоедов, пусть потренируются. Только аккуратно, чтобы ничего лишнего не сломать!

— Не в первый раз, господин майор!

Два мордоворота подхватили Олега с двух сторон, нацепили на руки какие-то каменные браслеты и потащили в подвал. Мебели там не было, только голые бетонные стены. Сразу стало понятно: будут бить. Браслеты тоже оказались непростые. Они напрочь блокировали движение энергии через каналы в руках. Если вспомнить, что местные все, как один, качают только руки, то сразу становится понятно: это — стандартный способ лишить мага возможность строить конструкты. Вот только Песцов — это вам не хухры-мухры! Его, чтобы полностью лишить возможности оперировать магией, нужно в каменный костюм запихивать. Как там говорил песец? Главное — хвост? Отличный случай проверить.

Зачем давать себя бить, если как раз недавно в гимназии изучали защитные конструкты? Теперь в арсенале Олега присутствовал этакий магический бронезилет. Но одного броника будет явно недостаточно. Песец — он, конечно, сильный. Очень сильный. Но — лёгкий. К счастью, в книжке благословенного Недольмана был конструкт, «приклеивающий» предметы к поверхности. По задумке мага, он должен применяться для того, чтобы при тряске или качке вещи не падали на пол. Но для того, чтобы зафиксировать тело в вертикальном положении, тоже годился.

Методика у «оглоедов» была примитивна, но действенна: первым ударом свалить жертву на пол, а потом запинать. Первый бугай с маху врезал Песцову по ребрам и отскочил, тряся выбитой кистью.

— Ты чего? — удивился второй.

— Он того, с магической защитой! — простонал первый, пытаясь сообразить: пройдёт само или придется тратиться на целителя.

Второй нахмурился. Подошел, толкнул парня: тот даже не покачнулся.

— Магией, значит, балуемся, — констатировал он. — Амулет, что ли, где-то остался?

Ну да ничего, и не таких обламывали.

Повернулся к напарнику:

— Ты покарауль, я сейчас.

Вернулся он быстро, держа в руках резиновую дубинку. С виду — обычный «демократизатор», но в рукояти у неё светился какой-то не то светодиод, не то камушек. Олег поглядел внимательно: такая штука, действительно, вполне может пробить защиту, для того и придумывалась. Значит, надо действовать на опережение. Только быстро и аккуратно.

Дубинка со свистом рассекла воздух, врезалась в плечо Песцова — то есть, в магическую защиту у его плеча, и сломалась пополам. Ну а как же ей было не сломаться, если воздушное лезвие, выученное на уроке буквально вчера, аккуратно надрезало её примерно до середины?

Бугай вытаращился на оставшийся в руке обломок.

— Ты! Скотина! Да я тебя сейчас...

Олегу надоел этот цирк.

Пи-и-иу!

Под ногами мордворота в бетонном полу появилась изрядная выбоина. Во все стороны шрапнелью хлестнула бетонная крошка.

— Слушай, придурок, — спросил Песцов. — как ты думаешь, сколько мне нужно времени, чтобы выйти отсюда и оставить от этого шалмана кучу бетона и штукатурки? Мне это — раз плюнуть, даже с вашими дурацкими блокираторами. А вы вдвоем останетесь здесь. Навсегда. Годится?

Какой-то разум у второго присутствовал. Он бросил обломок дубинки, выставил перед собой раскрытые ладони и отступил на шаг.

— Ты это... парень, не кипешуй. Мы люди маленькие, велели — делаем, не велели — не делаем.

— Ну-ну, — скептически произнес Олег. — Маленькие, значит? Глупенькие, да?

— Да-да, — подтвердил второй и отступил еще на шаг.

— Ага, — добавил первый, сообразив, что спектакль пошел не по сценарию.

— В общем, так, дети, — подытожил Песцов, — я сейчас иду в прокуратуру. И если вам не дорога жизнь, можете попытаться меня остановить. А лучше всего валите куда-нибудь подальше, если не хотите стать крайними.

И он двинулся на выход.

Через полчаса, закончив писать заявление, Песцов решил, что самое время опробовать функцию своей новой игрушки. Развернул перстень камнем наружу и приложил чуть пониже своего автографа. Дежурный, выпучив глаза, глядел, как полыхнула белая вспышка и на листе бумаги возникла печать: бегущий белый песец в черном круге. Даже он смог сообразить: здесь пахло родовой магией. Заявление было оперативно принято к производству и направлено по инстанции согласно предусмотренным на этот счет инструкциям.

Майор с капитаном сидели в кабинете и листали бумаги в отобранной у Песцова папке. На столе стояла изрядно початая бутылка дорогого коньяка, купленная на трофейные деньги. Терпилам деньги не нужны, это всем известно.

— Что-то мужики задерживаются, — сказал капитан. — Схожу, посмотрю.

Майор кивнул, просматривая очередную бумажку.

Капитан вышел и почти сразу же вернулся. В руках он держал сломанную пополам антимагическую дубинку.

— Никого нет. — растерянно промямлил он. — все сбежали.

— Ты кого притащил! — рявкнул майор. — Терпилу нашел, да? Ты глянь, что у него было! Ты посмотри, кто ему виру платит! Надо срочно отпускать его со всеми возможными извинениями, пока нас самих в терпилы не записали!

— Так сбежал он! — повторил капитан.

— Писец! — обреченно сказал майор. — Теперь нас даже в регулировщики не возьмут.

Министр внутренних дел Воронов сидел в кабинете Генерального прокурора Глазова.

— Слушай, Петр Ильич, я понимаю: два остолопа лоханулись. Ну понизить их в звании, ну перевести куда-нибудь в Анадырь или Ванино. Пусть там регулируют движение оленей по тундре или управляют потоками красной рыбы на нересте. Все, что отжали, они вернут, еще и своего приплатят. Но так-то зачем?

— А ты это видел? — спросил прокурор и положил перед министром лист бумаги.

На нем ниже текста заявления стояла четкая печать: белый бегущий песец на черном фоне.

— А теперь смотри.

Прокурор сделал несколько пассов, и над печатью поднялась голограмма. Или, скорее, магограмма. Полная запись контактов Песцова с сотрудниками ИАИ. С обоими случаями.

— И мы в итоге имеем нападение с целью грабежа в особо крупных размерах, совершенное группой лиц по предварительному сговору с отягчающими обстоятельствами. Очень сильно отягчающими. А вот это, — прокурор постучал пальцем по печати, — исключает возможность фальсификации материалов. И уничтожение заявления тоже становится невозможным.

— Дела-а! — протянул Воронов. — Я сколько лет на службе, но такого ни разу не видел. Да и слышал только единожды на дополнительном инструктаже тыщу лет назад.

— И у меня такая же фигня. Но есть инструкция, есть целый том нормативов, которые никто не отменял. А приняты они еще до Последнего Магического Сражения. И эти вот инструкции напрямую регламентируют действия с документами, украшенными подобными магическими печатями. Погляди у себя в архивах. Очень может быть, что в бумагах времён ПМС как раз и найдешь нечто подобное.

— А что с моими орлами? — вернулся министр к исходной теме.

— Нехорошее слово по нынешним временам, — покачал головой прокурор. — Орлов нынче сам знаешь, где. И сам знаешь, кто его с высокого кресла столкнул. Да так, что тот летел, как пьяный монтер со столба. Ты Песцову лучше спасибо скажи. Он тебе такое дерьмо раскопал, что попади это на уровень повыше, ты бы и сам не усидел. Сейчас лучший вариант — наградить парня за содействие органам. А этих двоих показательно судить и упрятать в Сибирь на полный срок, сколько позволяет статья.

— А работать кто будет?

— Те, кого ты снизу продвинешь. Сам знаешь, голодных лейтенантов хватает всегда. А тут сразу две должности освободились. Кроме того, после такой демонстрации внаглую беспредельничать побоятся не только новенькие, но и старенькие.

— Логично. Значит, так и сделаем. Спасибо, Петр Ильич, за совет.

— Спасибом не отделаешься, Сергей Васильевич.

— Не переживай, за мной не заржавеет.

Воронов ушел. Глазов какое-то время обдумывал прошедшую беседу. Судя по всему, переклевал тухлятинки Ворон, сам пованивать начал. Пора намекнуть кому следует: мол, пора замену приискивать. И надо бы сообщить о прецеденте Пастухову. Ему следует знать, что подобные вещи после долгого перерыва снова в ходу.

Остаток четверти пролетел быстро. И, вопреки опасениям Олега, прошли без неожиданностей. Сложился даже некий распорядок не то, что дня, а даже недели. И за поддержанием этого порядка следили и Маша, и Алёна. Как уж там они между собой договорились, ему было неважно. Но вечером к нему приходили то одна, то другая, и хотя бы раз в неделю обе вместе. Ещё пара вечеров у него оставалось свободных. Он рисовал, оттачивая мастерство, ходил к букинистам, тщетно разыскивая книги о нежити. И если о магических конструктах еще можно было что-то найти сверх программы, то про существ, живущих на узкой границе между материальным и нематериальным миром, не было ничего.

О Предках тоже нигде не было ни слова, в том числе и в библиотеке, доставшейся Олегу вместе с особняком. Возможно, что-то лежало в хранилище. Ведь сокровище — это не обязательно золото. За ценность могут считаться книги, артефакты, компромат, в конце концов. Но тратить много времени на поиски ключа было некогда, и Олег отложил это на потом. В конце концов, ему сейчас нет даже восемнадцати, впереди целая жизнь, и всё ещё можно успеть.

Зато о новых владениях информации было вполне достаточно. Поместье вполне себя окупало. Пахотные земли арендовали фермеры, и этих денег было достаточно для содержания всех построек, в реке было достаточно рыбы, а продажа воды из имеющегося на территории минерального источника приносила неплохой доход. Не слишком жирно, но жить можно. Конечно, можно было бы обустроиться лучше, но всё портили находившиеся рядом владения Песцовых. Сплошные болота, комарьё и, по слухам, даже какие-то монстры.

В монстров Олег не верил. Скорее, это была какая-нибудь одичавшая в отсутствие хозяина нежить. А то и просто смутные картины, возникшие в мозгу, отуманенном алкоголем и дурной фантазией. В любом случае стоило посмотреть самому.

И ещё один момент: господский дом в поместье был сравнительно новым, не более ста лет с момента постройки. А это означало, что хранителя в нем почти наверняка нет. Самое время предложить Аргусу переезд.

Всю четверть Олег усиленно качал резерв. Переборщить не боялся. Даже при его технике тренировок добраться до следующего ранга за три месяца было просто невозможно. Классическая же общепринятая методика и вовсе отодвигала такой прогресс за границы обозримого будущего. Становилось даже интересно: откуда берутся те самые высокоранговые маги? Не иначе, как добираются до высот искусства к старости, если им не надоедает качаться. В самом деле: это же какая должна быть мотивация, чтобы годы и годы старательно расти над собой вместо того, чтобы получать от жизни удовольствие? Впрочем, у Песцова стимул был большой и острый.

Результат проверки в конце четверти был ожидаем: подтянулись отстающие, и теперь большинство «элитников» были на десятом ранге. Восьмой же Олега существенно не изменился и, кажется, куратор группы вместе с доктором вздохнули с облегчением.

Песцов уже собрался идти заказывать билеты на поезд до Воронежа, но его остановил куратор.

— Олег, у тебя лучшие в гимназии результаты по теории магии.

— Ну да, я это знаю, — согласился гимназист.

— Как раз на этих каникулах в Москве будет проходить всеимперская олимпиада. На ней ты мог бы побороться за высшую награду.

— А нафига?

Этот вопрос поставил преподавателя в тупик.

— Ну как же? Слава, известность, перспективы. Ну и премия за первое место там довольно приличная.

— Сколько? — заинтересовался Песцов.

— Рублей пятьсот.

— И это вы называете приличной? Ну нет. Кроме того, у меня имеются планы на эти каникулы. Надо съездить в Воронеж, навестить родовые земли.

— А как же престиж гимназии?

— Он у неё и без того на высоте. Причем, вполне заслуженно. И это будет работа на гимназию. А что в итоге получу лично я? Ладно, допустим, это как-то может повлиять на поступление в академию. Но, насколько я знаю, одаренных начиная с определенного ранга принимают даже без экзаменов. Просто для того, чтобы научить пользоваться своей силой и никого не прибить при этом.

— А перспективы высокооплачиваемой работы?

— Пятьсот рублей в месяц? Тысяча? И всю жизнь ходить на службу, выполнять приказы идиотов-начальников, получать довольно умеренную зарплату и быть отделенным от результатов своего труда? Ну уж нет, такая перспектива меня не прельщает, как и размер оплаты.

— И каким же ты видишь своё будущее?

— Я стану всемирно известным художником. Мои картины будут продаваться с аукционов за миллионы, и лучшие картинные галереи мира будут сражаться за обладание хотя бы одним полотном моей кисти. При этом я смогу путешествовать по миру в любое время и в любое место, а не только во время отпуска и только на южный берег Крыма. Я смогу работать тогда, когда чувствую к этому желание, а не от гудка до гудка. И даже если всего этого не случится, я вполне готов к тихой уютной жизни обеспеченного гражданина, рантье.

Куратор, мягко говоря, офигел. С таким подходом он сталкивался впервые. И трудно было обвинить Песцова в беспочвенных мечтаниях. Рисовал он и вправду хорошо.

— Вот если будет конкурс рисунка, — продолжал ученик, — тогда я с удовольствием предоставлю для него свои работы. И, возможно, даже специально что-нибудь нарисую.

Возразить было нечего.

— Что ж, иди, собирайся. Но — жаль. Очень жаль. Подумай на досуге: может, всё-таки съездишь в Москву, если твои дела не займут много времени? От Воронежа до Москвы всего-то километров пятьсот. На хорошей машине часа три, не больше.

— И по пробкам еще столько же.

— Какой ты всё-таки... — покачал головой куратор.

— И какой же? — С вызовом спросил Песцов.

— Циничный пессимист.

— Не вижу в этом ничего плохого. Цинизм — это противоположность розовых очков. У меня они слетели еще в раннем детстве. А пессимист — это всего лишь хорошо информированный оптимист. А подумать я обещаю.

Где-то в Воронеже

Воронежский авторитет Резников уже месяц, как вернулся к себе в Воронеж. Навел порядок среди своих, разрулил терки с коллегами по ремеслу. Столичный вояж завершился вполне успешно: задание Главы было выполнено, хотя и с потерями. Двое «торпед» были не лучшими его людьми, но верными, а это стоит многого. Кажется, свою прошлую ошибку он искупил. Теперь новое задание: у мальчишки здесь, под Воронежем, появилось поместье. Надо туда наведаться, осмотреться, расставить прослушки, подкупить людей. И через два дня, когда пацан там появится, выкрасть его и доставить заказчику. Никаких эксцессов быть не должно. Глава передал пневматическое ружьё, стреляющее шприцем с сильнодействующим снотворным. Гарантированно свалит даже супермага. Остается устроить в поместье засаду, усыпить клиента и передать по адресу. Но провалить дело нельзя, иначе можно сразу самоубиваться по примеру японских самураев.